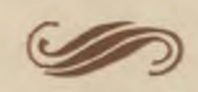
Л. Г. КИСЛЯГИНА

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ Н. М. КАРАМЗИНА

Л. Г. КИСЛЯГИНА

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ

Н. М. Карамзина (1785—1803 гг.)

Под редакцией профессора И. А. Федосова

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 1976

Рецензент:
кандидат исторических наук *Б. И. Краснобаев*

Московского университета
Редакционно-издательского совета
Печатается по постановлению

$К\frac{10604-020}{077(02)-76}68-75$

ВВЕДЕНИЕ

В развитии русской культуры конца XVIII — начала XIX века огромную роль сыграл Николай Михайлович Карамзин. Писатель, внесший большой вклад в развитие русского языка и литературы, журналист-новатор, крупнейший историк, по словам А. С. Пушкина, открывший историю для русских, Карамзин выступил как общественный деятель после Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева и когда началась буржуазная революция во Франции.

В последней четверти XVIII века в социально-экономическом развитии России углублялся процесс разложения феодального способа производства и вызревания на этой основе новых, капиталистических отношений. Развитие в недрах феодального общества капиталистического уклада отражалось на всей общественной жизни страны.

Россия продолжала оставаться феодальной монархией, дворянство сохраняло экономическое и политическое господство, основанное на монопольном владении землей. Но черты разложения проступали все явственнее. Они выразились прежде всего в обострении социальных противоречий в стране, в росте антифеодального движения крестьянских масс.

Внутренняя политика русского царизма во второй половине XVIII века отражала противоречия этого времени. Продолжая укреплять самодержавие и политическое и экономическое могущество господствующего класса, царизм вынужден был приспосабливаться к новым социально-экономическим условиям, проводя политику «просвещенного абсолютизма».

В последней четверти XVIII века под влиянием антифеодального движения крестьянства, достигшего высшего развития в Крестьянской войне под руководством Е. И. Пугачева, и революции во Франции, внутренняя политика царизма становится все более реакционной. Абсолютизм сбрасывает прикрывавшие его «просвещенные» одежды — режим деспотизма и произвола принимает особенно грубые формы к концу 90-х годов XVIII столетия.

Общественная мысль в этот период отразила противоречия этого времени, усложнившиеся формы жизни и изменения в структуре русского общества. В ней следует выделить два основных направления. Во-первых, просветительское, в котором наиболее ярко отразились передовые, прогрессивные идеалы данной эпохи. Русское просветительство второй половины XVIII века было течением очень широким, усвоившим рационалистические учения XVIII века и идеи Просвещения. Его развитие шло по линии усиления демократических и революционных идей, которые получили законченное выражение во взглядах А. Н. Радищева.

Вторым направлением можно считать различные оттенки консервативной идеологии, в которой превалировали идеи отходящего феодального мира. Однако идейная жизнь дворянского общества этого времени не укладывалась в рамки только этих течений. В ней наряду с консервативными и реакционными течениями развивается и такое, которое в определенных вопросах близко просветительским идеям, несет на себе печать влияния этих идей. Его условно можно назвать либеральным, хотя необходимо учитывать, что содержание либерализма было иное, чем в последующую эпоху. Это течение наиболее глубоко затронуло передовые прослойки образованного дворянства. Оставаясь по существу своему дворянским, оно более гибко приспосабливалось к изменениям в общественно-экономических отношениях, использовало передовые идеи своего времени для укрепления дворянского государства. Это течение не было неизменным: под влиянием Крестьянской войны, а затем Французской революции оно теряет свои прогрессивные черты, становится более консервативным. За короткий срок жизнь уходила далеко вперед — взгляды отставали. Что представлялось передовым и прогрес-

сивным для одного времени, через 10—20 лет становилось отсталым и ретроградным.

Наиболее ярко и всесторонне отразил эволюцию этого течения в конце XVIII века Н. М. Карамзин, анализу социальных и политических взглядов которого посвящена данная работа.

Творчество Н. М. Карамзина представляет несомненный интерес не только для изучения мировоззрения такого выдающегося деятеля, что важно само по себе, но и для понимания общественно-идейной борьбы в России в это сложное и бурное время.

Настоящая работа охватывает первый период жизни и деятельности Н. М. Карамзина — с 1766 по 1803 год включительно, т. е. с его рождения и до того времени, когда заканчивается литературно-журналистский период его деятельности и в основном оформляется консервативная политическая программа Карамзина. С 1804 года начинается его многолетний труд над «Историей государства Российского».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Основным источником настоящего исследования являются произведения Н. М. Карамзина, относящиеся к рассматриваемому периоду: стихотворения, повести, оды, статьи и т. п. Все они опубликованы самим Карамзиным в его журналах, сборниках или отдельными изданиями. Наиболее полное собрание его сочинений за 1791—1792 годы — издание А. Смирдина[1]. Список оригинальных произведений и переводов Карамзина опубликовал С. И. Пономарев, а позднее дополнил В. В. Сиповский и советский ученый академик В. В. Виноградов, которые обнаружили ранее неизвестные произведения Н. М. Карамзина[2].

Большое значение для определения взглядов и настроений Карамзина имеют его письма и бумаги. Из них особенно ценны письма Карамзина к поэту И. И. Дмитриеву[3]. Тщательно собранные другом писателя, они охватывают огромный период — всю самостоятельную жизнь Карамзина с 1787 по 1826 год. Письма Карамзина к И. И. Дмитриеву изданы Я. К. Гротом и П. П. Пекарским, снабжены подробны-

---

[1] Н. М. Карамзин. Сочинения, тт. 1—3, изд. А. Смирдина. СПб., 1848. Далее: Н. М. Карамзин. Соч.

[2] «Материалы для библиографии литературы о Н. М. Карамзине. К столетию его литературной деятельности (1783—1883)». Собрал С. И. Пономарев. СПб., 1883; В. В. Сиповский. Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1889; В. В. Виноградов. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961.

[3] Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866.

ми примечаниями. Издатели включили сюда также письма Карамзина к К. Ф. Калайдовичу и С. Н. Глинке и статью Карамзина о русской литературе, написанную им по заказу гамбургского журнала «Spectateur du Nord» в 1797 году.

Ценный источник для определения взглядов Н. М. Карамзина в годы юности представляют его письма к немецкому философу Лафатеру, а также письма к брату В. М. Карамзину[4].

Некоторые бумаги из личного архива писателя опубликовал его внук кн. Н. П. Мещерский в 1862 году[5]. В это издание вошли в основном бумаги, относящиеся ко второму десятилетию XIX века, частично нами использованные, и записные книжки писателя за 1797—1798 годы.

Особый вид источника представляют изданные Карамзиным журналы и сборники, которые заполнялись не только оригинальными произведениями писателя, но также его переводами и произведениями других авторов. Весь материал этих изданий отвечал общему направлению, которое определялось взглядами издателя, его политической и общественной позицией. В работе использованы следующие периодические издания Карамзина: «Детское чтение для сердца и разума» (1787—1789), «Московский журнал» (1791—1792), «Вестник Европы» (1802—1803), «Аглая» (1794, 1795), «Аониды» (1796—1799), «Пантеон иностранной словесности» (1796—1803). Нами изучены письма к Карамзину его друзей и знакомых, а также отзывы и воспоминания о нем современников. Важнейшие из них — письма А. А. Петрова к Карамзину, найденные и опубликованные проф. Московского университета В. Порошиным[6], переписка московских масонов[7], в которой содержатся интересные сведения о Карамзине. Из воспоминаний современников и друзей Карамзина наиболее ценны за-

---

[4] Переписка Н. М. Карамзина с Лафатером. Сообщена Ф. Вальдманом, подготовлена к печати Я. К. Гротом. СПб., 1893; «Атеней», 1858, ч. III и Н. М. Карамзин. Соч., т. 3.

[5] Н. М. Карамзин. Неизданные сочинения и переписка, ч. 1. СПб., 1862.

[6] «Русский архив», 1863, № 5—6; 1866, № 11—12.

[7] Я. Л. Барсков. Переписка московских масонов XVIII века, Пг., 1915.

писки И. И. Дмитриева[8], воспоминания К. С. Сербиновича[9], П. А. Вяземского[10] и др.

Литература о Карамзине обширна, о нем писали как о литераторе, журналисте, критике, историке, общественном деятеле. В редкой работе по истории русской литературы и в общих трудах по историографии не отводилось Карамзину несколько страниц или целая глава, а то и раздел.

Творческий путь Н. М. Карамзина резко делится на два периода: в первом он выступал как писатель и журналист, во втором как историк. Это определило характер литературы о нем. Историки литературы занимались первым периодом его деятельности, историки — вторым; и если первые иногда обращались к «Истории государства Российского», рассматривая ее как литературное произведение, то историки только в общих чертах касались раннего периода его творчества. Это привело к тому, что до настоящего времени нет ни научной биографии Карамзина, ни сколько-нибудь полного исследования его мировоззрения в целом.

Из большого числа работ о раннем периоде жизни и деятельности Карамзина мы остановимся только на тех, в которых рассматривается вопрос о мировоззрении Карамзина. Несмотря на кажущееся обилие литературы, вопрос о формировании и развитии социально-политических взглядов Карамзина изучен до сих пор недостаточно.

«Карамзин,— писал В. Г. Белинский в «Литературных мечтаниях»,— вот актер нашей литературы, который еще при первом своем дебюте, при первом своем появлении на сцену, был встречен и громкими рукоплесканиями и громким свистом»[11]. Эти слова Белинского можно полностью отнести к литературе о Карамзине, вышедшей в XIX веке. Борьба вокруг имени Карамзина, начавшаяся еще при его жизни, продолжалась в специальной литературе и в некоторой степени дошла

---

[8] И. И. Дмитриев. Взгляд на мою жизнь. Записки тайного советника И. И. Дмитриева в 3-х частях. М., 1866. Далее: И. И. Дмитриев. Взгляд...

[9] К. С. Сербинович. Н. М. Карамзин. Воспоминания. «Русская старина», 1874, т. XI.

[10] П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., т. VII. СПб., 1878—1884.

[11] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 1. М., 1953, стр. 54.

до наших дней. Это объясняется его положением наиболее авторитетного представителя официального направления в идеологии, каким Карамзин оставался вплоть до 30-х годов XIX века [12], а также противоречивостью его мировоззрения.

Начало изучению творчества Карамзина положили представители официального направления в русской историографии в 40-х годах XIX столетия. Особый интерес представителей этой школы к его жизни и творчеству помимо его положения официального идеолога объясняется еще и тем, что в эти годы шло оформление «теории официальной народности», которая проповедовала идею исключительности России, несхожести ее пути исторического развития с историей Западной Европы. Идейные обоснования для этой теории были извлечены из трудов идеологов самодержавия и реакции предшествовавшего времени: С. Н. Глинки, А. С. Шишкова, Ф. В. Ростопчина и Н. М. Карамзина [13]. Представители охранительного направления в историографии черпали в творческом наследии Карамзина идеи для основных доктрин «теории официальной народности».

Для этих биографов Карамзина характерен односторонний подход к его творчеству, непомерное возвеличивание его роли в общественном движении России конца XVIII — начала XIX века, в развитии русского языка, литературы и истории. В качестве примера подобного панегирика Карамзину следует привести книгу А. В. Старчевского «Н. М. Карамзин», единственное достоинство которой в том, что это первая биография Карамзина. Для Старчевского Карамзин — самобытное явление, не имеющее корней в русском общественном развитии. Между Ломоносовым и Карамзиным автор не видит ни одной выдающейся личности ни в литературе, ни в общественном движении. Карамзин, по мнению автора, опередил русское общество в умственном развитии, и в силу этого он выступил как культуртрегер, воспитатель и образователь русского общественного мнения: «Он один сделал для России то, что в других местах не могли бы сделать целые ученые общества» [14].

---

[12] «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I. М., 1955, стр. 317.
[13] Там же.
[14] А. В. Старчевский. Н. М. Карамзин. СПб., 1849, стр. 11.

В 40—60-х годах XIX века с рядом работ о Карамзине выступил известный историк, один из видных представителей охранительного направления, профессор М. П. Погодин[15]. Для Погодина Карамзин также «высокое, своеобразное, удивительное лицо в истории русской жизни»[16], обязанное всем своей необычной, даровитой натуре. М. П. Погодин видел в Карамзине самого крупного общественного деятеля конца XVIII — начала XIX века, имевшего огромное влияние на русское общество.

М. П. Погодин и А. В. Старчевский определяли социально-политические взгляды Карамзина как охранительные (консервативные), но анализа его взглядов в их работах нет. В связи с оформлением «теории официальной народности» Погодин особое внимание в своих работах обращал на «патриотизм» или «народность» Карамзина, которые, как он писал, определялись историческим прошлым России и «были основанием его веры в будущее»[17].

В 1866 году официальная Россия очень торжественно отметила 100-летие со дня рождения Карамзина. Состоялись юбилейные собрания в Петербургской Академии Наук, в Московском университете, на родине Карамзина в Симбирске. Юбилей ознаменовался публикацией литературного и эпистолярного наследия писателя. Вышедшие к юбилею работы историков и литературоведов охранительного направления[18] были слабыми и в методологическом и в идейном отношениях. Они не

---

[15] Кроме статей для журналов Погодин написал два «Похвальных слова Карамзину», одно — в 1845 г. в связи с открытием памятника Карамзину в Симбирске, другое — в 1886, в день столетнего юбилея Карамзина, а также двухтомную биографию «Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями М. Погодина», тт. 1—2. М., 1866. Далее: М. П. Погодин. Н. М. Карамзин...

[16] М. П. Погодин. Н. М. Карамзин, т. 1, стр. 1.

[17] «Симбирский юбилей Н. М. Карамзина». Симбирск, 1867, стр. 122.

[18] Я. К. Грот. Очерк деятельности и личности Н. М. Карамзина. СПб., 1867; Н. И. Булич. Биографический очерк Карамзина и развитие его литературной деятельности. «Уч. зап. имп. Казанского ун-та», 1866, т. 33 и др.; «Речи, произнесенные в торжественном собрании имп. Московского университета... в день карамзинского юбилея». М., 1867.

отличались глубоким анализом взглядов Карамзина и акцентировали внимание на тех его идеях, которые официальная наука стремилась противопоставить революционно-демократическим и либеральным.

Юбилей совпал с буржуазными реформами 60—70-х годов. Социально-экономические и политические процессы, утверждавшие буржуазные отношения в России, воздействовали на общественную мысль, на развитие науки, на идейную и политическую борьбу в русском обществе. В науке господствующее положение завоевывало либерально-буржуазное направление, которое утверждалось в борьбе как с охранительным, так и революционным направлениями.

Представители охранительного направления и в пореформенный период использовали социально-политическую концепцию Карамзина для обоснования необходимости крепкой самодержавной власти. Таким образом, и в этот период Карамзин оставался знаменем реакционных кругов России. Дворянская историография, представляя Карамзина родоначальником русской литературы, основателем современного русского языка, первым русским историком и организатором общественного мнения в России, тем самым отрицала все предшествующее развитие русской культуры и общественной мысли. Двигателем русской культуры объявлялось самодержавие, Карамзин выступал как воспитанник Екатерины II, как «высшее проявление гуманного настроения» ее века [19].

Карамзина представляли как исторического деятеля, намного опередившего свою эпоху и потому стоящего идейно ближе к современникам его юбилея [20].

Против такой трактовки развития общественного движения в России и роли Карамзина в ней выступили представители революционно-демократического лагеря.

Великий русский критик В. Г. Белинский высоко оценил «гражданский подвиг Карамзина», целью которого было, как указывал он, приучить русскую публику к чтению [21], «ввел русскую литературу в сферу новых идей», познакомил «русское общество с чувствами, образом мыслей, а следовательно, и с образом выраже-

---

[19] Я. К. Грот. Очерк деятельности и личности Карамзина, стр. 4.
[20] Там же, стр. 3.
[21] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. I, стр. 57.

ния образованнейшего общества в мире»[22]. Но в то же время Карамзин сделал меньше, чем мог. Хотя по своему образованию, как писал он, Карамзин «был несравненно выше своего общества», но не стал «наравне со своим веком»[23]. Поэтому его произведения быстро устарели и не только не отвечают требованиям нового времени, но просто вредны для детей своею «приторною чувствительностью»[24].

В. Г. Белинский дал лишь общую оценку исторической роли Карамзина в развитии русской культуры, не вдаваясь в анализ его взглядов. Определенный вклад в изучение литературного наследия Карамзина внесла буржуазно-либеральная историография.

В 60-х годах с серией статей о Карамзине выступил А. Д. Галахов, известный историк литературы и писатель, находившийся под влиянием литературных воззрений Белинского[25]. Он поставил перед собой задачу исследовать образ мыслей Карамзина, выяснить, как современная Карамзину эпоха отразилась в его сочинениях и каким образом они действовали на общество[26]. В своих статьях Галахов рассмотрел вопрос о воспитании Карамзина, показал идейную среду, в которой формировались взгляды писателя. Систему философских взглядов Карамзина он называет оптимизмом, понимая под этим веру в прогресс и благо, царящее в мире. Мировоззрение Карамзина Галахов рассматривал как неизменное и не замечал эволюции его взглядов.

Работы Галахова о Карамзине богаты фактическим материалом, в них много интересных наблюдений и выводов, но они страдают общими для всей буржуазной науки недостатками: Галахов не видел классовой сущности мировоззрения Карамзина. Его взгляды он объяснял «характером и обстоятельствами жизни Карамзина», рассматривал их вне зависимости от конкретных исторических условий, считал их неизменными.

---

[22] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 132, 134.
[23] Там же, т. I, стр. 56.
[24] Там же, стр. 58.
[25] А. Д. Галахов. Материалы для определения литературной деятельности Н. М. Карамзина. «Современник», 1853, № 1; его же. Карамзин как оптимист. «Отечественные записки», 1858, т. 116; его же. Биографические и литературные заметки о Н. М. Карамзине. ЖМНП, 1867, т. 133.
[26] «Современник», 1853, № 1, стр. 2.

В 60-х годах, как мы уже отмечали, вопрос о роли Карамзина в развитии русской литературы и общественной мысли получил новое политическое звучание. Борьба между представителями охранительного направления и буржуазными учеными во время юбилея Карамзина и после него приняла особенно острый характер. Уже на юбилейном собрании в Московском университете, посвященном Карамзину, известный историк С. М. Соловьев в своем выступлении доказывал, что в работе над «Историей государства Российского» Карамзин использовал все достижения исторической науки XVIII века, а не творил ее на пустом месте. «История государства Российского»,— отметил он,— отвечала вкусам и требованиям своего времени»[27], а не являлась чем-то из ряда вон выходящим.

Выступили против непомерного возвеличивания роли Карамзина и историки литературы, особенно представители историко-критической школы. Они занялись не только изучением взглядов Карамзина, но и идейной среды, под воздействием которой формировались его взгляды. Из работ ученых этой школы о Карамзине следует выделить монографию А. Н. Пыпина «Общественное движение в эпоху Александра I» и главу о Карамзине в его «Очерках по истории русской литературы»[28].

Книга А. Н. Пыпина «Общественное движение в эпоху Александра I» вышла в 1870 году, т. е. вскоре после юбилея Карамзина, поэтому автор, обратившись к характеристике взглядов и роли Карамзина в общественном движении этого времени, вступил в полемику с панегиристами Карамзина. Они, писал Пыпин, «не только изображали его историческое значение..., но выводили из Карамзина мораль для настоящей минуты и в довершение всего извлекли из него даже аргументы в пользу охранительно-крепостнических тенденций, особенно разыгравшихся ко времени этого юбилея»[29]. Опровергая дворянских биографов Карамзина, Пыпин доказывал в своих работах, что Карамзин не был «само-

---

[27] «Речи, произнесенные в торжественном собрании имп. Московского университета... в день карамзинского юбилея», стр. 5.

[28] А. Н. Пыпин. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1900; его же. История русской литературы, т. IV, СПб., 1907.

[29] А. Н. Пыпин. Общественное движение..., стр. 187.

бытным явлением в русской жизни», что он по идеям и по литературным приемам был питомцем XVIII века[30].

По его мнению, в литературных, философских и политических воззрениях Карамзина «господствовала неясность», на взглядах его «оставался отпечаток вялости общих воззрений, где сомнение никогда не дорастало до освежающего анализа, а гуманные идеи останавливались на степени расслабленной чувствительности, которая доходила до приторности на словах и бывала весьма черствой на деле»[31]. Мировоззрение Карамзина, указывал Пыпин, формировалось под влиянием масонской мистики и просветительской литературы XVIII века. Отметил он и влияние идей французской революции на взгляды Карамзина, заметив при этом, что Карамзин сочувствовал им, но только в том виде, «как они представлялись ему в книгах, а не в бурном историческом процессе, где он их не понял»[32].

Политические взгляды Карамзина Пыпин характеризует как консервативные с элементами либерализма, выразившимися в сочувствии либеральным начинаниям Александра I в начале его царствования. Перелом во взглядах Карамзина, по мнению Пыпина, произошел после первых лет нового царствования, когда в результате реформ Александра I «сложилась система откровенно консервативных взглядов» Карамзина. Эти взгляды получили полное выражение в «Записке о древней и новой России»[33].

Сторонник либеральных реформ, Пыпин особенно резко критикует «Записку», назвав ее «программой застоя и реакции». Идеи, воплощенные в ней, указывал он, имели вредное влияние в годы правления Николая I. Понимая процесс общественного развития как саморазвитие идей, как движение понятий, Пыпин не видел классовой обусловленности консерватизма Карамзина и объяснял его противоречиями «между чувствительными увлечениями и практическими взглядами»[34].

---

[30] А. Н. Пыпин. Общественное движение..., стр. 195; История русской литературы, т. IV, стр. 202.

[31] А. Н. Пыпин. Общественное движение..., стр. 191.

[32] Там же, стр. 199.

[33] «Записка о древней и новой России» опубликована полностью А. Н. Пыпиным в приложении к его книге «Общественное движение в России при Александре I».

[34] А. Н. Пыпин. Ук. соч., стр. 260.

Во все последующие годы, вплоть до Великой Октябрьской революции, не появилось ни одного серьезного исследования о Карамзине в целом или хотя бы посвященного литературно-журналистскому периоду его жизни. Историки и литературоведы изучали отдельные его произведения [35] или отдельные периоды его жизни [36]. Правда, во всех общих трудах по историографии или по истории русской литературы Карамзину посвящались глава или раздел. Были изданы краткие биографии Карамзина [37]. Но научной ценности эти работы не представляют. В них в лучшем случае имеются отдельные интересные наблюдения и выводы [38].

В 90-х годах XIX века в связи со столетием «Писем русского путешественника» вышел ряд работ, посвященных самому крупному произведению Карамзина [39]. В этих работах новой является попытка авторов проникнуть во внутренний мир 23-летнего Карамзина, определить степень его образованности, его взгляды. При всех разногласиях в оценке «Писем» авторы этих работ сходились в одном: «Письма» — это не только литературное произведение, они автобиографичны и отражают взгляды и настроения молодого Карамзина. Д. Н. Анучиным было высказано предположение о существовании двух редакций «Писем» [40].

Вслед за этими работами вышла монография В. В. Сиповского «Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». Благодаря скрупулезному исследованию текста «Писем» эта книга не потеряла своего значения и в настоящее время. В. В. Сиповский доказал, что «Письма» являются путевым журналом, который вел Карамзин во время путешествия, а не пись-

---

[35] Д. Н. Анучин. К столетию «Писем русского путешественника». М., 1890.

[36] Н. С. Тихонравов. Четыре года жизни Н. М. Карамзина. Соч., т. III, ч. 1. М., 1898.

[37] См. Г. Э. Караулов. Очерки истории русской литературы в 2-х тт. М., 1883; Е. А. Соловьев. Н. М. Карамзин, его жизнь и научно-литературная деятельность. Биографический очерк. СПб., 1894; К. Н. Бестужев-Рюмин. Н. М. Карамзин. Статья в «Русском биографическом словаре». СПб., 1897.

[38] Мы не касаемся здесь работ о Карамзине-историке, поскольку это выходит за рамки нашей работы.

[39] Д. Н. Анучин. Ук. соч.; И. Глебов. Два наблюдателя европейской жизни. Критический очерк. «Наблюдатель», 1898, № 6.

[40] Д. Н. Анучин. Ук. соч., стр. 28.

мами к Плещеевым, как это было принято считать [41], и что рукописный текст «Писем» (который не сохранился) существенно отличался от текста их полного издания, вышедшего в 1801 году. «Письма» он считал ценным источником, дающим возможность изучить эволюцию взглядов Карамзина с 1789 по 1800 год. В. В. Сиповский поставил вопрос об эволюции политических взглядов Карамзина. Называя их либеральными в юношеские годы, он говорит о постепенном их поправении. Консервативный характер они приняли в конце 90-х годов под непосредственным влиянием Французской революции. В то же время, подчеркивает исследователь, все прежние либеральные симпатии Карамзина не исчезли, а причудливо переплелись с более поздними взглядами, что дало очень противоречивое сочетание. Карамзина, вступившего в XIX век, он характеризует как «утописта-политика, от своих мечтаний отказавшегося только со временем и то с большим трудом лишь отчасти» [42].

Таким образом, буржуазные ученые внесли много нового в изучение мировоззрения Карамзина. Они расширили круг источников, изучили идейную среду, в которой воспитывался Карамзин, поставили вопрос об эволюции его взглядов. Но буржуазные ученые рассматривали историю общественной мысли как саморазвитие понятий, в отрыве от конкретных исторических условий, от социальных процессов и классовой борьбы. Поэтому корни социально-политических и философских взглядов Карамзина они искали в идейных течениях того времени, а не в социально-экономическом строе общества.

Впервые на классовый характер взглядов Карамзина указал Г. В. Плеханов. В главе «Вопрос об отношении России к Западу во второй половине XVIII века» в «Истории русской общественной мысли» он писал: «Карамзин сильно, хотя и бессознательно, дорожил тем общественным порядком», который был в России [43]. Увлечение молодого Карамзина идеями западноевропейского просветительства Плеханов объяснял тем, что молодые люди «почти всегда обнаруживают боль-

[41] В. В. Сиповский. Ук. соч., стр. 149—158.
[42] Там же, стр. 105.
[43] Г. В. Плеханов. Соч., т. XXII. М.—Л., 1925, стр. 197.

шую склонность к увлечению отвлеченными идеями,... так как вообще мыслят более отвлеченно»[44]. Но это вовсе не означает, писал он далее, что молодые люди, принадлежавшие к высшим сословиям (классам), не дорожат сословными интересами. Это в полной мере относится к Карамзину. Когда он увидел, что «политические бури могут сверху донизу переворачивать данный общественный строй, он стал высказываться как *совершенно сознательный* (курсив Плеханова.— *Л. К.*) консерватор»[45]. Карамзин, писал Плеханов, «безусловно стоял за просвещение», но сам «исторический процесс развития просвещения» представлял очень отвлеченно и не связывал его с практической борьбой с врагами просвещения. Выступая за просвещение, Карамзин, указывал Плеханов, вообще упускал из виду «конкретные условия, в которых жили его русские современники».

Сложившаяся в дореволюционной литературе традиция раздельного изучения двух периодов жизни Карамзина получила дальнейшее развитие в советской литературе: историки занимаются «Историей государства Российского» и общественной деятельностью Карамзина в первой четверти XIX века, историков литературы продолжает занимать Карамзин-писатель, журналист. Таким образом, и в советское время интересующим нас периодом жизни Карамзина занимались историки литературы.

Из ранних работ советских ученых о Карамзине остановимся на небольшой статье Б. М. Эйхенбаума в сборнике «Сквозь литературу». Советские исследователи творчества Карамзина часто ссылаются на эту статью, характеризуя философские взгляды Карамзина. Особая ценность этой небольшой работы заключается в том, что в ней рассматриваются философские взгляды Карамзина, хотя автор и не ставил перед собой задачи детального их анализа. Своим очерком автор хотел лишь обратить внимание на необходимость нового подхода к изучению мировоззрения Карамзина. «Мы слишком мало обращали до сих пор внимания на то, что Карамзин был не только художником,— писал он,—

---

44 Г. В. Плеханов. Соч., т. XXII. М.—Л., 1925, стр. 193.
45 Там же, стр. 197.

но и мыслителем и, можно сказать, первым нашим философом»[46].

Хотя с последними словами Б. М. Эйхенбаума нельзя согласиться, однако сама мысль о необходимости изучения Карамзина как мыслителя представляется верной, тем более что в дореволюционной литературе в этом направлении сделано очень мало[47] и даже утвердилось мнение о поверхностном характере философских и общественных взглядов Карамзина. Без изучения основ мировоззрения Карамзина не могло быть и речи о серьезном исследовании его социально-политической программы. Эйхенбаум указывал на полное соответствие философии Карамзина его поэтике. Сентиментализм его, отмечал он,— это не просто «умонастроение эпохи, пассивно воспринятое, но нечто гораздо большее. Если к этому присоединить рассмотрение его любовных повестей и исторических образов, его эстетику и политику, то должно получиться нечто весьма отдаленное от традиционного учения о нем, как только о представителе «сентиментализма»[48].

Вопрос о влиянии Французской революции и французской культуры на формирование мировоззрения Карамзина рассмотрел С. А. Макашин во вступительной статье к 29—30 томам «Литературного наследства». Для Макашина классовая направленность политических взглядов Карамзина совершенно очевидна: Карамзин — представитель образованной части русского дворянства, активный политический деятель. Для ранней деятельности Карамзина, пишет он, характерно стремление к решению актуальных политических задач, «к тому, чтобы в условиях выявившихся реальных опасностей для класса помещиков (крестьянские восстания и Французская революция) сберечь свою дворянскую культуру...»[49].

Но укрепляя дворянскую культуру, Карамзин и карамзинисты не отвергали связей с западноевропейской культурой, «без чего дворянской интеллигенции грозили национальная замкнутость и культурное обедне-

---

[46] Б. М. Эйхенбаум. Сквозь литературу. Сб. статей. М., 1924, стр. 39.

[47] Исключение составляют упомянутые выше статьи А. Д. Галахова.

[48] Б. М. Эйхенбаум. Ук. соч., стр. 49.

[49] «Литературное наследство», 1937, т. 29/30, стр. XXII.

ние»[50]. Поэтому даже в поздний период своей деятельности, пишет автор, Карамзин, выступая апологетом самодержавия, «останется сторонником просвещения, общения с Западом, рационализма и морализма»[51]. В этом слабость Карамзина, как идеолога реакции, но это же объясняет и то, «почему, несмотря на его политическую реакционность, такие люди, как Пушкин и Вяземский в молодости, могли считать его своим»[52].

Из довоенной литературы о Карамзине как самую значительную следует отметить главу Г. А. Гуковского «Карамзин и сентиментализм» в «Истории русской литературы». Социально-политические взгляды Карамзина в этом издании определяются как либеральные в ранний период и как «консервативные помещичьего толка» в XIX веке. Воспитанный в традициях дворянского либерализма, указывает Гуковский, Карамзин пришел к политическому консерватизму под влиянием Французской революции и начинающегося кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства в России. Но автору представляется неверным сводить политическую программу Карамзина в XIX веке лишь к охранительно-консервативной. «...Не только теоретическая просветительская позиция Карамзина,— пишет он,— заставляет нас отделить его от реакционеров типа Шишкова или типа Магницкого и Рунича; вся литературно-общественная деятельность Карамзина, объективно служившая пропаганде многих достижений европейской культуры в России, шла вразрез с установками и практикой правительственной реакции»[53]. Главное, что разделяло Карамзина с «либералистами», указывал Гуковский,— это вопрос о крепостном праве, «обо многом и очень важном» они смогли бы договориться.

Таким образом, в советской литературе о Карамзине, вышедшей в довоенные годы, общественная позиция Карамзина определялась не только на основе его социально-политической программы, а с учетом отношения к просвещению, к европейской культуре и стремления к распространению их в русском обществе.

---

[50] «Литературное наследство», 1937, т. 29/30, стр. XXIII.
[51] Там же, стр. XXVII.
[52] Там же, стр. XXVII.
[53] «История русской литературы», т. V. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1941, стр. 63.

Такой же подход к определению общественной роли Карамзина характерен для большинства учебников и общих работ по истории русской литературы, журналистике и критике, вышедших в послевоенные годы[54]. Подобным же образом определяет общественную позицию Карамзина Н. Л. Рубинштейн в «Курсе русской историографии», считавший, что идеалом Карамзина в первые годы XIX века были «просвещенный абсолютизм» и «умеренная политическая программа Вольтера»[55].

Но в 50-е годы в литературоведении наметилась новая тенденция — прямолинейного подхода к оценке исторической роли Карамзина. Он рассматривается теперь только как консервативный и даже реакционный деятель. Впервые новую точку зрения высказал В. Н. Орлов в книге «Русские просветители 1790—1800-х годов» Он предложил пересмотреть вопрос о роли Карамзина в развитии литературы конца XVIII — начала XIX века и правомерность названия этого периода в литературе как «карамзинского». В. Н. Орлов исходил из того, что содержанием литературного процесса в конце XVIII — начале XIX века было «борение двух враждебных начал... «карамзинского» и «радищевского»[56]. Рассматривая Карамзина в качестве антипода Радищева, Орлов выступил против стремления «загримировать Карамзина под прогрессивного деятеля», которое, как он писал, утвердилось в литературе. «И поныне предпринимаются попытки спасти политическую репутацию Карамзина, найти в его деятельности некие смягчающие обстоятельства. Однако достаточно обратиться к фактам и прочесть то, что написал Карамзин, чтобы убедиться в полной неосновательности и безнадежности подобных попыток. Классовая и политическая физиономия Карамзина совершенно ясны»[57].

---

[54] «Очерки по истории русской журналистики и критики», т. 1. Изд-во ЛГУ, 1950; Н. И. Мордовченко. Русская критика первой четверти XIX века. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1959; П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952.

[55] Н. Л. Рубинштейн. Русская историография. М., Госполитиздат, 1941, стр. 169.

[56] В. Орлов. Русские просветители 1790—1800-х годов. М., 1950, стр. 52.

[57] Там же, стр. 55.

Такая тенденциозность в оценке взглядов и роли Карамзина, стремление свести социально-политическую позицию Карамзина только к охранительно-крепостнической, без учета ее сложности и противоречивости, упрощает идейную борьбу в конце XVIII — начале XIX века.

Точка зрения В. Н. Орлова тем не менее получила дальнейшее развитие в работах ленинградского ученого Г. П. Макогоненко, вышедших в 50-х годах[58]. В монографии, посвященной Радищеву, автор подошел к характеристике взглядов и общественной роли Карамзина в связи с рассматриваемой им проблемой борьбы между двумя направлениями в русской литературе конца XVIII века: борьбы между демократическим сентиментализмом Радищева и дворянским сентиментализмом Карамзина. Рассматривая Карамзина как идеолога дворянства, Макогоненко намеренно не замечает либеральных элементов в мировоззрении Карамзина. Для этого он отрывает Карамзина от либеральной дворянской традиции XVII века, в которой тот воспитывался. Карамзин, пишет Макогоненко, после возвращения из-за границы «сознательно отмежевывался от своих старых связей, и от связей с Новиковым прежде всего»[59].

Увлечение Карамзина идеологией просвещения остается незамеченным. Мало того, автор доказывает, что система политического консерватизма Карамзина сложилась уже в 1790 году, т. е. непосредственно в связи с началом Французской революции. Революция, доказывает Макогоненко, не могла не испугать дворянина Карамзина. «Но революция не только пугала,— она на многое открывала глаза. Постепенно у Карамзина складывалось убеждение, что с революционными идеями нужно бороться»[60]. «Выработанная к 1790 году программа послужила основанием для всей последующей деятельности Карамзина — поэта, прозаика, Карамзина — издателя, редактора, историка. Оттого он постоянно посылал проклятия революции, осуждал людей, верующих в творческую и преобразующую энергию народа и че-

---

[58] Г. П. Макогоненко. Николай Новиков и русское просвещение XVIII в. М.—Л., 1952; его же. Радищев и его время. М., Гослитиздат, 1956.

[59] Г. П. Макогоненко. Радищев и его время, стр. 525.

[60] Там же, стр. 522—523.

ловека»[61]. Свой вывод Макогоненко обосновывал ссылками на соответствующие места из «Писем русского путешественника», не учитывая при этом специфики их как исторического источника, не привлекая произведений Карамзина, вышедших в последующие годы.

Положения, высказанные в книге «Радищев и его время», Макогоненко повторил в статье «Был ли «карамзинский» период в русской литературе?», опубликованной в 1960 году[62]. Не касаясь существа спора, который компетентны решить историки литературы, отметим, что и здесь Макогоненко также тенденциозно осветил взгляды и творчество Карамзина. Но в вышедшей в 1962 году статье «Литературная позиция Карамзина в XIX веке»[63] Г. П. Макогоненко пересмотрел свою оценку взглядов Карамзина. Эта статья отличается более тонким пониманием процесса формирования его взглядов. Она интересна и по трактовке отдельных периодов жизни Карамзина и по поднятым в ней вопросам. На этот раз автора интересовала не только эстетическая позиция Карамзина, но и политическая. Поэтому вопросу развития общественно-политических взглядов Карамзина автор уделил особое внимание. Французская революция, делает вывод Г. П. Макогоненко, не означала для Карамзина полного разрыва с идеями Просвещения. Напротив, «политический опыт Французской революции, как его понимал Карамзин, обусловил усвоение им политической концепции просветителей»[64] и признание политической концепции «просвещенного абсолютизма»[65]. Этот вывод исследователя заслуживает внимания. Макогоненко, на наш взгляд, преувеличил несколько влияние идей Просвещения на Карамзина, и в частности, политической концепции просветителей. В своей трактовке политической доктрины Вольтера и Монтескье Карамзин ближе не к ним, а к Екатерине II, что было обусловлено уровнем социально-экономического развития России и его классовой позицией идеолога дворянства и сторонника самодержавно-крепостнического строя.

---

[61] Г. П. Макогоненко. Радищев и его время, стр. 523.
[62] «Русская литература», 1960, № 4.
[63] «Русская литература», 1962, № 1.
[64] Там же, стр. 84.
[65] Там же, стр. 86.

Эволюции мировоззрения Карамзина посвящено исследование Ю. М. Лотмана «Эволюция мировоззрения Н. М. Карамзина в 1790—1800 гг.». Главное достоинство этого исследования в том, что Лотман не только говорит об эволюции взглядов Карамзина, но последовательно прослеживает их развитие, учитывая при этом конкретные исторические условия, в которых они родились. Но Ю. М. Лотмана интересовала, прежде всего, эволюция философских и эстетических воззрений Карамзина, общественно-политические взгляды его автор затронул лишь в той мере, в какой они необходимы для его темы.

Изучая философские взгляды Карамзина, Ю. М. Лотман пришел к выводу, что определяющее влияние на их формирование оказала идеалистическая философия масонства и, прежде всего, субъективно-идеалистическая философия А. М. Кутузова, идейного вождя московских масонов. Отметив отход Карамзина от идеологии масонства в годы заграничного путешествия и издания «Московского журнала» вследствие увлечения идеями Просвещения, Ю. М. Лотман тем не менее считает, что, «начиная с 1792 года, в мировоззрении Карамзина усиливались элементы субъективного идеализма и агностицизма» [66].

Итак, мы должны отметить, что в вопросе о развитии социально-политических взглядов Карамзина еще много спорных и нерешенных проблем и они неоднократно будут привлекать внимание историков и литературоведов.

Настоящая работа представляет собой попытку проследить процесс формирования социально-политических взглядов Н. М. Карамзина, начиная с его первых самостоятельных шагов в литературе.

---

[66] Ю. М. Лотман. Эволюция мировоззрения Карамзина (1789—1803). «Уч. зап. Тартуского ун-та», 1957, № 51, стр. 131.

ГЛАВА I

НАЧАЛО ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. М. КАРАМЗИНА

Николай Михайлович Карамзин родился 1 декабря 1766 г. в семье служилых дворян Симбирской губернии. Отец его, Михаил Егорович Карамзин, был участником турецкой и шведской кампаний, уволен в отставку капитаном и за службу пожалован землями в Оренбургской губернии. Мать Карамзина, Екатерина Петровна Пазухина, умерла молодой, оставив четырех маленьких детей.

Детские годы Карамзина прошли в оренбургском имении отца, в селе Михайловское, или Преображенское «тож». Село находилось недалеко от Бугуруслана, примерно в 250 км от Оренбурга.

В деревне Карамзин обучался грамоте у сельского дьячка и рано пристрастился к чтению. Скоро были прочитаны все романы, оставшиеся после матери. В десять лет его определяют на учение в пансион Фовеля в Симбирске, но уже в 1777 или 1778 году отправляют в Москву к профессору Шадену, в пансионе которого он продолжил образование.

Немецкий ученый, доктор философии И. Шаден был профессором императорского Московского университета и преподавал не только философию, но и логику, пиитику, риторику, немецкую литературу, обучал древним и новым языкам. Педагог по призванию, Шаден был директором двух университетских гимназий и имел частный пансион [1].

В пансионе, как сообщает И. С. Тихонравов, было восемь воспитанников. Кроме самого Шадена в нем преподавали и другие учителя. Особое внимание обра-

---

[1] Н. С. Тихонравов. Соч., т. III, ч. 1. М., 1898, стр. 50.

щалось на изучение иностранных языков, так что Карамзин вышел из пансиона основательно подготовленным по немецкому, французскому и английскому. Это дало ему возможность в дальнейшем познакомиться в подлинниках с западноевропейской литературой. Шаден много внимания уделял литературному образованию, моральному и политическому воспитанию своих питомцев.

Очевидно, в последние два года пребывания в пансионе Карамзин посещал лекции в Московском университете[2]. Не имея склонности к военной службе, он думал продолжить свое образование, но по настоянию отца, окончив пансион Шадена, в 1781 году поступил на военную службу. В армию по обычаям того времени он был записан восьми лет, т. е. в 1774 году, а начал служить в 1781 в Петербурге, в чине подпрапорщика лейб-гвардии Преображенского полка. Здесь началась его дружба с И. И. Дмитриевым, тетка которого была мачехой Карамзина. Уже в это время оба проявляли интерес к литературе и литературным занятиям, обратившись к переводам.

Военная служба Карамзина продолжалась недолго. Уже в 1784 году в связи со смертью отца он вышел в отставку в чине поручика и поселился в Симбирске[3]. По словам И. И. Дмитриева, Карамзин вел там «рассеянную» светскую жизнь, но тем не менее литературных занятий не бросил и пытался переводить Вольтера. В Симбирске Карамзин вступил в масонскую ложу «Золотого венца»[4], основанную известным московским масоном И. П. Тургеневым, который, близко познакомившись с Карамзиным, уговорил его уехать в Москву, где ввел в кружок московских масонов.

Приехав из провинциального Симбирска в Москву, Карамзин попал в сердце общественной жизни страны, так как именно Москва, удаленная от официального и чиновного Петербурга, стала центром общественного движения, науки и литературы. 80-е годы XVIII века были временем общественного подъема в России. При Московском университете образовались научные об-

---

[2] В. В. Сиповский. Ук. соч., стр. 37.

[3] Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. Прилож. VI, стр. 463—464.

[4] См. А. Н. Пыпин. Русское масонство в XVIII веке и первой четверти XIX веков. Пг., 1916, стр. 516.

щества[5]. Оживилась работа литературных кружков[6] и масонских лож. Активизировались русские писатели и общественные деятели, усилились их антикрепостнические настроения. 80-е годы — время расцвета творчества Д. И. Фонвизина, А. Н. Радищева, Н. И. Новикова.

«Для последнего тридцатилетия XVIII века в Москве характерно развитие общественного движения в разнообразных формах,— пишет П. К. Алефиренко.— Направление и содержание движения определялись социальным составом его участников, в числе которых была дворянская и разночинная интеллигенция, с преобладанием первой. Разнообразным составом участников объясняется наличие двух направлений в общественном движении: умеренного и радикального»[7]. Радикальное направление было представлено просветительством, антифеодальным, буржуазным по своему содержанию течением. Наряду с просветительством развивается особое, оппозиционное правительству течение дворянской общественной мысли, которое в исторической литературе иногда называют дворянским либерализмом второй половины XVIII века. Это течение, несомненно, возникло под влиянием гуманистических и рационалистических учений, а также идей французского Просвещения. Представители дворянской оппозиции были сторонниками просвещения, выступали с проповедью несословной ценности человека и гуманного отношения к крепостным. Их оппозиционность правительству выразилась в критике отдельных сторон самодержавия, деспотизма и бюрократизма государственного аппарата. Но эта критика была весьма умеренной и имела своей целью не изменение существующего строя, а его подновление и

[5] «Вольное российское собрание» при Московском университете, первое научное общество, руководимое куратором И. И. Мелиссино; «Собрание университетских питомцев» (1781), под рук. проф. И. Шварца; «Собрание любителей российской учености» (1789); «Дружеское ученое общество» (1782).

[6] Наиболее известным в это время был литературный кружок М. М. Хераскова, в который в разное время входили: И. Ф. Богданович, А. В. Золотницкий, А. В. и С. В. Нарышкины, А. А. Нартов, Н. М. Карамзин, В. И. Майков, И. М. Долгорукий, Д. И. Фонвизин, М. Попов, И. А. Плавильщиков. П. К. Алефиренко. Общественное движение в Москве во второй половине XVIII столетия. «Известия АН СССР», сер. истории и философии, 1947, т. IV, № 6, стр. 522.

[7] П. К. Алефиренко. Ук. соч., стр. 535.

укрепление соответственно новым требованиям социально-экономической жизни страны. Организационной формой для этих кругов дворянства стало масонство.

Под масонством мы подразумеваем течение дворянской общественной мысли, возникшее в период крушения феодальных обществ, когда наиболее дальновидные представители господствующего сословия стали искать новых форм идеологического обоснования существующего порядка вещей. Масонство было течением сложным и противоречивым, включая в себя и консервативные и прогрессивные черты, объединяя и прогрессивные и реакционные группировки. Поэтому роль масонства на разных этапах развития общества была различна. Иногда масонство становилось удобной формой для объединения прогрессивных сил, которые вкладывали в него новое мировоззренческое содержание. Чаще масонство использовалось реакционными кругами. Возникнув как рационалистическое умственное течение (английская система), масонство к концу XVIII века превратилось в реакционно-мистическую кастовую организацию дворянства (немецкая система).

В Россию масонство проникло в первой половине XVIII века («елагинские ложи»), но наибольшее распространение оно получило после Крестьянской войны под руководством Е. Пугачева, которая показала, что существующий самодержавно-крепостнический порядок не так крепок и прочен и нуждается в поддержке. Но решение важнейших общественных проблем масоны искали не в изменении условий общественной жизни, а во внутреннем мире человека, в проповеди нравственного совершенствования. Приспосабливаясь к духу времени, масоны использовали просветительную и рационалистическую терминологию, вкладывая в эти понятия иное содержание. Прогрессивные политические требования, выдвигаемые передовыми мыслителями XVIII века, в масонской интерпретации лишались революционного содержания: революционные требования политического равенства и политических свобод, выдвигаемые идеологами французского Просвещения, сводились масонами к проповеди морального равенства и внутренней свободы, и таким образом из области социально-политической переводились в область нравственную. Но эти лозунги даже в такой ограниченной интерпретации в кре-

постной России второй половины XVIII века представляли большую привлекательную силу для мыслящей молодежи и передовых людей русского общества.

Протест масонов против существующего в России порядка вещей выразился в уходе от общественной жизни, в отказе от какой-либо борьбы. Их уход из мира действительного со всеми его противоречиями в мир внутренний, их проповедь нравственного самосовершенствования не являлись сколько-нибудь серьезной угрозой существующему строю. Напротив, правительство могло использовать эти настроения в своих реакционных целях. В своей государственной и общественной деятельности масоны, как правило, стояли на консервативных позициях.

Но масонская проповедь морального равенства, братства, человеколюбия свидетельствовала об определенных сдвигах в интеллектуальном развитии наиболее образованных кругов дворянского общества, однако общественное значение этой проповеди было незначительным. Практически она не выходила за рамки дворянского общества, причем его наиболее аристократических и образованных кругов.

Идейной основой масонства была религиозно-идеалистическая философия, в центре которой стояла человеческая личность и нравственная природа человека. Этика масонов основывалась на религиозном учении о грехопадении человека и свободе воли. Согласно этому учению, вследствие свободы воли, данной творцом человеку, в нем взяли верх пороки и зло. В связи с этим встал вопрос о самосовершенствовании и нравственной работе над своей личностью. Основная идея масонства сводилась к тому, что человеческое счастье достигается не путем социальных и политических переворотов, а через нравственное самосовершенствование личности и распространение «истинного просвещения», под которым понималось воспитание нравственности. Первая ступень нравственного совершенствования — это самопознание. Окончательно нравственное совершенствование разрешается через влияние общества на человеческую личность, через «деятельное человеколюбие», общественную благотворительность и распространение просвещения [8].

[8] «Масонство в его прошлом и настоящем», т. 1. М., 1914, стр. 93 и след.

Именно эта сторона учения масонов привела в их ряды часть передовой дворянской интеллигенции, в том числе и Н. И. Новикова. Нравственная философия масонства увлекла и молодого Карамзина.

Но нравственное совершенствование — это только первые степени в масонстве. Высшие степени масонства — «теоретический градус» — дают познание природы и божественной премудрости через божественное откровение и достигаются занятиями особыми «науками»: теософией, магией, алхимией и т. п. Именно эта сторона масонства получила большое развитие в немецком масонстве ордена рыцарей «златорозового креста». Этот орден представлял наиболее реакционное направление в масонстве и был ближе всех связан со средневековой мистикой и схоластикой. По духу и формам организации он был близок к кастовым рыцарским орденам средневековья. Розенкрейцеры объявили свой орден высшей системой в масонстве, по отношению к которому другие системы выступали как первые его ступени. Учение розенкрейцеров представляло собой теософическую смесь, составленную из еврейской кабалы, философии гностиков и неоплатоников, учений мистиков: Бема, Парацельса, Месмера, Сведенборга, Сен-Мартена и др. Розенкрейцеры разработали сложную иерархию духовных степеней, опираясь на католическое учение о делении всех верующих на стадо пасомых овец и пастырей. Лучшей добродетелью стада объявлялось слепое повиновение пастырям, отмеченным божественной благодатью. Эту благодать розенкрейцеры обещали всем вступающим в их орден. Они привлекали в орден также обещаниями чудес, его рыцари якобы получали глубокое познание божества и господство над природой благодаря общению с духами. Розенкрейцеры утверждали, что только они обладают познанием истины, которую дает не наука, а божественное откровение, что они могут превращать любой металл в золото, приготовлять универсальное лекарство, эликсир молодости и проч. Все эти бредни привлекали в орден проходимцев и шарлатанов, вроде Калиостро и Шрепфера, которые, используя розенкрейцерскую литературу, обирали доверчивых, невежественных людей и обогащались за их счет. Розенкрейцеры выступали против всех точных наук во имя сверхчувственного знания. Орден поставил своей

целью борьбу с «ложным» просвещением, родиной которого была Франция.

В 1779 году во главе московского масонского ордена встал И. Е. Шварц, немец по происхождению, мистик и розенкрейцер[9]. С 1779 по 1782 год он был профессором Московского университета. Человек незаурядного таланта, разносторонне образованный, педагог по призванию, Шварц читал лекции по философии, эстетике, психологии, литературе, привлекая большую аудиторию. Но в своих лекциях он доказывал примат веры над разумом. Разум и наука, по Шварцу, — это дары бога, они законны и необходимы, но они играют служебную роль. Путь же к истинному познанию, т. е. к божественному откровению, лежит через откровения библии[10].

С 1781 года он развивает бурную деятельность по распространению идеологии розенкрейцерства в России. В конце 1782 года московская масонская ложа вошла в орден розенкрейцеров.

Влиятельным членом московской ложи был Н. И. Новиков, издатель сатирических журналов, замечательный русский просветитель. Вступив в масонское общество, Н. И. Новиков не отказался от просветительской деятельности. Об этом свидетельствует огромный размах книгоиздательской и филантропической деятельности просветителя в Москве, в которую он втянул и масонов. В 1779 году Шварц познакомился с Н. И. Новиковым.

По инициативе Шварца были основаны масонские общества «Собрание университетских питомцев» и «Дружеское ученое общество». Шварц и его окружение, используя свое влияние среди молодежи, особенно студентов Московского университета, Духовной и Педагогической семинарий, распространяли воинствующий идеализм, мистицизм, кабалистику и алхимию, они стремились увести молодежь от острых вопросов современности. Их усилия были направлены на борьбу с влия-

---

[9] О Шварце см. Н. М. Лонгинов. Новиков и Шварц. Материалы для истории русской литературы в конце XVIII в. М., 1857; Н. С. Тихонравов. Соч., т. III, ч. 1; В. В. Сиповский. Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899. Приложения: Новиков, Шварц и московские масоны.

[10] «Масонство в его прошлом и настоящем», т. 1, стр. 208.

нием революционных идей французского Просвещения. В целях распространения идеологии масонства московские розенкрейцеры используют типографию Московского университета, которую с 1779 года арендует Н. И. Новиков, а с 1784 года — Типографическую Компанию, основанную на средства наиболее видных масонов.

После смерти Шварца в 1784 году идейным вождем московских масонов стал А. М. Кутузов, товарищ А. Н. Радищева по Лейпцигу, один из первых сотрудников «Утреннего света» Н. И. Новикова. А. М. Кутузов был последовательным розенкрейцером. В 1787 году он выехал в Германию для совершенствования в масонских «науках» и получения третьей розенкрейцерской степени [11]. В 1797 году он умер в Берлине от горячки, забытый своими братьями по обществу [12].

Оказавшись в среде московских масонов, людей для своего времени высокообразованных и старших по возрасту, Карамзин попал под их влияние. Московские розенкрейцеры, и прежде всего А. М. Кутузов, ставший другом Карамзина, видели в молодом талантливом человеке своего последователя, будущего розенкрейцера, которому они дали масонское имя «Лорд Рамзей». Особенно большую роль в этот период жизни Карамзина сыграл литератор и переводчик масонов А. А. Петров.

Об Александре Андреевиче Петрове известно немного. Год его рождения и происхождение не установлены. Образование получил в Московском университете. Уже в 1780 году он был сотрудником новиковского журнала «Утренний свет». С Новиковым Петрова связывали деловые, книгоиздательские и литературные интересы. Как свидетельствует поэт И. И. Дмитриев, Петров «знаком был с древними и новыми языками, при глубоком знании отечественного слова, одарен был глубоким умом и необыкновенною способностью к здравой критике», в ли-

---

[11] О нем: Ю. М. Лотман. Из истории литературно-общественной борьбы 80-х годов XVIII века. А. Н. Радищев и А. М. Кутузов. В кн.: Радищев. Статьи и материалы. Л., 1950; его же. «Сочувственник» А. Н. Радищева, А. М. Кутузов и его письма И. П. Тургеневу. «Уч. зап. Тартуского ун-та», 1963, вып. 139.

[12] См. Я. Л. Барсков. Переписка московских масонов XVIII века. Пг., 1915, стр. XIX.

тературных кругах он «почитался отличнейшим переводчиком» [13].

Петров — ученик и почитатель Шварца, был ревностным масоном, из него готовили розенкрейцера. Мистические настроения до середины 80-х годов были очень сильны у Петрова, о чем свидетельствуют его переводы масонских книг, особенно перевод «Хризомандера», аллегорической и сатирической повести [14]. Разносторонне образованный человек, он хорошо знал литературу и философию своего века, включая труды французских просветителей. Петров оказал большое влияние на развитие и определение взглядов Карамзина. От него, писал Карамзин в статье «Цветок на гроб моего Агатона», посвященной памяти рано умершего Петрова, «приобрел я и некоторое эстетическое чувство» и «первые метафизические понятия» [15]. А. А. Петров активно участвовал в жизни Дружеского общества, а затем Типографической Компании. Карамзин также стал постоянным переводчиком Компании.

К московским масонам был близок поселившейся в Москве поэт Ленц, входивший в немецкую школу «бури и натиска». Очевидно, через него установились тесные связи московских масонов с представителями движения «бури и натиска». Карамзин был хорошо знаком с Ленцем и не без его участия вступил в переписку с швейцарским философом-мистиком Лафатером, очень ценимом в масонских кругах. Под влиянием Ленца Карамзин стал поклонником Шекспира и его первым пропагандистом в России.

Карамзин попал в среду московских масонов, когда ему было 19 лет. Для него годы, проведенные в их обществе (1785—1789), были временем интенсивного самообразования, в процессе которого он испытывает различные влияния, шедшие и от друзей-масонов, и от книг, с которыми он знакомится в этот период. «Мы любили книги и не думали о свете... Прелести разума, прелести душевные казались нам всего любезнее — ими пленя-

---

[13] И. И. Дмитриев. Взгляд на мою жизнь. Записки тайного советника. М., 1866, стр. 41.

[14] М. Н. Лонгинов. А. А. Петров и переведенный им. «Хризомандер». Сб. литературных статей, посвященных русскими писателями памяти А. Ф. Смирдина, т. IV. СПб., 1859.

[15] «Аглая», ч. 1, М., 1794, стр. 10.

лись мы, ими в творениях великих умов наслаждались и нередко за Оссианом, Шекспиром и Боннетом, просиживали половину зимних ночей»[16], — писал он об этом времени.

Попав в окружение мистически настроенных масонов, Карамзин отдал дань мистицизму. Он поселился вместе с Петровым в доме Дружеского общества у Меншиковой башни. И. И. Дмитриев писал в своих записках, что в жилище молодых «философов» стоял бюст мистика Шварца и распятие Иисуса, покрытое черным крепом[17]. В переводах, сделанных Карамзиным в 1786—1787 годы, преобладала религиозная тематика: он перевел две книги для периодического издания «Бесед с богом», предпринятого Типографической Компанией, и поэму Галлера «О происхождении зла».

В 1787 году мистические влияния на Карамзина ослабли, так как А. М. Кутузов уехал в Берлин, а А. А. Петров все больше втягивался в журналистскую и переводческую деятельность под руководством Н. И. Новикова. Карамзин в это время часто бывает в доме Новикова[18] и под его влиянием также включается в деятельность новиковского кружка. Н. И. Новиков, оценив талант Карамзина, привлек его к работе в основанном им первом журнале для детей «Детское чтение для сердца и разума». Новиков, втягивая Петрова и Карамзина в работу по изданию журнала, тем самым направлял их энергию на общеполезную деятельность и этим способствовал тому, что мистические настроения у них отходят на задний план. Об этом говорят переводы, сделанные Карамзиным в 1787—1788 годы. Он перевел «Эмилию Галотти», драму Шекспира «Юлий Цезарь» и дал в «Детское чтение» материал, далекий от мистических настроений розенкрейцеров типа Кутузова.

Определяющей вехой в жизни Карамзина как литератора и журналиста явилось его сотрудничество в журнале Н. И. Новикова «Детское чтение для сердца и разума».

Издание детского журнала вытекало из широкой просветительской программы, осуществляемой Н. И. Но-

---

[16] «Аглая», ч. 1, стр. 9.
[17] И. И. Дмитриев. Взгляд на мою жизнь..., стр. 42.
[18] А. Болотов встречал Карамзина у Новикова в 1788 г.

виковым в 80-е годы. Журнал «Детское чтение для сердца и разума» был бесплатным приложением к «Московским ведомостям» и как бы практически реализовывал педагогические идеи, пропагандируемые Новиковым. Журнал выходил еженедельно в течение пяти лет и завоевал большую популярность.

Ведущая роль в журнале принадлежала Н. И. Новикову. Кроме него деятельное участие принимали П. А. Прокопович-Антонский, В. С. Подшивалов, С. С. Бобров, Н. Сандунов, А. А. Петров и Н. М. Карамзин.

После Н. И. Новикова и А. А. Петрова, Карамзин был третьим лицом, сыгравшим большую роль в издании журнала [19].

Сотрудничество Карамзина в «Детском чтении» прекратилось в мае 1789 года, когда он отправился в путешествие по Западной Европе. После его отъезда А. А. Петров издал еще две части «Детского чтения», журнал перестал выходить, очевидно, в связи с тем, что в 1789 году истек срок аренды Новиковым типографии Московского университета. Сотрудничество в «Детском чтении» сыграло значительную роль в определении дальнейшего жизненного пути Карамзина. Здесь он испробовал свои силы как переводчик и журналист.

Путешествие было задумано Карамзиным еще в 1787 году, он готовился к нему и его план обсуждал с А. М. Кутузовым. И наконец, в мае 1789 года, проехав Тверь, Петербург, Ригу, Карамзин пересек русскую границу. За год и два месяца [20] он объездил Германию, Швейцарию, Францию, Англию, побывал в лучших городах Западной Европы: в Кенигсберге, Берлине, Лейпциге, Дрездене, во Франкфурте-на-Майне, Страсбурге, Женеве, Лозанне, Лионе, Париже и Лондоне.

Четыре года, проведенные Карамзиным в обществе московских масонов, не пропали даром. За границу отправился европейски образованный молодой человек. Он знал не только языки, но был хорошо знаком и с европейской литературой, историей, философией. Его

---

[19] С 1787 до середины 1788 года Карамзин один вел журнал. Части XVIII и XIX подготовлены им совместно с Петровым.

[20] Карамзин вернулся в Россию в июле 1790 года. См. об этом: Г. П. Шторм. Новое о Пушкине и Карамзине. «Известия АН СССР«, отдел языка и литературы. 1960, т. 19, вып. 2, стр. 51.

интересовало все, но главное — культурная жизнь Западной Европы: ее исторические памятники, музеи, библиотеки, университеты, театры. Во время путешествия Карамзин стремится пополнить свои знания, найти ответы на интересующие его вопросы. Он посетил известных в то время писателей, ученых, общественных деятелей, имена которых ему были хорошо знакомы по их книгам. В Кенигсберге он беседовал с Кантом, в Берлине посетил известного книгоиздателя и просветителя Николаи, писателей Рамлера и Морица; в Веймаре он мечтал повидаться с Гете, встречался с Виландом и Гердером; в Лозанне несколько дней провел в обществе Лафатера, в Женеве бывал у философа Бонне. Не было крупного города на его пути, в котором он не знал, с кем ему хотелось бы повидаться, какому памятнику поклониться, какой музей или учреждение он может посетить

Карамзина интересовала и политическая жизнь европейских государств. Он познакомился с политическим устройством Швейцарских кантонов, в революционном Париже присутствовал на заседании Национального собрания, в Лондоне — в парламенте и Верховном суде.

Во время путешествия Карамзин вел путевой журнал, в котором, подражая Стерну, записывал все, что видел, слышал, о чем думал и мечтал. Так родились «Письма русского путешественника», самое крупное литературное произведение Карамзина, принесшее ему известность. Наполненные легендами, сентиментальными рассказами, историческими и бытовыми картинками, они читались легко и увлекали живым, изящным языком. Но наряду с описанием внешних впечатлений «Письма» отразили в себе внутренний мир молодого, образованного дворянина конца XVIII столетия со всей его противоречивостью и исканиями. Эта вторая сторона «Писем» также привлекала его современников, находивших на страницах карамзинского журнала многие вопросы, которые не могли не интересовать интеллигента того времени.

Знакомство с жизнью Западной Европы и встречи с передовыми общественными деятелями Германии укрепили в нем желание служить обществу путем распространения просвещения в своей стране. Перед его глазами был пример самоотверженного служения на этом поприще Н. И. Новикова, такими примерами были для Карамзина Николаи, Виланд и другие деятели немец-

кого Просвещения. Несомненно, что именно во время путешествия Карамзин окончательно приходит к мысли о необходимости издавать журнал, чтобы знакомить широкие слои русского общества с современной литературой и искусством [21].

Своими планами об издании журнала он, естественно, поделился с близким прежде ему кругом друзей-масонов, которые отнеслись к этой идее резко отрицательно. Письма московских масонов А. М. Кутузову показывают, насколько встревожило их заявление Карамзина об издании журнала. Прежние учителя и наставники Карамзина обрушились на него с нравоучениями о тщетности намерения «исправлять писаниями род человеческий» и с большим удовлетворением констатировали, что он этим предприятием «расстроил свое состояние». С иронией и желчью писал Кутузову 21 января 1791 года масонский воспитанник, врач М. И. Багрянский: «Лорд Рамзей возвратился передо мной, вы его не узнаете, он совсем изменился телом и душой. Все, кого он почтил своими визитами, ссорились с ним, как только он входил. Он говорит о нас много вещей поистине смешных. Он выпускает журнал, без сомнения, наиболее плохой, какой только может представить просвещенный мир. Он думает нас воспитывать вещами, которые мы никогда не знали... Он называет себя первым русским писателем, он хочет преобразовать наш родной язык, который мы почти не знаем, именно он откроет нам спрятанные в нем богатства... А. А. Плещеев — самый близкий его друг и наиболее усердный поклонник. Мы же остальные держимся еще старых предрассудков, мы — завистники, которые далеки от того, чтобы подражать талантам и заслугам великих писателей этого века, ползаем в крайнем невежестве суеверных веков» [22] (перевод с французского мой. — *Л. К.*).

Встретив враждебное отношение со стороны своих прежних учителей, Карамзин не отказался от намере-

---

[21] Карамзин, очевидно, имел намерение издавать журнал еще до отъезда за границу. Об этом напоминала Плещеева Кутузову: «Перемена его (Карамзина) состоит еще в том, что он более стал надежен на себя, как вы сие и предвидели. Предвидели вы и то, что журнал он выдавать станет. Я к вам посылаю объявление, а здесь оно уже печатанное раздается при газетах» (Я. Л. Барсков. Ук. соч., стр. 29).

[22] Я. Л. Барсков. Ук. соч., стр. 86.

ния издавать журнал. В ноябре 1790 года в «Московских ведомостях» появилось объявление о начале издания «Московского журнала». В объявлении сообщалось, что в журнале будут публиковаться русские сочинения в стихах и прозе, иностранные — «в чистых переводах, по большей части из немецких, английских и французских журналов». Предусматривался отдел критики, театральных новостей, отдел путешествий. В заключение издатель писал: «Материалов будет у меня довольно, но... я буду принимать с благодарностью все хорошее и согласное с моим планом, в который не входят только теологические, мистические, слишком ученые, педантические, сухие пиесы. Впрочем все, что в благоустроенном государстве может быть напечатано с указанного дозволения — все, что может нравиться людям, имеющим вкус, тем, для которых назначен сей журнал — все то будет издателю благоприятно»[23]. Это объявление и особенно тот его пункт, в котором Карамзин заявил, что в план его издания не входят «теологические и мистические» пиесы, вызвали переполох среди масонов. Они восприняли это как вызов и открытый разрыв с ними. Именно так понял это А. М. Кутузов. «Сейчас получил я письмо от Плещеевой, — писал он Лопухину, — с приложением «Объявления» Карамзина, из которого усматриваю, *что он не в той уже с нами связи, в которой был прежде* (курсив мой. — *Л. К.*). Скажи, что сие значит и что тому причиною?»[24].

«...Признаюсь, что скоропостижное его (Карамзина) авторство, — писал он Плещеевой, — равно как план, так его «объявление» поразили меня горестью... Вы знаете, я давно уже ожидал сего явления, — я говорю об авторстве... Ежели в нашем отечестве будут издаваться тысячи журналов, подобных Берлинскому и Виландову, то ни один россиянин не сделается от них лучшим, напротив того — боюсь, чтобы тысяча таковых журналов не положила миллионов новых препятствий к достижению добродетели и к познанию самих себя и Бога»[25].

По мере выхода книжек «Московского журнала» с печатавшимися в них «Письмами русского путешественника» масоны вынуждены были признать, что разрыв

[23] М. П. Погодин. Н. М. Карамзин..., стр. 171.
[24] Я. Л. Барсков. Ук. соч., стр. 49.
[25] Там же, стр. 58.

произошел окончательно. Друг Карамзина А. М. Кутузов выразил общее мнение, заявив в письме, что «путешествие его произвело в нем великую перемену в рассуждении прежних друзей его. Может быть,—писал он,— и в нем произошла французская революция»[26].

Кутузов по-своему правильно определил поворот во взглядах и настроениях прежнего масона. Карамзин вернулся из путешествия изменившимся. Знакомство с жизнью Западной Европы, встречи с передовыми деятелями культуры оказали влияние на еще неопределившееся мировоззрение Карамзина. Влияние масонской идеологии ослабло, зато усилилось увлечение идеями Просвещения, которое наметилось до отъезда за границу. За время путешествия Карамзин проникся верой в творческую силу человеческого разума, в силу просвещения. Одновременно у него росло убеждение, что только через деятельное просвещение можно обеспечить дальнейший прогресс русского общества. Очевидно, это убеждение укреплялось в нем по мере того, как часть масонов все больше втягивалась в занятия оккультными науками, вела бесплодные разговоры о всеобщем благе и отходила все дальше от распространения просвещения и печатного слова, а книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова под нажимом правительства сокращалась[27].

Переход Карамзина на новые идейные позиции отразился в «Письмах русского путешественника», которые он начал публиковать в «Московском журнале». Это и вызвало особое возмущение А. М. Кутузова и его последователей. Но не все московские масоны отнеслись столь непримиримо к журналу Карамзина и его издательской деятельности. В его журнале участвовали такие члены московского масонского кружка, как поэт М. М. Херасков, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, друг Карамзина А. А. Петров, В. С. Подшивалов. Поддержал его в трудное время масон А. А. Плещеев.

Карамзин начал издавать журнал в целях просвещения русской публики. Свое стремление пропагандировать книгу, приучать русское общество к чтению он подчерки-

---

[26] Я. Л. Барсков. Ук. соч., стр. 99.

[27] В 1789 году кончился срок аренды Новиковым университетской типографии, а в 1791 году в связи с усилившимися разногласиями между ее членами распалась Типографическая Компания.

вал неоднократно. Об этом говорит и содержание журнала. В «Московском журнале» печатались известные русские поэты Г. Р. Державин, М. М. Херасков, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, Н. А. Львов, И. И. Дмитриев и др. Прозу в основном представляли произведения Н. М. Карамзина, но печатались и произведения А. А. Петрова, В. С. Подшивалова и др. В «Московском журнале» впервые опубликованы получившие большую известность повести Карамзина «Бедная Лиза», «Фрол Силин — благодетельный человек», «Деревня», «Наталья, боярская дочь» и др. В течение двух лет печатались в нем «Письма русского путешественника». Переводный раздел в журнале был также разнообразен. Помимо сентиментальных повестей в нем были статьи на философские темы, статьи по искусству и литературе, биографии знаменитых людей. Нововведением был отдел театральной и литературной критики, а также информации о вышедших книгах и новых спектаклях.

Журнал Карамзина сразу же завоевал популярность среди русского читателя. Уже в первый год издания журнал имел 300 подписчиков, в следующем, 1792 году, число их увеличилось до 500 [28], это была немалая по тем временам цифра. О популярности журнала говорит и то, что в 90-х годах он дважды переиздавался, кроме того, некоторые произведения Карамзина, напечатанные в «Московском журнале», вышли отдельными изданиями и в сборниках Карамзина «Мои безделки».

Основной круг читателей журнала составляла дворянская интеллигенция. В списке подписчиков, печатавшемся в журнале, можно найти фамилии масонов И. В. Лопухина, кн. Трубецких, Н. И. Новикова и др., а также представителей петербургской и московской знати, нескольких купцов и крестьян.

На первый взгляд кажется, что журнал Карамзина чисто литературного направления. Но литература XVIII века ставила и решала социальные проблемы, а философские и политические трактаты облекались в художественную форму. Карамзин, следуя традиции XVIII века, смотрел на художественное произведение как на средство пропаганды философских, социальных и политических идей. Сухие и ученые трактаты, по его

---

[28] «Московский журнал», 1791, декабрь.

мнению, доступны только небольшому кругу ученых и философов. Поэт же, писал он, «сопровождает мораль свою пленительными образами, живит ее в лицах, и производит более действия». Сочинитель в привлекательной одежде «сообщает *свои* (курсив Карамзина. — *Л. К.*) нравоучения и понятия о разных вещах, важных для человечества...»[29]. Исходя из такого понимания роли и назначения художественного произведения, Карамзин в подборе материала для своего журнала руководствовался, во-первых, занимательностью сюжета и, во-вторых, соответствием идей данного произведения его собственным философским и социально-политическим воззрениям. Надо отдать должное, делал это Карамзин тонко и деликатно. А любознательный и вдумчивый читатель находил в журнале пищу для размышлений. Несомненно, успех журнала определялся не только занимательностью и хорошим литературным языком, но и тем, что в нем затрагивались многие проблемы, волновавшие молодого интеллигента конца XVIII века. В качестве примера отношения читателей к журналу можно привести записки Второва. Человек молодой, стремящийся к образованию, он на Макарьевской ярмарке купил «Московский журнал» и был в «упоении» от чтения «Бедной Лизы» и первых «Писем русского путешественника». Увлеченный чтением, Второв дал себе слово прочитать журнал «весь со вниманием и на особую бумагу выписывать и замечать важные и трогательные места»[30].

Успех «Московского журнала» М. П. Погодин объяснял его занимательностью. Карамзин, писал он, «понял верно, на какой ступени образования оно (общество) находится, что может быть для него приятно и вместе полезно, чем можно на него подействовать, и возбудить его любопытство, и доставил ему в «Московском журнале» такое занимательное чтение, которое вполне его удовлетворяя, вместе трогало...»[31].

Советские исследователи характеризуют «Московский журнал» как значительное явление в журналистике XVIII века, как «журнал нового направления», как «бое-

---

[29] «Московский журнал», 1791, январь, стр. 80.
[30] «Русский вестник», 1875, № 4, стр. 521.
[31] М. П. Погодин. Н. М. Карамзин..., т. 1, стр. 172.

вой орган нового литературного направления»[32]. П. Н. Берков объясняет успех журнала Карамзина тем, что тот использовал организационный опыт иностранных журналов, «идя собственным путем, учитывая потребности русского читателя»[33]. Академик В. В. Виноградов отмечает «внутреннее единство, продуманность, разнообразие изображения жизни». Прогрессивное общественное значение программы «Московского журнала», указывает он, «очень ясно ощущалось ближайшим к Карамзину поколением дворянской либеральной интеллигенции. «Московский журнал» ставился современниками в непосредственную связь с журналами Новикова»[34].

---

[32] «Очерки по истории русской журналистики и критики», т. 1. Л., 1950, стр. 134, 141.

[33] П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII в. М.—Л., 1952, стр. 501.

[34] В. В. Виноградов. Проблема авторства и теория стилей. М., Гослитиздат, 1961, стр. 247.

ГЛАВА II

МИРОВОЗЗРЕНИЕ Н. М. КАРАМЗИНА В РАННИЙ ПЕРИОД ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (1785—1792 годы)

Путь становления философских и социально-политических взглядов Н. М. Карамзина был сложен и противоречив. По его собственному признанию, он вошел в мир с большой долей любознательности. Друзья масоны раскрыли перед ним мир идей. Философия и политическая мысль того времени поставили перед молодым пытливым умом вопросы, которые требовали немедленного решения, будили мысль, заставляли искать свои идейные позиции.

Большинство дворянских и буржуазных биографов Карамзина вслед за его другом поэтом И. И. Дмитриевым считали, что период жизни Карамзина в обществе московских масонов был для него своего рода университетом. Соглашаясь в том, что влияние мистицизма московских розенкрейцеров на Карамзина было непродолжительным [1], его биографы расходились в оценке влияния масонской идеологии на мировоззрение Карамзина в последующие годы. Часть из них считала, что после разрыва с масонами Карамзин остался верен их идеалам. Такой точки зрения придерживались К. Ю. Бестужев-Рюмин, Я. К. Грот, А. Н. Пыпин, В. В. Сиповский [2]. Другие исследователи (Е. А. Со-

[1] В дворянской и буржуазной историографии имелись две точки зрения на масонство. М. Н. Лонгинов, Я. Л. Барсков, П. Н. Милюков отмечали мистический характер масонства и видели в нем идеологическую реакцию на просветительскую философию XVIII века. Этой же точки зрения на масонство придерживался Г. В. Плеханов. А. Н. Пыпин, А. В. Семека, В. Н. Тукальский, В. В. Сиповский относили масонство к гуманистическим, просветительным течениям XVIII века.

[2] См. Я. Грот. Очерк деятельности и личности Карамзина. СПб., 1861; А. Н. Пыпин. Общественное движение в России при

ловьев, Г. Э. Караулов, Н. Н. Булич, М. С. Тихонравов, А. Д. Галахов)[3] высказывали мнение, что влияние масонской идеологии на Карамзина было настолько незначительным, что при первом соприкосновении со «свежим воздухом заграничной жизни»[4] рассеялось как дым.

Советские исследователи, признавая факт разрыва Карамзина с обществом московских масонов — розенкрейцеров указывают, что, несмотря на преобладающее влияние идей западноевропейского просвещения в период написания «Писем русского путешественника», в последующие годы мировоззрение Карамзина определялось идеологией русского масонства, но без налета мистицизма, свойственного большинству членов масонского общества московских «мартинистов». Г. А. Гуковский отмечает, что четыре года, проведенные Карамзиным в масонском окружении, «во многом определили его мировоззрение в дальнейшем, пожалуй, на всю жизнь. Здесь выковывались принципы его отношения к действительности, основы его политической идеологии, даже определилась его литературная ориентация»[5].

В советской историографии также следует отметить две точки зрения на идеологию масонства. Первая высказана Г. А. Гуковским в «Истории русской литературы». Гуковский в идеологии московских масонов подчеркивает либеральные тенденции, внесенные в него группой дворянской интеллигенции, которые она унаследовала от «исконного либерализма сумароковской школы». Хотя этот либерализм, указывает автор, не-

---

Александре I. СПб., 1900; В. В. Сиповский. Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899; К. Ю. Бестужев-Рюмин. Н. М. Карамзин. «Русский биографический словарь». СПб., 1897.

[3] См. А. Д. Галахов. Н. М. Карамзин. Материалы для определения литературной деятельности. Статья вторая. «Современник», 1853, XLII (11—12); Г. Э. Караулов. Очерки истории русской литературы в двух томах, т. I. М., 1888; Н. Н. Булич. Биографический очерк Карамзина и развитие его литературной деятельности. «Уч. зап. Казанского ун-та», т. 33. Казань, 1866; М. С. Тихонравов. Соч., т. III. М., 1898; Е. А. Соловьев. Н. М. Карамзин, его жизнь и научно-литературная деятельность. СПб., 1894.

[4] Н. Н. Булич. Ук. соч., стр. 551.

[5] Г. А. Гуковский. Карамзин. В кн.: «История русской литературы», т. V. М., Изд-во АН СССР, 1941, стр. 59.

сколько потускнел и изменился после Крестьянской войны, он «не утерял своего обаяния для Карамзина»[6].

По мнению других исследователей, масонство — реакционно-мистическое течение в дворянской общественной мысли. Такая оценка масонства дана в «Истории русской философии», в работах И. Я. Щипанова, Ю. М. Лотмана, Г. П. Макогоненко и др.[7].

Наличие таких противоречивых оценок идеологии масонства объясняется тем, что исследователи часто видят в нем единое идейное течение. А между тем масонство не было ни единым, ни неизменным. В нем наблюдались различные направления, из которых английская система масонства, основанная на гуманистических и рационалистических учениях XVII столетия, была близка к правому крылу Просвещения, а немецкая система розенкрейцеров представляла реакционное течение. Московское масонское общество состояло в основном из дворянской интеллигенции, пришедшей в масонство после Крестьянской войны и разделявшей либеральные настроения «сумароковской школы»[8].

Их взгляды, несомненно, воспринял Карамзин, он был их идейным преемником. Эволюция его социально-политических и нравственно-философских взглядов отразила развитие этого течения дворянской обществен-

---

[6] «История русской литературы», т. V, стр. 59. Такой же оценки масонства придерживается А. И. Комаров («Очерки по истории русской журналистики и критики», т. 1 (Изд-во ЛГУ, 1950); Н. И. Мордовченко. Русская критика первой четверти XIX века. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1959.

[7] «История русской философии» в 6-ти томах. М., 1951, т. 1; И. Я. Щипанов. Философия русского Просвещения. Вторая половина XVIII века. Изд-во МГУ, 1971, стр. 80—89; Ю. М. Лотман. Из истории литературно-общественной борьбы 80-х гг. XVIII века. А. Н. Радищев и А. М. Кутузов. В кн.: «Радищев. Статьи и материалы». Л., 1950; его же. Эволюция мировоззрения Н. М. Карамзина (1789—1803). «Уч. зап. Тартуского ун-та», 1957, вып. 51; Г. П. Макогоненко. Радищев и его время. М., 1956; Ю. М. Лотман пересмотрел свою оценку московского масонского кружка. В статье «Сочувственник» А. Н. Радищева, А. М. Кутузов и его письма к И. П. Тургеневу» («Уч. зап. Тартуского ун-та», 1963, вып. 139) он определил идейную позицию московских масонов как «дворянско-либеральную».

[8] См. Б. Краснобаев. Очерки истории русской культуры XVIII в. М., «Просвещение», 1972, стр. 28—31.

ной мысли в период Французской революции. И в этом смысле говорить о расхождении Карамзина с идеологией масонства не приходится.

Обратимся непосредственно к анализу взглядов Н. М. Карамзина в ранний период его общественной и литературной деятельности. Внутри этого периода следует выделить два этапа: самый ранний, годы жизни среди масонов (1785—1789), и время путешествия и издания «Московского журнала» (1790—1792).

Период жизни Карамзина в масонском обществе наиболее беден документами и источниками. В основном приходится иметь дело с переводами, которые подготовил Карамзин. Оригинальных произведений писателя, в которых ставятся философские и социальные проблемы, мало: это большое стихотворение «Поэзия», написанное в 1787 и напечатанное в 1792 году в «Московском журнале»; отдельные замечания в письмах к Лафатеру и примечания к поэме Галлера «О происхождении зла». Существенное значение для определения взглядов Карамзина в это время имеет подготовленный Карамзиным материал для «Детского чтения».

1790—92 годы более богаты источниками, так как мы располагаем «Письмами русского путешественника» и «Московским журналом». «Письма русского путешественника» несомненно очень ценный документ, отразивший настроения и взгляды молодого Карамзина. Он сам указал на это в заключительных строках «Писем»: «Вот зеркало души моей в течение осьмнадцати месяцев!... Через 20 лет... загляну, и увижу, каков я был, как думал и мечтал; а что человеку (между нами будь сказано) занимательнее самого себя?...» [9].

В. В. Сиповский убедительно доказал, что «Письма» в целом, и прежде всего, первая их часть, которая опубликована в «Московском журнале», отразила взгляды Карамзина в период путешествия и издания «Московского журнала», вторая же, начиная с писем из Парижа, отразила эволюцию взглядов Карамзина в последующие годы вплоть до 1801 года, когда вышло их первое полное издание. В. В. Сиповский назвал «Письма» «задушевнейшей исповедью юноши». Он

---

[9] Н. М. Карамзин. Соч., т. II, стр. 790.

видел в них очень ценный, многообещающий источник «для биографа Карамзина, для историка его литературной деятельности, наконец, для историка русской культуры...» [10].

Другим важным для характеристики взглядов Карамзина документом являются «Разные отрывки. (Из записок молодого Россиянина)», написанные Карамзиным одновременно с «Письмами» и непосредственно к ним примыкающие [11]. «Разные отрывки» биографы и исследователи творчества Карамзина для характеристики его взглядов не привлекали, поскольку его авторство не было установлено. Они не были включены в список оригинальных произведений Карамзина, и только А. Д. Галахов ссылался на них как на карамзинские [12]. Принадлежность их перу Карамзина установил советский ученый академик В. В. Виноградов. Он характеризует «Разные отрывки» как «своеобразный кодекс основных тезисов мировоззрения Карамзина, основных взглядов Карамзина на жизнь, счастье, человеческую природу, смерть и бессмертие, на душу и тело, на зло и общественную мораль...» [13]. Они представляют, говорит В. В. Виноградов, «как бы квинтэссенцию исканий и убеждений Карамзина в то время и — вместе с тем затаенную исповедь передового интеллигента той эпохи» [14].

Наконец, важным источником, раскрывающим взгляды Карамзина в эти годы, является «Московский журнал» в целом, через который Карамзин с большой последовательностью проводил свои философские и социально-политические взгляды. В силу политической обстановки в стране идеологическая позиция издателя была замаскирована, не проводилась достаточно отчетливо, поэтому ее приходится искать в разных статьях журнала. Сложность анализа материала журнала заключается также в том, что он отразил все колебания в еще не установившемся мировоззрении Карамзина.

---

[10] В. В. Сиповский. Ук. соч., стр. 148.
[11] «Московский журнал», 1792, апрель.
[12] ЖМНП, 1867, январь, ч. CXXXIII, стр. 35—36.
[13] В. В. Виноградов. Проблема авторства и теория стилей. М., Гослитиздат, 1961, стр. 268.
[14] Там же, стр. 264.

Сотрудничество Карамзина в журнале «Детское чтение»[15] нельзя еще рассматривать как вполне самостоятельное творчество писателя. Он был полностью связан программой журнала, работал в том направлении, какое дал ему Новиков. Однако при выборе материала Карамзин придерживался не только программы журнала, но следовал также собственным вкусам и взглядам. При нем журнал приобретает более литературный характер. По традиции, сложившейся в то время, когда в России не было детских писателей, молодой Карамзин заполнял номера «Детского чтения» переводами, в основном произведениями известной детской писательницы мадам Жанлис, политические, религиозные и педагогические взгляды которой были близки переводчику.

В «Детском чтении» кроме «Вечеров в замке»[16] Жанлис и ее повестей Карамзин поместил переводы «Времен года» Томсона, повесть Беркеня «Непостоянство», драму Вейсе «Аркадский памятник», статью из «Созерцания природы» Бонне. В журнале увидели свет первые оригинальные произведения Карамзина: повесть «Евгений и Юлия», «Прогулка» и два стихотворения: «Анакреонтические стихи», посвященные Петрову, и «Г-ну Д. на болезнь его».

В оригинальных произведениях, помещенных Карамзиным в XVIII части «Детского чтения», наметились уже все основные черты его сентиментализма: уход в мир грез, культ утонченных переживаний, меланхолия, пессимизм.

Весь материал журнала был подчинен основной задаче — нравственному воспитанию молодого дворянина. Юному читателю даются ответы на все важные вопросы современности, преподносится готовый моральный кодекс.

Журналу «Детское чтение» за 1787 — первую половину 1788 года свойственно сочетание отдельных передовых идей века (проповедь морального равенства,

---

[15] Подробно вопрос о роли Н. М. Карамзина в издании «Детского чтения для сердца и разума» рассмотрен нами в статье «К вопросу о формировании мировоззрения Н. М. Карамзина (1785—1789)». «Вестн. Моск. ун-та», сер. история, 1964, № 3.

[16] С 1787 до половины 1788 года Карамзин один вел журнал. Части XVIII и XIX подготовлены им совместно с А. А. Петровым.

просвещения) с общим консервативным мировоззрением. Журнал в лице Карамзина в этот период выражал интересы той части русского дворянства, которая была затронута новыми либеральными веяниями века и использовала идеи просветителей XVIII в. в целях укрепления положения дворянского сословия.

Социально-политические вопросы в эти годы Карамзина интересовали мало, большую склонность он проявлял к философским и морально-этическим проблемам. В этом сказывалось влияние среды, в которую он попал по приезде в Москву. А. М. Кутузов и А. А. Петров, сами интересовавшиеся философией, не только ввели Карамзина в круг основных вопросов, стоявших в центре внимания философской мысли второй половины XVIII века, но пробудили у него интерес к морально-этическим проблемам, поскольку вопросы нравственного совершенствования лежали в основе учения масонов.

Идейная ориентация и проблемы, интересовавшие Карамзина, раскрываются в его переписке с Лафатером [17]. В первом письме к нему в августе 1786 года Карамзин сообщал, что взялся за перо с целью выразить свое восхищение Лафатером как «великим человеком и истинным христианином» [18]. Он противопоставляет в этом письме Лафатера, как «истинного христианина», себя и всех своих наставников «сумасбродным французам». «Всякий разумный человек, — писал он, — согласится, что французы — сумасброды» [19]. Под «сумасбродными французами» подразумевались французские просветители — материалисты и вольтерьянцы, с которыми розенкрейцеры вели идейную борьбу. На основании этого заявления Карамзина можно заключить, что он в это время находился полностью под влиянием мистически настроенных масонов и относил себя к лагерю Лафатера — Кутузова. Об этом говорит и его перевод поэмы Галлера «О происхождении зла», который он осуществил в 1786 году.

Галлер был близок по своим взглядам Кутузову и примыкавшей к нему группе масонов. Поэма носила

---

[17] Лафатер — швейцарский философ-мистик, почитавшийся в масонских кругах.

[18] «Переписка Н. М. Карамзина с Лафатером». СПб., 1893, стр. 6.

[19] Там же, стр. 6.

полемический характер и была направлена против «защиты пороков» в басне Мандевиля «О пчелах». В этой басне Мандевиль, один из учеников Локка, доказывал, что эгоизм является той основной силой, на которой зиждется современное общество, и что пороки свойственны самому обществу. К. Маркс писал о Мандевиле в «Святом семействе»: «Для социалистической тенденции материализма характерна *апология пороков у Мандевиля*, одного из ранних английских учеников Локка. Он доказывает, что в *современном* обществе пороки *необходимы* и *полезны*. Это отнюдь не было апологией современного общества»[20]. Галлер критиковал Мандевиля с идеалистических позиций, доказывая, что зло и пороки свойственны не обществу, а человеку. Мир, писал Галлер, «сотворен ко счастию граждан своих; всеобщее благо одушевляет натуру, и все ознаменовано добром высочайшим»[21].

Все зло в мире идет от человека. «Я зрю внутренний мир (человека), и обретаю его аду подобным», — развивал свою мысль Галлер[22]. «Мы все порочны; всеобщий яд сообщен человеком обоим мирам (духовному и телесному. — *Л. К.*). Доколе простирается область человека, повсюду царствует злато, честь, сластолюбие и все исчадия сердца...»[23]. Злой природы человека ничто уже переменить не может: «Ни время, ни страна, ни обыкновения не могут переменить Натуру; ... Всуе какой-либо народ прославляет невинность нравов своих! Зло токмо еще не устарело в нем; не столь глубоко еще ниспал он»[24].

Идеолог московских масонов А. М. Кутузов также объявлял человека источником зла, царящего в мире. «Всякое внешнее зло, — говорил он, — не есть причина несчастия нашего, но следствие зла, внутри его самого (человека. — *Л. К.*) обитающего»[25].

Признавая совершенным окружающий человека мир, мыслители типа Кутузова — Галлера, таким образом,

---

[20] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 146.
[21] Галлер. О происхождении зла. Поэма. Перевод с нем. Н. Карамзина. М., 1786, стр. 13—14.
[22] Галлер. О происхождении зла, стр. 15—16.
[23] Там же, стр. 57.
[24] Там же, стр. 59.
[25] Цит. по кн.: «Радищев. Статьи и материалы», стр. 84.

отрицали необходимость его переустройства и направляли все внимание на борьбу со злой природой человека, на ограничение зла через самоусовершенствование и самоочищение. Социальный смысл такой теории заключался в стремлении сохранить существующий порядок вещей неизменным. В свете этой теории всякие попытки социального переустройства мира и классовая борьба выглядели как взрыв эгоизма злых человеческих воль.

Сам факт обращения Карамзина к поэме Галлера говорит о близости их идейных позиций. Но полного согласия у Карамзина с Галлером не было. Из примечаний, которыми Карамзин сопроводил свой перевод, можно установить его расхождения с Галлером и Кутузовым. Он безоговорочно принял основную идеалистическую посылку Галлера о благости, царящей в мире, но не согласился с его выводом о злой природе человека. Выступая против этого положения Галлера, Карамзин ссылался на жизнь альпийских пастухов, сохранивших «добрый и кроткий нрав». «Размышление о сих счастливцах, — писал Карамзин в примечании, — часто побуждало меня восклицать: «О смертные! почто уклонилися вы от начальной невинности своей! почто гордитесь мнимым просвещением своим!» [26].

Возникновение зла, как явствует из примечаний, Карамзин был склонен объяснять свободой воли. Свободная воля, писал он, «драгоценнейший дар творца, сообщенный им тварям избранным», она была причиной падения человека, она же должна привести его на стезю добродетели: «свободная воля токмо может и паки восстановить падшего» [27]. Для этого человеку нужно указать путь к добру, а привести к добру может только просвещение.

Пробудят доброе начало в человеке, по мысли Карамзина, поэзия, искусство, просвещение. При их помощи он надеялся обратить мысли людей на красоту мироздания, на благость и премудрость творца, и тогда под впечатлением величия «натуры» должны умолкнуть в человеке суетные страсти и восторжествует добродетель.

---

[26] Галлер. О происхождении зла, стр. 11.
[27] Там же, стр. 30.

Если у французских просветителей просвещение должно было способствовать переустройству существующего общества, то у Карамзина оно должно увести человека от общественной и политической борьбы в мир прекрасного, тогда исчезнут пороки, мир и благоденствие на земле наступят без всякого переустройства общества.

Расхождения Карамзина с линией Кутузова и Галлера, наметившиеся в примечаниях к поэме «О происхождении зла», в последующие годы проявились с большей отчетливостью. Это объясняется тем, что влияние масонов-мистиков не было единственным: не только книги Лафатера и Галлера прочитал Карамзин в эти годы. Для него не менее привлекательными оказались произведения французских просветителей Вольтера, Монтескье, Руссо. Он основательно познакомился и с произведениями наиболее видных представителей немецкого Просвещения, и, в частности, с поэзией Гете, Клопштока, Геснера, с философскими трудами Виланда, Лессинга, Гердера. Знакомство с передовыми идеями века неизбежно должно было вызвать сомнение в правильности истин, проповедуемых «руководителями». Не удовлетворяясь их ответами на волновавшие его вопросы, он искал их в книгах. В надежде решить некоторые свои сомнения Карамзин завязал переписку с Лафатером. «Теперь в душе моей возникает много сомнений, — писал он. — Я родился с жаждой знаний; я вижу, и тотчас хочу знать, что произвело сотрясение в моих глазных нервах...» [28].

Год путешествия для Карамзина стал временем поисков своих идеологических позиций. Его идейные искания ярко отразились в «Письмах русского путешественника». Следуя за молодым путешественником по страницам его путевого журнала, мы видим, как упорно он отыскивал решения на волновавшие его вопросы, как постепенно освобождался от влияния крайностей идеалистической школы А. М. Кутузова.

Философов XVIII столетия волновал вопрос о бессмертии души. Ответа на этот вопрос искал и Карамзин. Первым, к кому с этим вопросом он обратился, был «глубокомысленный, тонкий метафизик» Кант. Вот как

---

[28] Переписка Карамзина с Лафатером, стр. 26—28.

передал Карамзин в «Письмах русского путешественника» ответ Канта: «Вероятность не есть уверение, когда мы говорим о будущей жизни; но, сообразя все, рассудок велит нам принимать её... Говоря о нашем определении, о жизни будущей и пр., предполагаем уже мы бытие всевечного творческого разума, все для чего-нибудь, и все благо творящего. Что? Как?... Но здесь первый мудрец признается в своем невежестве. Здесь разум погашает свой светильник и мы во тьме останемся; одна фантазия может носиться во тьме сей и творить чудовищей» [29].

Таким образом, Кант вынес вопрос о бессмертии души и будущей жизни за пределы человеческого познания, а следовательно, и науки, и отнес его к компетенции веры.

Вопрос о бессмертии души Карамзин обсуждал также с Виландом. Не раскрывая подробно содержание этой беседы, Карамзин так сообщил о позиции Виланда: «он ничего не отвергает, но только полагает различие между чаянием и уверением» [30].

Из этих бесед Карамзин вынес впечатление о недоказуемости бессмертия души, и, по-видимому, уже в это время он начал сомневаться в возможности потусторонней жизни.

Свое сомнение он высказал в письме к Плещеевой, которое ее очень всполошило [31]: «...Получили мы письмо от Николая Михайловича, совсем на него не похожее; — писала она 7 июля 1790 года Кутузову, — ...меня беспокоит одно только это слово: «*я вас вечно буду любить, ежели душа моя бессмертна*». Вообразите же каково, ежели он в этом сомневается! Это «ежели» меня с ума сводит!»

В «Разных отрывках», написанных в это же время, Карамзин записал: «Все, что о будущей жизни сказали нам философы, есть чаяние; потому что они писали до смерти своей, следственно еще не зная того, что ожидает нас за гробом. Все же известия, которые выдаются за газеты того света (например, шведенбурговы мнимые откровения) суть к сожалению—газеты (т. е. басни)!» [32].

---

[29] «Московский журнал», 1791, февраль, стр. 170—171.
[30] Н. М. Карамзин. Соч., т. II, стр. 150.
[31] Л. Я. Барсков. Переписка московских масонов, стр. 2.
[32] «Московский журнал», 1792, апрель, стр. 69.

И дальше продолжает свою мысль: «Как может существовать душа по разрушении тела, не знаем; следственно, не знаем, и того, как она может мучиться и блаженствовать. Говорят — и сам Руссо говорит, — что блаженство или мучение души будет состоять в воспоминании прошедшей жизни, добродетельной или порочной; но то, что составляет добродетель и порок в здешнем мире, едва ли покажется важною добродетелью и важным пороком тому, кто выйдет из связи с оным». Эта запись как нельзя ясно говорит о степени сомнения, которому подверг Карамзин существующие учения о бессмертии души. Ни одна философская точка зрения по этому вопросу не показалась ему убедительной. Усомнился он и в мистическом масонском учении о касании к мирам иным и объединении с ними [33]: «Описывать нас светлыми, легкими, летающими из мира в мир (зачем, s'il vous plaît?), одаренными шестью чувствами (для чего не миллионами чувств), есть — говорить, не зная что» [34].

Поиски ответа на вопрос о бессмертии души привели Карамзина к выводу о невозможности узнать что-либо достоверное об этом, так как это знание, решил он, стоит вне пределов человеческого познания. «Если бы железные стены, отделяющие засмертие от предсмертия, — писал он там же, — хотя на минуту превратились для меня в прозрачный флер, и глаза мои могли бы увидеть, что с нами делается там, то я охотно бы согласился расстаться навсегда с Кантами, Гердерами, Боннетами» [35].

Таким образом, сомнение в бессмертии души вылилось у Карамзина в полное отрицание возможности решить этот вопрос.

Скептицизм, перерастающий в агностицизм в гносеологии, и идеализм в решении основного вопроса философии определяют основы мировоззрения Карамзина в этот период. Идеализм Карамзина выступал в

---

[33] В. В. Виноградов отмечает, что Карамзин высказал в «Разных отрывках» сомнение не только в истинности масонско-мистического учения о бессмертии души, но отверг и новиковское понимание бессмертия «как нравственной категории, как двигателя новой нравственности, основанного на чувственной уверенности» (В. В. Виноградов. Ук. соч., стр. 288).

[34] «Московский журнал», 1792, апрель, стр. 66.

[35] Там же, стр. 68—69.

эти годы в форме деизма. Его идеализм определялся верой в то, что мир есть воплощение творческого разума или бога, творца вселенной. Деизм Карамзина выражался в признании того, что мир развивается по законам, данным ему творцом, в его религиозных взглядах, в его отношении к науке и в ориентации на школу английских деистов, влияние которой он испытывал уже в эти годы и особенно в конце 90-х годов XVIII века.

Анализ «Писем русского путешественника» и «Московского журнала» позволяет говорить о том, что философские основы мировоззрения Карамзина сложились уже в эти годы. Карамзин, правда, не объявлял себя сторонником какой-либо философской системы, так как, принимая одну часть учения какого-либо философа, он отвергал другую. Но это были колебания между идеалистическими школами, материалистическая философия была для Карамзина абсолютно неприемлема.

«Московский журнал» имел в основном литературно-просветительское направление и философские проблемы не входили в его программу, тем не менее Карамзин помещал в журнале и статьи философского содержания. Подбор статей в «Московском журнале» свидетельствует об интересе Карамзина к античной философии, к ее идеалистическому течению, представленному Платоном и Сократом.

Но особое внимание в это время Карамзин уделял учению английских деистов. С основами этого учения он, вероятно, познакомился еще до путешествия по хорошо известному в России «Опыту о человеке» Александра Попа в переводе Н. Поповского. В «Московском журнале» Карамзин обратился к другому представителю этой школы — Шефтсбери. Для журнала Карамзин выбрал два письма из переписки Бейля и Шефтсбери, в которых поднимались вопросы, особенно интересовавшие Карамзина: проблема существования зла, души и тела, вопросы познания мира. В своем письме Шефтсбери излагал учение о «предустановленной гармонии», основу которого составляло положение о благости и премудрости творца. Это учение все зло в мире объясняло высшей целесообразностью. В письме Шефтсбери излагал и свою теорию познания, в основе которой лежал агностицизм. Знания человека о мире, по мнению

Шефтсбери, очень приблизительны, так как полное знание или истина обитает со всемогущим и «смертные очи не могут объять ее сияния». Человеческое знание — это только слабый отблеск истины, оно «едва, едва освещает шествие наше в полях ночи» [36].

И в «Московском журнале», и в «Письмах русского путешественника» Карамзин также проводит мысль о благости творца. Мир, говорит он, создан для счастья и блага человека. В вопросе о судьбах мира и человека он также в конце концов полагался на благость провидения, провозглашая «доверенность к той невидимой руке, которая движет миры и атомы»...

В теории познания молодой Карамзин склонялся к сенсуализму и агностицизму. Подробно вопросы познания он рассмотрел только в 1793 году в статье «Нечто о науках, искусствах и просвещении». Предметом познания человека, писал в ней Карамзин, является окружающий его мир, природа и сам человек. Но, по Карамзину, мир есть воплощение «всевышнего творческого разума», следовательно, познание мира есть познание истины, которая существует независимо от сознания человека и которая есть нечто иное, как бог, творец, всевечный разум. «Познание сих двух предметов (природы и человека. — *Л. К.*), — пояснял свою мысль Карамзин, — ведет нас к чувствованию всевечного творческого разума» [37].

Источником знаний человека о мире, по мнению Карамзина, являются ощущения. Человек, писал он, «собирает бесчисленные идеи или чувственные понятия, которые суть не что иное, как непосредственное отражение предметов» [38]... Чувственные восприятия или идеи систематизируются разумом человека и из них составляется знание о предмете.

Вопросы нравственной философии и познания природы человека оставались в центре внимания Карамзина. Отправившись в заграничное путешествие, он искал не только ответ на вопрос о бессмертии души и будущей жизни. Во время поездки его продолжали волновать вопросы нравственности человека, добра и

---

[36] «Московский журнал», 1791, август, стр. 161.
[37] Н. М. Карамзин. Соч., т. III, стр. 375.
[38] Там же, стр. 377.

зла, проблема взаимоотношений между человеком и обществом. Спор о нравственной основе человека, начавшийся между Карамзиным и масонами-мистиками еще во время перевода поэмы Галлера, продолжался и в последующие годы. Так, в статье «Цветок на гроб моего Агатона» Карамзин упоминает о письме к нему А. А. Петрова, в котором тот выражал надежду, что его молодой друг на своем опыте за время путешествия удостоверился, что везде есть зло. «Могу себе представить, — писал Петров, — что сей опыт часто тебя огорчает, и приводит в такое грустное расположение, в каком я видел тебя, живши с тобой» [39].

Субъективно-идеалистическое учение московских масонов полностью отрицало воздействие внешней среды на человека. Определяющими в человеческом характере они объявили врожденные (темпераменальные) свойства, которые создатель вложил в него. Так, Кутузов считал, что человек не может выработать у себя новых свойств характера, но может приучить себя к альтруизму, к ограничению врожденных дурных задатков. Полностью победить в себе зло человек не может. «Внешние предметы, — писал он, — ни мало не виноваты в наших поступках, но истинные причины оных лежат в самом человеке» [40].

«Уверен также, — писал он в письме к И. П. Тургеневу, — что мы не можем произвести ничего нового, что не вложил в нас создатель» [41].

Учение о неизменных, врожденных свойствах человеческого характера имело социальный смысл: оно доказывало неспособность низших сословий феодального общества к управлению государством, к образованию, к искоренению сословных пороков (привычки к рабству, к корыстолюбию и т. п.).

Как же решал этот вопрос Карамзин?

Во время путешествия по Альпам Карамзин обратил внимание на мрачный характер горцев и объяснил его суровостью окружающей их природы. «Люди, живущие между скал, на пустых утесах... не могут иметь веселого характера. Мрачное уныние всегда будет их свойством, — *ибо душа человека есть зеркало окружаю-*

[39] «Аглая», ч. 1, стр. 14.
[40] «Радищев. Статьи и материалы», стр. 83.
[41] Там же, стр. 86.

щих его предметов» [42] (курсив мой. — *Л. К.*). Такой вывод не единственный. Во второй части «Писем», говоря о национальных чертах характера англичан, Карамзин заметил: «Я не хотел бы провести жизнь мою в Англии для климата сырого, мрачного, печального. Знаю, что и в Сибири можно быть счастливым, когда сердце довольно и радостно; но веселый климат делает нас веселее, а в грусти и в меланхолии здесь скорее нежели где-нибудь захочется застрелиться... Как же англичанину не смотреть сентябрем?» [43].

В статье о русской литературе для немецкого журнала, в которой Карамзин кратко пересказал содержание «Писем русского путешественника», он привел строки, заканчивающие «Письма» (этого текста нет в полном издании «Писем русского путешественника»): «Я видел первые народы Европы, их нравы и обычаи, различия в их характерах, которые складываются под влиянием климата, степени цивилизации, и главное, государственного устройства» [44].

В письме из Франкфурта Карамзин передает как курьез разговор с молодым доктором медицины. Этот доктор стал доказывать Карамзину, что все зло в мире происходит оттого, что «люди не берегут своего желудка», так как «беспорядок душевный, — говорил он, — бывает всегда следствием телесного беспорядка» [45]. Кажется, просто курьезный разговор во время мимолетной встречи. Но приблизительно в это же время в записной книжке Карамзин записал собственное наблюдение: «На систему наших мыслей весьма сильно действует обед. Тотчас после стола человек мыслит не так, как перед обедом... Вообще с наполненным желудком не жалуем мы высокого парения мыслей.., а философствуем по большей части как скептики» [46].

Свое понимание нравственной природы человека он раскрыл в письме из Веве. После рассказа о посещении Кларана — места, связанного с именем Руссо, Карамзин далее воспроизвел речь, которую он будто бы произнес во сне. В этой речи он заявил, что в основе нравст-

---

[42] «Московский журнал», 1792, август, стр. 167.
[43] Н. М. Карамзин. Соч., т. II, стр. 773—774.
[44] Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, стр. 482.
[45] Н. М. Карамзин. Соч., т. II, стр. 165—166.
[46] «Московский журнал», 1792, апрель, стр. 71.

венной природы человека лежат темперамент и характер. Темперамент — это величина неизменяемая, он составляет основу нравственной сущности человека и дан ему от рождения. Характер же — величина изменяемая, «он зависит не только от темперамента, но и от рода действующих на нас предметов» [47].

Удивляет здесь не само содержание «речи», поскольку она обобщала высказанные Карамзиным положения, а то, что такой важный для него вывод он завуалировал сном. Это можно объяснить только тем, что признание влияния внешних предметов на характер человека шло вразрез с учением о врожденных темпераментальных свойствах человеческой природы и означало отход Карамзина от идеологических установок Кутузова и его последователей. Ссориться с ними Карамзин не хотел и поэтому замаскировал свой вывод о свойствах человеческой природы.

Но несмотря на то что Карамзин признал влияние внешней среды на человека, несмотря на вульгарноматериалистические высказывания, отход его от мистического учения масонов, как показала его «речь», не был особенно значительным: идеалистическая закваска, воспринятая им в масонском кругу, была слишком сильной, чтобы элементы скептицизма и материализма, бродившие в его сознании, могли глубоко укорениться. Но тем не менее признание влияния внешней среды на формирование человеческого характера говорило о том, что Карамзин в этот период откликался на отличные от масонов идейные воздействия, исходившие от прогрессивных нравственно-философских учений.

Признав влияние окружающей среды на человека, Карамзин вынужден был признать также, что не только внутренним покоем добродетельной души может быть счастлив человек. В «Письмах» он рассказал о встрече с нищей старухой в замке Франциска I. Выслушав рассказ старухи о ее жизни [48], он восклицает: «Боже мой! Сколько великолепия в физическом мире... и сколько бедствия в нравственном! Может ли несчастный, *угнетенный бременем бытия своего* (курсив мой. — *Л. К.*), отверженный, уединенный среди множества людей,

---

[47] «Московский журнал», 1792, апрель, стр. 50.

[48] В литературе есть мнение, что этот рассказ послужил основой для знаменитой повести Карамзина «Бедная Лиза».

хладных и жестоких, — может ли он веселиться твоим великолепием, златое солнце!»[49].

Этот вывод существенно отличался от той линии, которую проводил Карамзин в «Детском чтении»: человек может быть счастлив независимо от своего материального благополучия и социального положения, лишь бы душа была добродетельна и спокойна. Так, в драме Вейсе «Аркадский памятник», переведенной Карамзиным для «Детского чтения», доказывалось, что счастье человек может найти только в своем сердце: даже цепи «легки тогда, когда душа свободна, невинна и мудра»[50]. В эпизоде со старухой он связал понятие счастливой жизни с материальными условиями. В это же время в «Разных отрывках» он записал следующее: «Человеческая натура такова, что истинную приятность может нам доставлять одно полезное, или то, что улучшает физическое или духовное бытие человека — что способствует к нашему сохранению»[51]. Следовательно, одного покоя души для счастья недостаточно.

Таким образом, Карамзин подошел к признанию того, что общество повинно в несчастиях людей, что человек не может отделаться от общества, в котором он живет, что счастье не внутри человека, а зависит от окружающих его людей. Но Карамзин решал этот вопрос не с социальных, а с моральных позиций: виновато не общество, как социальная категория, а недобродетельные люди.

Именно так рассматривался этот вопрос в рецензии на драму Лессинга «Эмилия Галотти». Карамзин не разделял общественно-политических взглядов Лессинга, но отвлеченно-моралистическая трактовка Лессингом социальных вопросов давала возможность решать их в чисто этическом плане. В этой драме Лессинг показал, что неограниченная власть делает из в общем не очень порочного принца жестокое чудовище. У Лессинга принц отвратителен именно потому, что он государь. Так осуждалась как неразумная идея неограниченной власти. В рецензии на «Эмилию Галотти» (напомним, что драма была переведена на русский язык Карамзиным еще до отъезда за границу) Карамзин подчеркнул

[49] Н. М. Карамзин. Соч., т. II, стр. 493.
[50] «Детское чтение», 1789, ч. XVIII, стр. 122—123.
[51] «Московский журнал», 1792, апрель, стр. 70.

жизненность данной в драме ситуации: «Главное действие возмутительно, но не менее того естественно... Римская история представляет нам пример такого ужасного дела»[52]. Для Карамзина это «действие» естественно потому, что люди нравственно несовершенны, порочны. Таким оказался слабый, поддавшийся своим порокам принц. Так социально заостренная драма Лессинга превратилась в рассказ о человеческих пороках.

Сведение общественного зла к недостаткам личной нравственности означало отрицание необходимости классовой борьбы и социального переустройства общества. Вместо них выдвигалась идея борьбы с человеческими пороками за утверждение добродетели через просвещение. Признание доброй природы человека и возможности формирования характера воспитанием разума и добродетели определяло средства воспитания: просвещение через книгу, науки, искусства.

Проблема просвещения разработана Карамзиным в статьях 1793 года, поэтому мы остановимся на этом вопросе в следующей главе.

Общественно-политические взгляды Карамзина формировались под непосредственным влиянием учения Вольтера и Монтескье об обществе, это отчетливо прослеживается в «Письмах русского путешественника».

Как можно выяснить из статей Карамзина в «Детском чтении», взгляды его на общество тогда еще не сложились. Они сводились к признанию библейского сказания о падении человека и модного в XVIII веке учения о «золотом веке».

Просветительская литература и, прежде всего, труды Вольтера и Монтескье изменили прежние наивные представления Карамзина об истории человечества. В основе учения Вольтера об обществе лежала идея органического развития общества. Могущественным фактором исторических изменений, согласно его концепции, являлись идеи; прогрессивное развитие человечества осуществляется с чрезвычайным трудом, преодолевая сильнейшие препятствия в непрерывной борьбе с невежеством, глупостью и насилием[53]. В своем «Опыте»

---

52 «Московский журнал», 1791, январь, стр. 63.
53 Вольтер. Статьи и материалы. Под ред. В. П. Волгина. М.— Л., 1948, стр. 167.

Вольтер представил развитие человечества как прогрессивное развитие духа или мысли и постепенное их освобождение от оков и глупостей религии.

Вольтер рассматривал общество как совокупность человеческих атомов, взаимоотношения между которыми определялись особыми свойствами, заложенными в человеческую природу самим богом — это инстинкт общения, сострадания, инстинкт морали. Природа человека, указывал Вольтер, неизбежно толкает его к общественной жизни. Люди созданы жить в обществе. Мораль, вытекающая из общественной природы человека, естественно направлена к общему благу.

Поэтому добродетель и пороки, моральное добро и зло, по утверждению Вольтера, определяются тем, что полезно или вредно обществу. «Не идея личного совершенствования, а идея общей пользы, — по определению В. П. Волгина, — является направляющей идеей вольтеровской моральной философии» [54].

Монтескье также полагал, что по законам природы человеку свойственно желание общения и стремление жить в обществе [55].

Принципиально иной была теория об обществе А. М. Кутузова. Определение общества и отношений каждого отдельного человека с ним у Кутузова вытекало из субъективно-идеалистического решения вопроса о злой, неизменной природе человека. Человеческое общество, по Кутузову, есть ничто иное, как арифметическая сумма отдельных человеческих воль, отдельных человеческих индивидов, ведущих войну всех против каждого. Человеческое общество, доказывал он, враждебно каждому его члену и он враждебен ему, это сборище людей, которые смотрят и тянут в разные стороны, общество замкнувшихся в своем «я» эгоистов. Из необходимости обуздать эгоизм отдельных членов общества возникает государство, которое может существовать, только подавляя частные интересы, подчиняя их интересам общества [56].

---

[54] Вольтер. Избранные произведения. М., Гослитиздат, 1947, стр. 13.

[55] См. Монтескье. Избранные произведения. М., Госполитиздат, 1955, гл. II.

[56] «Радищев. Статьи и материалы», стр. 86.

Субъективно-идеалистические учения, взятые масонами на свое вооружение, ставили человеческую личность в полную зависимость от божественной воли, от судьбы. Если все было заранее определено свыше и ничего нельзя изменить, то деятельность человека лишалась смысла, ему оставалась роль пассивного созерцателя и самокопание в себе, с целью подавления собственного эгоизма, воспитания альтруизма через самопознание и моральное самоусовершенствование.

Карамзин, как можно установить по «Письмам русского путешественника» и по материалу «Московского журнала», воспринял ряд положений из учения Вольтера об обществе. Так, он считал, что «человек рожден к общежитию и дружбе». Человек, писал он, «с подобными ему моральными существами и с природой составляет целое», он есть «часть, фрагмент этого целого»[57]. Постоянное уединение и жизнь вне общества, с его точки зрения, приводит к тому, что «все благородные побуждения в сердце нашем усыпают, и человек с первой ступени земного творения ниспадает в сферу бездушных тварей», таким образом, «беспредельное уединение есть путь к ничтожеству»[58].

В основе человеческого общества, по представлениям Карамзина, лежит не насилие, а гармония, ведущая ко всеобщему благу.

Вопрос о сотношении общего и частного блага Карамзин решал так: каждому человеку от природы свойственно стремление к собственному счастью и благополучию, желания его беспредельны. Но тем не менее предел желаниям человека поставлен «моральным законом» или совестью, «чувством добра и зла».

Грань разумного определяется пользой: «Все наши наслаждения, — писал он в «Разных отрывках», — должны служить к чему-нибудь. Верх удовольствия есть предел пользы; далее нет уже цели, начинается **не — для чего**, вред порок»[59]. Но где проходит грань между пользой и пороком, на этот вопрос Карамзин не дает ответа.

В отличие от кутузовского человека-эгоиста, углубленного в самопознание, полного самоуничижения, кото-

[57] «Московский журнал», 1792, декабрь, стр. 79.
[58] Там же.
[59] «Московский журнал», 1792, апрель, стр. 71.

рый является песчинкой в руках всевышнего, у Карамзина-путешественника человек выступает как творец, который «силою могущественной воли своей, шагает из климата в климат»[60]. «Трудолюбие и политическое просвещение наций, — писал он в «Письмах», — торжествует, так сказать, над натурою, и гранитные преграды как прах рассыпаются под секирою всемогущего человека»[61].

Кант в разговоре с Карамзиным прямо определяет назначение человека: «Деятельность есть наше определение»[62]. Без деятельности, развивал этот тезис Канта Карамзин, «не найдем мы ни спокойствия, ни наслаждения, ни счастья»[63]. Поэтому большую ошибку усмотрел он в уставе Картезианского монастыря, обрекавшем человека на праздную жизнь.

Но за этими высказываниями Карамзина скрывалось не материалистическое понимание деятельности, как преобразующего, созидательного труда человека, а борьба за нравственное совершенство, борьба с моральным злом за утверждение добродетели[64]. «Блажен тот из смертных, — писал он в 1794 году в статье «Мелодор к Филалету», — кто в краткое время жизни своей успел рассеять хотя одно мрачное заблуждение ума человеческого, успел хотя одним шагом приблизить людей к источнику всех истин, успел хотя единое плодоносное зерно добродетели вложить рукою любви в сердце чувствительных, и таким образом ускорил ход всемирного совершения!»[65]. Поэтому общественный деятель, в понимании Карамзина, — это борец за нравственность и нравственное совершенство общества.

---

[60] «Московский журнал», 1791, октябрь, стр. 51.
[61] «Московский журнал», 1792, август, стр. 178.
[62] «Московский журнал», 1791, февраль, стр. 169.
[63] «Московский журнал», 1792, декабрь, стр. 79.
[64] А. Д. Галахов был прав, когда искал корни общественных воззрений Карамзина в учении английских деистов, в частности у Шефтсбери и Попа, которые оказали влияние на взгляды Вольтера. Для Шефтсбери и Попа характерно то же понятие деятельности, как борьбы за утверждение добродетели. «Мир так устроен, — доказывал Шефтсбери, — что допуская злое и бесправное, мы тем самым подвергаем опасности свое собственное благо: наоборот, все содействующее добродетели ведет его к прочному высокому блаженству» («Отечественные записки», 1858, т. 116, стр. 117).
[65] Н. М. Карамзин. Соч., т. III, стр. 438.

Деятельность на благо человечества в представлении Карамзина может носить различный характер: она может быть и государственной (следовательно и дела государей), и просветительной, как деятельность Н. И. Новикова, и благотворительной, как у Лафатера, которая определялась стремлением «помочь ближнему в настоящей его нужде».

В «Московском журнале» Карамзин последовательно проводил идею, что человек в любом состоянии и положении может быть полезным обществу. В качестве примера приведем его рассказ «Фрол Силин — благодетельный человек». Герой рассказа Карамзина «простой поселянин» в голодный год безвозмездно помогал своим односельчанам хлебом. В поведении Фрола Силина нужно отметить две стороны: действенная помощь людям и его нравственное влияние на односельчан. Добро, которое сделал Силин, вызывает ответную реакцию со стороны обязанных ему людей — стремление делать добро. Своими поступками Силин, по мнению Карамзина, способствует нравственному воспитанию окружающих его людей.

Карамзин вслед за Вольтером рассматривал историю человечества как развитие человеческого духа в восходящем направлении. Развитие его определялось, как и развитие всего мира, законами, сообщенными творцом. Эти законы пробивают дорогу сквозь невежество и варварство и ведут человечество к благу. Следовательно, по Карамзину, уровень развития общества определялся степенью просвещения и нравственности. Всю историю человечества Карамзин делил, как это можно установить по «Письмам русского путешественника», на три этапа, определяемые уровнем развития просвещения: первобытное состояние, времена варварства и просвещения.

По мнению Карамзина, каждый отдельный народ является частью человечества и его история отражает тот или иной этап в развитии человечества в целом. Отдельные народы, пройдя определенный этап исторического развития, могут сойти с исторической сцены, но развитие человечества при этом не останавливается.

«Наблюдайте движения природы, — говорил Карамзин в «Письмах», — читайте историю народов; поезжайте в Сирию, в Египет, в Грецию — и скажите, чего ожи-

дать невозможно? Все возвышается или упадает; народы земные подобны цветам весенним; они увядают в свое время... Одно утешает меня — то, что с падением народов не упадает весь род человеческий; одни уступают свое место другим — и если запустеет Европа, то в середине Африки или в Канаде процветут политические общества, процветут науки, искусства и художества»[66].

Теперь уже Карамзин далеко отошел от веры в идиллический «золотой век». В первобытные времена, говорит он, «люди жили как звери, укрываясь в глубоких пещерах или под ветвями столетних дубов — какое превращение!..»[67].

От первобытного века люди перешли к варварству. В Европе этот период наступил уже после падения античного мира. Эти времена связываются у Карамзина со средними веками, эпохой рыцарства. Века варварства характеризуются распространением суеверий, фанатизмом, религиозной нетерпимостью, отсутствием просвещения, разгулом страстей, стремлением каждого сильного ставить себя выше закона. Это было время, когда «рыцарь как голодный волк рыскал по окрестностям», разоряя и грабя всех встречных, заключал в темницы невинных людей и подчинялся только велениям своей необузданной воли. Развалины рыцарских замков напоминали Карамзину о мрачных веках «варварства и героизма». «Бледные тени ваши, — писал он, — ужасают робкое просвещение наших дней. Одни сыны вдохновения дерзают вызывать их из бездны минувшего..., чтобы в унылых песнях своих сохранять память чудесного изменения народов»[68].

Но среди этого разгула страстей и невежества разум прокладывал себе дорогу, и на смену векам варварства пришел «век разума» — XVIII век. В наш век, читаем в «Письмах», «законы разума публично возглашаются и просвещение распространяется более и более — просвещение, которого одна искра может осветить бездну заблуждений»[69]. В статье «Мелодор к Филалету» Карамзин оценивал XVIII столетие как век «света философии, тонкости разума и чувств, век смягчения нравов, рас-

---

[66] Н. М. Карамзин. Соч. т. II, стр. 432—433.
[67] Там же, стр. 432.
[68] «Московский журнал», 1791, февраль, стр. 173.
[69] «Московский журнал», 1791, июль, стр. 64.

пространения духа общественности, дружеских связей между народами, как век кротости правлений». «Помнишь, — писал он, — как мы, сличая разные времена, древние с новыми, искали и находили доказательство любезной нам мысли, что *род человеческий возвышается, и хотя медленно, хотя неровными шагами, но всегда приближается к духовному совершенству»* (курсив Карамзина. — *Л. К.*) [70].

«Конец нашего века, — продолжал он, — почитали мы концом главнейших бедствий человечества и думали, что в нем последует важное, общее соединение теории с практикою, умозрения с деятельностью; что люди, уверясь нравственным образом в изящности законов чистого разума, начнут исполнять их во всей точности, и под сенью мира, в крове тишины и спокойствия, насладятся истинными благами жизни» [71].

Однако Карамзин не был последователен. Иногда он отступал от принципов просветительской литературы, подменяя законы чистого разума понятием сверхъестественного «благого определения», предрешающего пути развития человечества. Тем самым он вкладывал в свою концепцию прогресса определенную дозу фатализма, обнаруживая непоследовательность и неспособность отойти полностью от теологического учения масонов об обществе.

Карамзин разделял прогрессивные для того времени теории общественного договора и естественного права. В этом он следовал традициям русской общественной мысли, сложившимся еще до Крестьянской войны. Так, например, В. К. Тредьяковский рассматривал власть просвещенного монарха не только как власть, узаконенную естественным правом и общественным договором, но и ограниченную этими естественно-правовыми законами. Власть, согласно Тредьяковскому, создается к взаимной выгоде и процветанию гражданского общества, поэтому она несет определенные обязанности по отношению к обществу. Дальнейшее развитие идея естественно-правовых основ общества получила у А. П. Сумарокова, в кружке М. М. Хераскова и у русских просветителей второй половины XVIII века. Стоя во главе

---

[70] Н. М. Карамзин. Соч., т. III, стр. 437.
[71] Там же, стр. 438.

дворянства, оппозиционно настроенного к правительству Екатерины II, М. М. Херасков выразил политические требования своего кружка в отношении власти в трагедии «Кадм и Гармония».

Карамзин в рецензии на «Кадма и Гармонию» Хераскова полностью согласился с его социальной концепцией и подчеркнул при этом, что греческие одежды в трагедии только прикрывают то, что волнует современников.

В решении вопроса о происхождении государства и государственной власти Херасков исходил из теории общественного договора. Народ в его трагедии избирает себе властителей для своего удобства. Автор рассматривает все формы государственной власти — республику, монархию, аристократическое правление, преимущества и недостатки этих форм, и приводит читателя к выводу, что самой приемлемой формой правления является самодержавие или монархия. Самодержец — это глава государства, которому народ вручает «вожди правления». Он управляет народом по законам «из самого естества и ваших склонностей предками вашими почерпнутым, или для вашего общего блага вновь установляемым» [72]. Самодержцу вменяется в обязанность охранять святость законов, обеспечивать благосостояние общества, нерушимость прав граждан.

Присоединяясь к этим суждениям Хераскова, Карамзин в «Письмах русского путешественника» и в «Московском журнале» сформулировал свои требования к государственной власти и ее носителям.

Согласно политической концепции просветителей, разумны только две политические формы власти: просвещенная монархия и республика, которые, по мнению просветителей, гарантируют свободу граждан.

Карамзин вслед за просветителями, признавая наиболее приемлемой в современных условиях просвещенную монархию, идеальным государственным строем считал республиканский. И в данном случае он опять шел за просветительской теорией, согласно которой республика была первой формой правления и наиболее отвечала естественным правам человека.

---

[72] «Московский журнал», 1791, январь, стр. 88.

Условиями для существования республики, по представлениям того времени, являются добродетель граждан, вольность народа, их братский союз. Пример такой республики в XVIII веке видели в Швейцарии. Разделял это заблуждение и Карамзин. В первом письме из Швейцарии он восторженно сообщал: «... я уже в Швейцарии, в стране живописной натуры, в земле свободы и счастья! Кажется, что здешний воздух имеет в себе нечто оживляющее...» [73]. На первых порах его все восхищало: во всей Швейцарии, писал он, видно «изобилие и богатство» [74]. Ему бросалось в глаза «цветущее состояние» швейцарских земледельцев, объясняемое тем, по его словам, что они «не платят почти никаких податей, и живут в совершенной свободе и независимости, отдавая правлению десятую часть из собираемых ими полевых плодов» [75]. Со свойственной ему восторженностью он отмечал, что мудрые цюрихские законодатели преградили роскоши вход в республику, ибо «роскошь бывает гробом вольности, равенства и добрых нравов» [76]. «Счастливые швейцары! — писал он далее,—всякий ли день, всякий ли час благодарите вы небо за свое счастие, живучи в объятиях прелестной натуры, под благодетельными законами братского союза, в простоте нравов, и служа одному богу?» [77].

Но постепенно туман восторженности рассеивался и Карамзин с большим вниманием начал присматриваться к жизни Швейцарских кантонов. Теперь он видит, что все далеко не так прекрасно в Швейцарских республиках. Так, в Базеле он заметил, что «народ не имеет законодательной власти, и не может сам избирать начальников», но все же правление этого кантона можно назвать «отчасти демократическим», так как «люди самого низкого состояния бывают членами Большого и Малого Совета... Хлебники, сапожники, портные, играют часто важнейшие роли в Базельской республике» [78]. А в Берне самый строжайший аристократизм. «Некото-

---

[73] «Московский журнал», 1791, октябрь, стр. 65.
[74] «Московский журнал», 1792, апрель, стр. 47.
[75] «Московский журнал», 1792, январь, стр. 22.
[76] «Московский журнал», 1791, декабрь, стр. 308.
[77] Н. М. Карамзин. Соч., т. II, стр. 203—204.
[78] «Московский журнал», 1791, октябрь, стр. 77.

рые фамилии присвоили себе всю власть в республике: ... все прочие жители не имеют участия в правлении»[79].

В Цюрихском кантоне, сообщал он, насчитывается около 180 000 жителей, но только две тысячи имеют права гражданства. Таким образом миф о братском союзе, о равенстве граждан рассеялся, и, как видно из последних писем из Швейцарии, Карамзин уехал из Женевы разочарованным. Идеальной республики не оказалось на деле. Карамзин понял, насколько настоящая Швейцария далека от той, какую он представлял по идиллиям Геснера, Клопштока и других поэтов XVIII столетия. На прощание со Швейцарией Карамзин написал: «Сердце мое помирилось с ними (женевцами), и я желаю им всякого добра. Пусть цветет маленькая область их под тению Юры и Салева! Да наслаждаются они плодами своего трудолюбия, искусства и промышленности!... Да будет их республика многие, многие лета прекрасною игрушкою на земном шаре»[80].

Несмотря на сильное влияние прекраснодушных идиллий, Карамзин нашел в себе трезвость, чтобы взглянуть на жизнь швейцарских пастухов не сквозь розовые облака, и он увидел вместо идеальной республики мещанскую «демократию» булочников и сапожников. Он довольно точно определил сущность швейцарской демократии, при которой, по определению Энгельса, «массой невежественных пастухов, несмотря на их демократическую конституцию, управляют на патриархальных началах несколько богатых землевладельцев» или «цюрихских, люцернских, бернских и базельских мещан»[81].

Несмотря на разочарование в Швейцарии, Карамзин все же постоянно отмечал довольство, порядок, чистоту, изобилие швейцарских земель.

Республика осталась для Карамзина идеалом, мечтой, она была возможна, по его мнению, «только при наличии необходимых для ее существования условий: свободы (или вольности), братства и добродетели всех членов общества. Нарушение этих условий влечет за собой падение республики и установление наиболее худших форм правления — деспотии и тирании. Роскошь

[79] «Московский журнал», 1792, март, стр. 372.
[80] «Московский журнал», 1792, август, стр. 162.
[81] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 350—351.

убивает братство, от нравственной болезни рано или поздно умирает свобода в республиках»[82]. Одни становятся рабами, другие тиранами. Таким образом, государственность зависела от нравственного состояния общества, а деспотизм рассматривался Карамзиным как наказание за пороки. Точно так же эта мысль выражена у Вольтера: «Чистый деспотизм — это возмездие людям за дурное поведение»[83].

Но признавая закономерность появления деспотизма, Карамзин отвергал эту форму власти как противоречащую разуму. Обличение деспотизма он начал еще до путешествия, познакомив русскую публику с двумя трагедиями, в основе сюжета которых лежала идея борьбы против тирании: «Юлий Цезарь» Шекспира (книга была сожжена по приказу кн. Прозоровского вместе с другими при ликвидации новиковской типографии) и «Эмилия Галотти» Лессинга.

Карамзин рассматривал просвещенную монархию как наиболее разумную форму правления в существующих условиях. В современной ему Европе образцом просвещенного государства служила конституционная Англия. Вопрос об отношении Карамзина к Англии довольно сложен. Это объясняется тем, что последняя часть «Писем русского путешественника», именно письма из Англии, опубликована полностью только в 1801 году, когда взгляды Карамзина существенно изменились. Поэтому попытаемся выделить текст, относящийся к моменту написания «Писем».

Первая часть писем об Англии вышла в 1795 году в сборнике «Аглая». Публиковались они под заголовком «Путешествие в Англию». Вот что писал в нем Карамзин об Англии: «... Я в Англии — в той земле, которую в ребячестве своем любил я с таким жаром, и которая по характеру жителей и степени народного просвещения есть, конечно, одно из первых государств Европы»[84].

Далее он рисовал картину благополучной Англии, где «все представляет вид довольства, хотя не роскоши, но изобилия. Ни один предмет от Дувра до Лондона не напомнил мне о бедности человеческой»[85]. Автор выра-

---

[82] «Московский журнал», 1792, январь, стр. 17.
[83] Вольтер. Избранные произведения, стр. 532.
[84] Н. М. Карамзин. Соч., т. II, стр. 659.
[85] Там же, стр. 664.

жал свой восторг при виде богатых и тучных лугов, с многочисленными стадами, прекрасных деревень с кирпичными домиками. Англия, по его описанию, это страна достатка: *«Лондон прекрасен!* — писал он. — Какая разница с Парижем! Там огромность и гадость, здесь простота с удивительною чистотою; там роскошь и бедность в вечной противоположности, здесь единообразие общего достатка; там палаты, из которых ползут бледные люди в разодранных рубищах; здесь из маленьких кирпичных домиков выходят Здоровье и Довольствие, с благородным и спокойным видом — лорд и ремесленник, чисто одетые, почти без всякого различия...» [86].

Карамзин подчеркивал отсутствие в Англии роскоши, и это особенно привлекало писателя, поскольку роскошь, по его убеждению, вела к усилению страстей и способствовала развитию пороков. Напротив, умеренность рассматривалась как спутник добродетели.

Обращаясь к прошлому Англии, Карамзин отмечал, что ее история изобиловала злодеяниями: «Здесь была не одна французская революция» [87]. Но в результате, писал он, Англия получила «Магну Харту», в которой «король утвердил клятвенно сии права для англичан — и в какое время? Когда все другие европейские народы были еще погружены в мрачное варварство» [88].

Главные преимущества, дарованные Великой Хартией Вольности, Карамзин видел в том, что по ее привилегиям англичанин мог жить, где хотел, был уверен в том, что имеет, мог не бояться ничего, кроме законов. Он отмечал, что англичане горды «и всего более гордятся своею конституциею» [89], «англичане просвещены, знают наизусть свои истинные выгоды, и если бы какой-нибудь Питт вздумал явно действовать против общей пользы, то он непременно бы лишился большинства голосов в парламенте...» [90].

Высказывания Карамзина свидетельствуют о том, что в годы путешествия он видел в Англии образцовое государство: английские законы направлены на утверждение общей пользы, народ просвещен, следовательно,

---

[86] Н. М. Карамзин. Соч., т. II, стр. 668—669.
[87] Там же, стр. 706.
[88] Там же, стр. 738.
[89] Н. М. Карамзин. Соч., т. II, стр. 778.
[90] Там же, стр. 779.

английское государство отвечало основным требованиям, выдвигаемым учениями об общественном договоре и естественном праве. Судопроизводству Англии Карамзин также отдавал пальму первенства. Институт суда присяжных обеспечивал, по его мнению, соблюдение законности и исключал возможность пристрастного суда. «Здесь нет человека, — говорил он, — от которого зависела бы жизнь другого! Не только осудить, но даже судить нельзя никого без согласия 12 знаменитых граждан» [91].

Отношение Карамзина к английскому государственному строю не было вполне оригинальным, а в значительной степени обусловлено влиянием политических взглядов вождей французского просвещения, и прежде всего Вольтера. Карамзин вступил на английскую землю уже убежденным в том, что это одно из совершеннейших государств в Европе.

Вольтер в «Философских письмах» выражал величайшее уважение к английской конституции, за которую пролито море крови, но англичане, отмечал он, «не считают, что они дорого заплатили за свои хорошие законы» [92]. В его «Диалоге А, В и С» англичанин заявлял, что «наилучшие законы в Англии: правосудие, отсутствие произвола, ответственность должностных лиц за нарушение свободы граждан, право каждого высказывать свое мнение. Все подчинено законам, начиная с королевской власти и церкви» [93].

Вопросы социально-политической жизни России также затронуты Карамзиным, хотя в эти годы он не уделял им столько внимания, как в последующие.

Россию Карамзин представлял себе лишь в рамках существующего общественного устройства и монархического строя. В этом у него не было никаких колебаний. Прежде всего это сказалось в его отношении к крепостному праву, вопрос о котором уже был поставлен на повестку дня антикрепостнической мыслью России.

В номерах «Детского чтения», изданных А. А. Петровым и Н. М. Карамзиным, вопрос о крепостном праве ставился иначе, чем в журналах Н. И. Новикова. В «Детском чтении» мы не найдем критики крепостного

[91] Н. М. Карамзин. Соч., т. II. стр. 688.
[92] Вольтер. Избранные произведения, стр. 22.
[93] Там же, стр. 22—23.

права. Издатели журнала не посягали на крепостнические устои, а лишь старались облагородить отношения дворянских детей к крепостным, смягчить их, сделать более гуманными. Крепостной крестьянин в «Детском чтении» представал перед читателем не как крепостной, а как некий абстрактный поселянин, за которым, как и за всеми людьми, признавалось право чувствовать, дружить, любить. Такой же абстрактный поселянин выступает и на страницах «Московского журнала», хотя в нем он получает более реальные черты.

В «Письмах русского путешественника» Карамзин видел в крестьянине «благополучного смертного», все желания которого ограничиваются обширностью его полей, а в молодой крестьянке — «аркадскую пастушку». Но не следует доверять этому розовому флеру. Карамзин трезво смотрел на вещи и прекрасно знал истинное положение крестьянства. С этим мы встречаемся уже на первых страницах «Писем». Проезжая Эстляндию и Лифляндию, Карамзин не пропустил возможности поговорить с тамошними помещиками и, сообщив читателям, что господа лифляндских и эстландских крестьян «жаловались на их леность», заметил: «... И так, надобно, чтобы их очень понуждали, потому что они очень много работают, и мужик в Лифляндии, или в Эстландии, приносит господину вчетверо более нашего Казанского или Симбирского» [94]. Эти бедные люди работают на господ своих «со страхом и трепетом во все будничные дни...» [95].

Проезжая прусские, швейцарские, савойские и другие земли, Карамзин обращал внимание на состояние полей, отмечая, где земля хорошо обработана и во всем виден порядок (в Пруссии и Швейцарии) и где поля в запустении и народ беден (Савойя). Состояние земледелия он неизменно объяснял леностью или прилежанием крестьян. Решая вопрос, почему у крестьянина не хватает хлеба в неурожайный год, если ему предшествовало шесть лет урожайных, Карамзин назидательно объяснял: «От того, что поселянин всегда излишно надеется на будущее лето, не представляя себе ни засухи, ни града, и продает все сверх необходимого» [96]. Все

[94] «Московский журнал», 1791, январь, стр. 36—37.
[95] Там же, стр. 37.
[96] «Московский журнал», 1791, февраль, стр. 153.

несчастия крестьян объяснялись или стихийными бедствиями, или их нерадением. И лишь один раз он раскрыл реальную причину хорошего благосостояния швейцарских крестьян, указав на то, что они живут в «совершенной свободе» и «не платят почти никаких податей» [97].

В «Московском журнале» всего три статьи, касающиеся русской деревни: «Деревня», «Сельский праздник и свадьба», «Фрол Силин — благодетельный человек». Повесть «Деревня» написана в чувствительно-сентиментальном духе. Вся жизнь русской деревни в ней рассматривается через восприятие дворянина, любящего простоту сельской жизни. Подлинная жизнь крестьян в повести не раскрыта; крестьянин, хотя он и трудится от зари до зари, показан как идиллический пастушок Палемон, которому «нежная Лавиния» готовит завтрак [98].

В мартовской книжке «Московского журнала» за 1791 год опубликовано «Письмо к ... Село... ское 3 октября 1790 г. Сельский праздник и свадьба». Это письмо не включено ни в одно собрание сочинений Карамзина, но, как доказал акад. В. В. Виноградов, написано Карамзиным из орловского поместья Плещеевых, села Знаменского, в котором он после возвращения из-за границы жил месяцами. В письме рассказывается о сельском празднике урожая, который помещик устраивал каждый год для своих крестьян. По мнению В. В. Виноградова, это письмо является ответом на известный «Отрывок путешествия в ...И...Т...» из новиковского *«Живописца»* и изображает деревню благополучную, которую так и не увидел автор «Отрывка».

Но в то же время, по мнению В. В. Виноградова, «письмо Карамзина не содержит прямой полемики ни с радищевским, ни с новиковским освещением наиболее трагических форм крепостного быта. Здесь нет даже попытки представить изображаемый случай как типичный. Это картина индивидуального и вместе с тем идеального быта деревни» [99].

Хотя статья и не содержала прямой полемики, автор ее преследовал определенную цель: показать читателю

---

[97] «Московский журнал», 1792, январь, стр. 22.
[98] «Московский журнал», 1792, июль, стр. 61.
[99] В. В. Виноградов. Проблема авторства и теория стилей, стр. 352.

идеального помещика, отца своих крестьян. У этого помещика крестьяне работают три дня в неделю, помещик выступает не только в роли благодетеля крестьян, но и их воспитателя. Он говорит с ними «как отец с детьми, простым сердечным языком, преподавая им некоторые удобопамятные и нужные для них моральные истины и увещевая их быть трудолюбивыми и жить между собою в братском мире»[100].

Показал Карамзин и благополучного крестьянина — Фрола Силина. Фрол Силин «всегда лучше других обрабатывал свою землю, всегда более других собирал хлеба и никогда не продавал всего, что собирал»[101]. Поэтому в неурожайный год он оказался с хлебом и бескорыстно помог своим односельчанам. Образ Силина до приторности слащав и христиански праведен. В повести не нашлось места помещику, да и то, что Силин крепостной, можно понять только по беглому замечанию, что он купил на имя своего господина двух девок, воспитал, выпросил им отпускные и выдал замуж.

Рисуя идиллическую картину жизни крепостных крестьян, Карамзин хотел доказать, что крепостное право — не зло, что оно может быть основанием благополучия крестьян, особенно если их помещик просвещен и гуманен.

Карамзин лишь в редких случаях объективно освещал крепостнические порядки. Можно привести только один пример из всего материала «Московского журнала». Разбирая русский перевод пьесы «Оптимист», которую переводчик по распространенному тогда обычаю обрядил в русские одежды, Карамзин отметил в пьесе расхождения в описании взаимоотношений между помещиком и крестьянами с жизнью. Он рассматривает следующий эпизод. У Зланета, героя пьесы, сгорел овин. «Это хорошо, говорит он, я давно не строился; надобно будет заплатить работникам, но бедные люди этим хлеб промышляют». «У наших дворян, — заметил Карамзин по этому поводу, — строят овины собственные их крестьяне, которым они за то не платят». Тот же Зланет, разорившись, дает людям отпускные. Карамзин вновь отмечает: «Тут так же видно что-то не-русское. Если

---

[100] «Московский журнал», 1791, март, стр. 294.
[101] «Московский журнал», 1791, июль, стр. 32.

бы у нас обеднял дворянин, то он продал бы своих слуг, или отпустил бы их с паспортами, т. е. на время, а не навсегда»[102].

У Карамзина мы не найдем никаких критических высказываний в адрес жестоких помещиков или выражений возмущения крайностями крепостного права, как, например, у А. П. Сумарокова.

Г. В. Плеханов заметил по этому поводу, что «лицемерное желание скрыть от нескромных глаз подобные злоупотребления возникает только тогда, когда существующий общественный порядок близится к концу и когда его идеологи сами начинают сомневаться в его правомерности»[103]. Между временем Карамзина и Сумарокова лежала Крестьянская война под предводительством Пугачева, буржуазная революция в Северной Америке, и, наконец, Великая Французская буржуазная революция, которая возвестила о конце старого мира.

Принимая основы самодержавно-крепостнического строя, полагая его правомерным, Карамзин, однако, не считал, что в Российской империи все обстоит благополучно. Из текста «Писем русского путешественника» можно понять, что Россию Карамзин рассматривал как страну отсталую по сравнению с западноевропейскими государствами и по уровню развития просвещения, что казалось ему особенно важным, и по уровню развития земледелия и промышленности. То, что бросалось в глаза русскому путешественнику в странах Западной Европы, резко контрастировало с тем, что было в России: хорошие дороги и дорожная служба, благоустроенные города, чистые деревни, хорошо обработанные поля, сытые, благополучные крестьяне. Именно на это обратили внимание московские масоны. Масон М. И. Багрянский, выражая общее настроение, писал А. М. Кутузову о «журнале» (т. е. «Письмах русского путешественника») Карамзина: «... Обо всем, что касается отечества, он говорит с презрением и несправедливостью поистине возмутительной, обо всем, что касается чужих стран, он говорит с вдохновением. Между прочим, несчастная Ливония им ставится на последнюю ступень. Ее следует,

---

102 «Московский журнал», 1791, февраль, стр. 234.
103 Г. Н. Плеханов. Соч., т. XXI. М.—Л., 1925, стр. 224.

говорит он, проезжать с закрытыми глазами. Милая Курляндия — ни что иное, как страна обетованная...» [104].

Между тем в «Письмах» нет ни одного слова, осуждающего Россию. Но представление об ее отсталости, нищете, неустроенности невольно возникало в сознании читателя при ознакомлении с путевыми записками Карамзина. Так, рассказывая о богатой и благоустроенной Англии, писатель между прочим замечает: «Что, ежели бы я прямо из России приехал в Англию, не видав ни эльбских, ни рейнских, ни сенских берегов...? Думаю, что картина Англии еще более поразила бы мои чувства; она была бы для меня новее» [105]. Несомненно, такое сравнение не в пользу России.

Карамзин страстно хотел видеть свою страну в числе передовых, а для него это значило просвещенных государств. Еще в первом своем письме к Лафатеру он с сожалением сообщал, что русская литература бедна талантами, но что уже имеются некоторые произведения, которые можно включить в сокровищницу мировой литературы. В стихотворении «Поэзия» он высказал надежду, что Россия встанет в общий строй просвещенных государств: «О Россы! век грядет, в который и у вас поэзия начнет сиять, как солнце в полдень... И скоро все народы на север притекут светильник возжигать...» [106].

Космополитизм, а вернее «европеизм» Карамзина, за который его осуждали масоны, не лишал его чувства патриотизма и не превращал его в человека без роду и племени. Он рассматривал свою родину как часть того целого, что зовется человечеством, а себя не только гражданином России, но частью человечества. Ф. З. Конунова правильно оценила «европеизм» Карамзина, поняв его как «умение глубоко и в целом для своего времени прогрессивно поставить вопрос о соотношении европеизма и патриотизма». «Широкое просвещение народа, — пишет она, — не мыслится Карамзиным без тесного духовного общения его с другими народами...» [107].

[104] Л. Я. Барсков. Переписка московских масонов, стр. 86 (перевод мой. — *Л. К.*).

[105] Н. М. Карамзин. Соч., т. II, стр. 664.

[106] «Московский журнал», 1792, сентябрь, стр. 274.

[107] Ф. З. Конунова. Историко-литературное значение повести Карамзина. «Уч. зап. Томского ун-та им. В. В. Куйбышева», № 45, стр. 11—12.

В советской литературе 40—50-х годов Карамзина также упрекали в космополитизме и в качестве доказательства его космополитических настроений обычно приводили его слова из «Писем русского путешественника»: «Все *народное* ничто перед *человеческим*. Главное дело быть *людьми*, а не славянами» [108]. Причем эту фразу обычно вырывали из контекста, в котором она имела совсем другой смысл. Карамзин в этом месте «Писем» полемизирует с положениями, высказанными французским историком Левеком в его «Российской истории», именно с его мнением, что Петра I нельзя назвать великим умом, «ибо он, желая образовать народ свой, только что подражал другим народам» [109]. Карамзин, напротив, считал, что свидетельством ума просвещенного является умение воспользоваться достижениями человечества, поставить их на службу своему народу.

«Избирать во всем лучшее есть действие ума просвещенного, а Петр Великий хотел просветить ум во всех отношениях...» В своей полемике с Левеком он отстаивал право народа перенимать у других все прогрессивное и передовое. В основе этого убеждения Карамзина лежала идея всеобщности культуры. «Путь образования или просвещения, — писал Карамзин, возражая Левеку, — *один* для народов; все они идут им вслед друг за другом. Иностранцы были умнее русских: и так надлежало от них заимствовать...» [110]. «Немцы, французы, англичане, были впереди русских по крайней мере шестью веками: Петр двинул нас своею мощною рукою, и мы в несколько лет почти догнали их ... Все *народное* ничто перед *человеческим*. Главное дело быть *людьми*, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для русских» [111].

Таким образом, так называемый космополитизм Карамзина был неотделим от патриотизма и выражал ничто иное, как стремление приобщить русский народ к общечеловеческому прогрессу.

В оценке деятельности Петра I Карамзин пошел за «Историей Российской в царствование Петра Великого» Вольтера, почти текстуально ее повторяя. Карамзин

---

[108] Н. М. Карамзин. Соч., т. II, стр. 515.
[109] Там же, стр. 513.
[110] Там же.
[111] Там же, стр. 514—515.

принял положение Вольтера о едином пути просвещения для всех народов, согласно которому все народы идут одной дорогой, перенимая и заимствуя достижения друг у друга, приобщаясь к единой человеческой культуре.

«Русским, — писал Вольтер, — надлежало *сравняться* с просвещенными народами и некогда *превзойти* многих из них»[112]. Карамзин почти дословно повторил Вольтера, объясняя основную цель реформ Петра I: «... *сравняться*, чтобы *превзойти*» (курсив Карамзина. — *Л. К.*). Как и Вольтер, основную заслугу Петра I он видел в том, что тот поставил Россию в один ряд с другими просвещенными народами Европы, «образовал» Россию.

К государю как носителю верховной власти Карамзин предъявлял высокие требования. Критерием для оценки деятельности монарха служили не только соблюдение им общественного договора, но и обеспечение блага подданных. Вопрос этот рассматривался сквозь призму величия. Какой государь имеет право называться великим? Над этим размышлял Карамзин перед памятником Фридриха Вильгельма I в Кеслине. «Не знаю, — говорил он, осматривая памятник, — кого справедливее можно назвать *великим*, отца или сына, хотя последнего все без разбора *величают*. Здесь должно смотреть только на дела их, полезные для государства — не на ученость, не на острые слова, не на авторство. Кто привлек в свое государство множество чужестранцев? Кто обогатил его мануфактурами, фабриками, искусствами? Кто населил Пруссию? Кто всегда отходил от войны? Кто отказывался от всех излишностей, для того, чтобы его подданные не терпели недостатка в нужном? Кто? — Фридрих Вильгельм...»[113]. Этот монолог раскрывает те требования, каким, по мнению Карамзина, должен отвечать монарх, чтобы заслужить звание великого.

Еще В. В. Сиповский видел в приведенном размышлении намек на Екатерину II, которая, подобно Фридриху Вильгельму-сыну, претендовала на звание великой и просвещенной монархини. Противопоставление двух

---

[112] Вольтер. История Российской империи в царствование Петра Великого, ч. I. М., 1809, стр. 134.
[113] «Московский журнал», 1791, март, стр. 316.

прусских монархов невольно наводит на мысль о двух русских — Петре I и Екатерине II. Кто как не Екатерина претендовала на ученость, на авторство, на острословие и, наконец, на звание просвещенной монархини? Она же еще при жизни получила титул «великой». В то же время, характеристика, данная Карамзиным Фридриху Вильгельму-отцу, совпадает с тем, что Карамзин сказал в «Письмах» о Петре I. Кроме уже приведенных слов о Петре I, написанных в связи с критикой Левека, в них есть еще одно место, в котором Карамзин писал о нем. В письме из Лиона от 9 марта 1790 года Карамзин сравнивал Петра I и Людовика XIV: «Сии два героя были весьма не равны в великости духа и дел своих. Подданные прославляли Людовика: Петр прославил своих подданных — первый *отчасти* способствовал успехам просвещения; второй, как лучезарный бог света, явился на горизонте человечества, и осветил глубокую тьму вокруг себя — в правление первого тысячи трудолюбивых французов принуждены были оставить отечество; второй привлек в свое государство искусных и полезных чужеземцев — первого уважаю как сильного царя, второго почитаю как великого мужа, как героя, как благодетеля человечества, как моего собственного благодетеля. — При сем случае скажу, что мысль поставить статую Петра Великого на диком камне, есть для меня прекрасная, несравненная мысль — ибо сей камень служит разительным образом того состояния России, в котором была она до времени своего преобразователя» [114].

Все высказанное Карамзиным в «Письмах» позволяет думать, что в это время для Карамзина образцом просвещенного монарха был Петр I, а не Екатерина II. Очевидно, этим можно объяснить то, что в «Письмах» Карамзин почти не упоминает царствующую императрицу. И не только в «Письмах», но и в «Московском журнале» он не поместил ни одной оды в честь Екатерины. А когда И. И. Дмитриев в 1794 году написал две официальные оды, Карамзин упрекнул его за это: «Ода и глас Патриота, — писал он, — хороши *поэзиею*, а не *предметом* (курсив Карамзина. — *Л. К.*). Оставь, мой

---

[114] «Московский журнал», 1792, август, стр. 195—198.

друг, писать такие пиесы нашим стихокропателям. Не унижай муз и Аполлона»[115].

В условиях реакции, установившейся в России после Крестьянской войны и особенно с началом Французской революции, Карамзин не мог открыто высказывать недовольство правлением Екатерины II. Не следует забывать и того обстоятельства, что Карамзин был на подозрении у правительства в связи с делом Н. И. Новикова. Это заставляло его быть вдвойне осторожным. И тем не менее нотки недовольства существующим положением вещей иногда проскальзывали.

В основном недовольство Карамзина распространялось на порядки, царившие при дворе: фаворитизм, чинопочитание, роскошь, расточительство и карьеризм, а также злоупотребления царских бюрократов. Следовательно, оно не распространялось на основы существующего строя. Прямых высказываний недовольства такими порядками, как мы уже сказали, у Карамзина нет, но постоянное подчеркивание им вреда роскоши и расточительства, противопоставление им умеренности во всем содержали скрытую критику роскошной и расточительной жизни столичной аристократии. В стихотворении «На разлуку с Б.», которое Карамзин написал по случаю отъезда А. А. Петрова в Петербург и поступления его на службу, он выражал пожелание, чтобы его друг остался верен «разсудку и совести» и помнил, что причина пороков и подлости—«суетная честь», т. е. погоня за чинами. В свою очередь он заверял Петрова, что его друг, т. е. Карамзин, «умрет тебя достойным, послушным истине, в душе своей покойным. Не скажут ввек о нем, чтоб он чинов искал; чтоб знатным подлецам когда-нибудь ласкал»[116].

Очевидно, нежелание и отказ Карамзина вступить на государственную службу можно объяснить оппозиционным настроением к практике государственной жизни и службы.

Но возможно, недовольство Карамзина политикой Екатерины II было более глубоким. Не случайно, конечно, он всячески подчеркивал величие Петра I и называл его героем и благодетелем человечества. Не слу-

[115] Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, стр. 50.
[116] Н. М. Карамзин. Соч., т. I, стр. 49 (в этом издании стихотворение называется «На разлуку с П.»).

чайно утвердилась в те годы за Карамзиным репутация человека с независимым образом мыслей и либерала, так как в частных разговорах Карамзин иногда отваживался выражать и свое недовольство, и свои взгляды на положение в стране.

В оде «К милости» Карамзин фактически осудил произвол Екатерины II в деле с Н. И. Новиковым. Он довольно откровенно напомнил императрице о ее обязанности блюсти естественные права и свободу подданных:

Доколе права не забудешь,
С которым человек рожден;
Доколе гражданин довольный
Без страха может засыпать
И дети — подданные, вольны
По мыслям жизнь располагать...
Доколе всем даешь свободу
И света не темнишь в умах
Пока доверенность к народу
Видна во всех твоих делах...[117]

О свободе или вольности Карамзин много писал в «Письмах русского путешественника». А. Т. Болотов упрекал его именно «за излишнюю привязанность к пагубной нынешней, и весь свет с ума сводящей вольности, чему многие черты оказал он еще в своем «Московском журнале»[118]. Приведем некоторые примеры из «Писем русского путешественника». Вступив на землю Швейцарии, Карамзин с восторгом сообщал: «Итак, я в Швейцарии..., в земле свободы... Я с гордостью помышляю о своем человечестве». Цветущее состояние Швейцарских земель он объяснял, как мы уже говорили, тем, что их жители живут «в совершенной свободе и независимости, под сенью законов». Наконец, в письмах из Англии он подчеркивал, что свобода англичан гарантирована конституцией.

Как можно заключить из этих высказываний Карамзина, свобода — это неотъемлемое право человека, определяемое естественными законами, и в то же время свобода для него означает зависимость от законов. Таким

---

[117] «Московский журнал», 1792, май, стр. 18—19. Первых двух строк в «Московском журнале» не было. Они появились во 2-м издании журнала (1801 г.).

[118] Н. В. Губерти. Историко-литературные и библиографические материалы. СПб., 1887, стр. 23.

образом, может показаться, что Карамзин, принимая основные положения просветительского учения об обществе, принимал и то понятие свободы, которое вкладывали в него просветители. (Вольтер также определял свободу, как зависимость от законов.) Но у просветителей естественное право предполагало не только естественное равенство. Эта теория служила основанием для уничтожения сословных привилегий, таким образом, просветители доводили естественное равенство до признания социального равенства в правах. У Карамзина же за понятиями естественного права и естественных законов стоит признание незыблемости самодержавно-крепостнического строя. Поэтому понятие свободы у Карамзина означало свободу в рамках законов самодержавного государства.

Итак, время путешествия по Западной Европе и последующие за ним годы издания «Московского журнала» (1789—1792) были важным периодом в формировании мировоззрения Карамзина. Путешествуя, Карамзин не только знакомился с жизнью западноевропейских государств, но и попутно искал ответы на волновавшие его вопросы, чтобы определить свою философскую и общественную позицию.

Общественно-политическая жизнь европейских государств, встречи с лучшими представителями немецкой и швейцарской интеллигенции расширили кругозор Карамзина: он не только освободился от влияния субъективно-идеалистического учения розенкрейцеров, но и воспринял ряд важных положений из учения Просвещения. Обращение Карамзина к учению Вольтера об обществе изменило его прежние наивные представления об истории человечества и обществе.

Но влияние идей Просвещения на Карамзина было своеобразным. Испытывая интерес к передовым общественно-политическим теориям своего времени, Карамзин все же не смог отказаться от идеалистических воззрений в философии и от признания незыблемости основ самодержавно-крепостнического строя в России. Это определило то, что революционные по своему содержанию теории Просвещения, подрывавшие основы феодального общества, у Карамзина теряли свой социальный и революционный смысл и ставились на службу интересам феодального общества.

ГЛАВА III

Н. М. КАРАМЗИН И ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Великая Французская буржуазная революция 1789 года была таким событием в мировой истории, которое не оставило равнодушным ни одного современника. Для одних революция означала наступление нового века — «века разума», идиллического «золотого века». В них она будила светлые надежды и ожидания. У других революция вызвала с первых своих шагов вражду, страх, чувство неуверенности в будущем.

Для Н. М. Карамзина Французская революция явилась тем событием, которое оказало определяющее влияние на его социально-политические взгляды. Поэтому вопрос об отношении Карамзина к Французской революции — один из узловых вопросов в изучении его мировоззрения. Отношение Карамзина к революции было сложным и противоречивым, оно менялось в зависимости от происходящих во Франции событий, но неизменно события во Франции были в центре внимания Карамзина.

В русском обществе неодинаково отнеслись к сообщению о начале революции во Франции. Основная масса русского дворянства, особенно провинциального, встретила враждебно сообщение о революции. Дворянство полностью было солидарно с правительством Екатерины II, которое с первых же дней революции стало на путь борьбы с ней. Но в русском обществе были люди, сочувственно встретившие известие о начале революции—это разночинные слои и передовая дворянская интеллигенция. Сочувственно встретила весть о революции и часть столичного дворянства [1].

[1] Об отношении русского общества к Французской революции см.: М. М. Штранге. Русское общество и французская революция

События 1789 года во Франции вплоть до сентября 1971 года, т. е. до подписания королем конституции, вызывали платоническое сочувствие со стороны определенных кругов русского дворянства. Пока революция не затрагивала основ феодального общества, сохраняя феодальное землевладение и привилегии дворянства, они были на стороне Французской революции. «Французская революция, — отмечал в своей статье А. Я. Кучеров,— в самом начале воспринималась как революция, еще не вышедшая из рук дворянства. Она не была еще антимонархической» [2]. Но как только революция переросла конституционную фазу своего развития, когда началось наступление революции на привилегии дворянства, а затем был казнен Людовик XVI и пришли к власти якобинцы, эта часть русского дворянства перешла в лагерь врагов революции.

Подобную эволюцию в отношении к революции пережил и Карамзин, который в 90-е годы стал идейным вождем части русской дворянской интеллигенции. Поэтому изучение взглядов Карамзина на Французскую революцию представляет интерес и для определения настроений в русском обществе в 90-е годы XVIII века.

Вопрос об отношении Карамзина к Французской революции рассматривался в литературе неоднократно. Тем не менее, единого мнения по этому вопросу нет. Нет также ни одной работы, которая раскрывала отношение Карамзина к революции на всем ее протяжении. Уже один из первых биографов Карамзина А. В. Старчевский писал, что Карамзин видел в Париже все следствия октябрьских событий 1789 года. Но об отношении Карамзина к революции Старчевский не говорит. Обошел этот вопрос и М. П. Погодин в своих «Материалах для био-

---

1789—94 гг. М., 1956, и статьи: П. К. Алефиренко. Россия и Французская буржуазная революция. В кн.: «Очерки истории СССР. XVIII век, вторая половина». М., 1956; А. Каганова. Французская буржуазная революция конца XVIII века и современная ей русская пресса. «Вопросы истории», 1947, № 7; А. Я. Кучеров. Французская революция и русская литература XVIII века. В сб.: «XVIII век». М.—Л., 1935; С. Макашин. Литературные взаимоотношения России и Франции XVIII—XIX вв. «Литературное наследство», т. 29/30. М., 1937; А. Преснов. Французская революция и русская общественная мысль. «Исторический журнал», 1939, № 7 и др.

[2] А. Я. Кучеров. Ук. соч., стр. 287.

графии Карамзина». А. Д. Галахов высказал мнение, что свое отношение к революции Карамзин выразил в «Письмах русского путешественника», «выразил его положительно и с тех самых пор до конца своей жизни остался ему верен»[3]. Указав на то, что текст «Писем русского путешественника» Карамзин переделал и что о Французской революции в рукописи написано иначе, чем в печатном тексте, Галахов объяснил эти переделки соображениями цензурного порядка, а не изменением взглядов самого Карамзина.

По мнению В. В. Сиповского[4], Карамзин был «энтузиастом революции» лишь в самом ее начале, симпатии его к революции исчезали по мере ее развития. Другой причиной, изменившей отношение Карамзина к революции, по мнению Сиповского, было «охлаждение к своим юношеским мечтам». В. В. Сиповский сильно преувеличивал симпатии Карамзина к Французской революции. Это объясняется ошибочным пониманием Сиповским общественного движения XVIII века; он видел в Карамзине ученика французских философов и масонов, идейные позиции которых считал близкими. Это и повлекло за собой преувеличение влияния на Карамзина идей французского Просвещения.

Многие советские исследователи творчества Карамзина отмечают его пристальное внимание к Французской революции. Интересные мысли по этому вопросу высказал С. А. Макашин во вступительной статье к 29/30 тому «Литературного наследства». Макашин выделяет Карамзина как писателя, «быть может, наиболее глубоко пережившего и отразившего в своем творчестве впечатления от революционного катаклизма, разрушившего самые основы дворянско-монархической культуры в Европе». Наиболее характерным для Карамзина, по мнению Макашина, было понимание революции «не как случайного и преходящего события, а как громадного исторического процесса...»[5]. Вместе с тем в советской исторической литературе часто подчеркивалось исключительно от-

---

[3] А. Д. Галахов. Биографические и литературные заметки о Карамзине. ЖМНП, 1867, ч. 133, январь, стр. 26.

[4] В. В. Сиповский. Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899, стр. 432.

[5] «Литературное наследство», т. 29/30, стр. XXII.

рицательное отношение Карамзина к Французской революции.

В условиях последних лет царствования Екатерины II и всего павловского царствования сама тема Французской революции была слишком одиозной. Поэтому выяснить отношение Карамзина к Французской революции в первые ее годы очень сложно. Для этого необходимо привлечь все, что он написал в 90-е годы XVIII века и даже в начале XIX века. Причем чаще всего его можно установить не только по прямым высказываниям, но по отсутствию высказываний резко отрицательных, по умалчиванию и обходу острых моментов в оценке революции. Основной источник по данному вопросу — «Письма русского путешественника». Но необходимо иметь в виду, что полное издание «Писем» вышло только в 1801 году, и это усложняет работу с текстом. В «Московском журнале» была опубликована часть «Писем», кончающаяся приездом в Париж. Продолжение появилось спустя два года, с изменением названия («Путешествие в Лондон»). По смирдинскому изданию, таким образом, выпущено 209 стр. Затем во втором сборнике «Аглаи» в 1795 году опубликован еще один отрывок из «Писем», в котором рассказывалось о высшем обществе Парижа кануна революции и о встрече с королевским семейством в придворной церкви. К 1801 году взгляды Н. М. Карамзина существенно переменились. Рукопись «Писем» не сохранилась, так что приходится довольствоваться только печатным текстом [6].

Большое значение для выяснения взглядов Карамзина на Французскую революцию имеет его статья о русской литературе, написанная в 1797 году для гамбургского журнала «Spectateur du Nord». В ней Карамзин пересказал содержание и основные идеи «Писем русского путешественника», в ней высказаны о Французской революции мысли, которых нет в «Письмах». С. А. Макашин утверждает, что в эту статью Карамзин включил те места из рукописи «Писем русского путешественника», которые он сам изъял оттуда и напечатал их только по французски [7]. Мы не знаем, на чем основывается это утверждение, но оно вполне допустимо. Несомненно, ста-

---

[6] См. В. В. Сиповский. Ук. соч., стр. 160 и сл.

[7] «Литературное наследство», т. 29/30, стр. LXXII.

тья в «Spectateur du Nord» больше отражала настроения Карамзина в первые годы революции, чем текст «Писем» изданный в 1801 году.

К. С. Сербинович в своих воспоминаниях, передавая рассказ Карамзина о путешествии, писал: «В то время Николай Михайлович был сильно вооружен против революции»[8]. Сербинович говорит об этом со слов Карамзина, сказанных им в 1825 году Н. М. Муравьеву-Апостолу. Тогда Карамзин действительно был настроен против революции вообще и Французской, в частности, но это совсем не значит, что он также думал в 1789—1792 годах. При сравнении рассказа Сербиновича с тем, что написано Карамзиным в первые годы революции, обнаруживаются противоречия. Так, Сербинович передает, что «в Женеве, — по словам Карамзина, — все говорили против революции». Однако в статье о Лафатере, помещенной в «Пантеоне иностранной словесности», читаем: «Лафатер был сначала энтузиастом Французской революции вместе со всеми швейцарцами»[9]. В статье Архенгольца о Клопштоке, опубликованной Карамзиным в «Вестнике Европы», автор писал, что Клопшток сначала рассматривал Французскую революцию как «благодетельную перемену судьбы человеческой во Франции. Он вместе с другими надеялся, что народ сильный и просвещенный может быть для себя мудрым законодателем...»[10].

Таким образом, «швейцарцы» не были против революции, да и сам Карамзин не сразу «вооружился» против нее, как он старался подчеркнуть это в 1825 году в разговоре с Н. М. Муравьевым-Апостолом.

Обратимся к тексту «Писем русского путешественника». Первое упоминание о событиях во Франции находим в письме из Франкфурта-на-Майне, помеченном 29 июля, т. е. спустя 15 дней после взятия Бастилии. В статье для «Spectateur du Nord» Карамзин также писал, что о Французской революции он узнал во Франкфурте-на-Майне и поспешил в Эльзас, т. е. во Францию. В столицу Эльзаса Страсбург Карамзин приехал 6 ав-

---

8 «Русская старина», 1874, т. XI, стр. 242.

9 «Пантеон иностранной словесности». Перевод Н. М. Карамзина, ч. III, 1818, стр. 92.

10 «Вестник Европы», 1803, № 11, стр. 174.

густа 1789 года. В это время по всей Франции развернулось широкое движение народных масс. Крестьяне, не дожидаясь постановлений Национального собрания, отказывались платить наиболее ненавистные феодальные поборы. Они с оружием в руках врывались в дворянские замки, сжигали старинные дворянские грамоты. В Страсбурге народные волнения начались еще 19 июля. В августе произошло новое восстание. Карамзин приехал в Страсбург в момент его нарастания. Вот как описал он обстановку в Эльзасе: «Везде в Эльзасе приметно волнение. Целые деревни вооружаются, и поселяне пришивают кокарды к шляпам. Почтмейстеры, постильоны, бабы говорят о революции. А в Страсбурге начинается новый бунт. Весь здешний гарнизон взволновался. Солдаты не слушаются своих офицеров... Между тем в самих окрестностях Страсбурга толпы разбойников грабят монастыри»[11].

Карамзин поспешил оставить беспокойный Страсбург и отправился в Швейцарию, «чтобы там вдохнуть воздух мирной свободы»[12]. Несмотря на то что Карамзин всю зиму провел в Швейцарии, он жил постоянно вестями из Франции и так или иначе становился свидетелем революционных событий. Только 1 марта Карамзин покинул Женеву и, «нацепив трехцветную кокарду», через Лион направился в Париж. В Париж он приехал 27 марта 1790 года и пробыл там до конца мая (4 июня письмо к И. И. Дмитриеву он отравил уже из Лондона).

Что же увидел Карамзин во Франции? И что рассказал своим читателям?

Если в Англии и Швейцарии Карамзин отмечал достаток простых граждан и крестьян, отсутствие роскоши у богатых, то Франция предстает на страницах «Писем русского путешественника» страной контрастов. Несмотря на то что поля хорошо обработаны, говорит он, в стране бродит большое количество нищих. Париж тоже город контрастов. Описание Парижа, как установил В. В. Сиповский, Карамзин заимствовал из книги Мерсье «Контрасты Парижа», автора с прогрессивными взглядами, революционера жирондистского периода революции.

---

[11] «Московский журнал», 1791, октябрь, стр. 52—54.
[12] Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, стр. 477.

«Париж, — писал Карамзин, — покажется вам великолепнейшим городом, когда вы въедете в него по Версальской дороге», но если въехать через Сент-Антуанское предместье, то увидишь «узкие, нечистые, грязные улицы, худые домы и людей в разодранных рубищах»[13]. В Париже, подчеркивал Карамзин, вы увидите «оскорбительное смешение богатства с нищетою». Подчеркивают контрастность Парижа и описание мест гуляния парижан. В Елисейских полях отдыхают «бедные люди, изнуренные шестидневною работою», а в саду Тюльери гуляют «так называемые *лучшие люди* (курсив Карамзина. — *Л. К.*) кавалеры и дамы, с которых пудра и румяна сыплются на землю»[14].

Французская революция на первом этапе ее развития не выходила за рамки конституционной монархии. Поэтому Карамзин в этот период, опасаясь, чтобы движение черни не смело с лица земли французское государство, все же выжидал и наблюдал, по какому пути пойдет революция, предпочитая не высказывать своего мнения. Авторитет короля во Франции в момент пребывания там Карамзина был еще велик. Даже среди наиболее радикально настроенных членов Национального собрания были сильны монархические настроения. Это настроение Карамзин подметил: «Народ любит еще кровь царскую!»[15], — записал он в «Письмах русского путешественника», рассказав о встрече с королевским семейством в придворной церкви.

После грандиозного кризиса, разрешившегося в октябрьские дни 1789 года в Париже наступило затишье. «Революция, — по определению историка Французской революции Жореса, — развивалась вглубь, на поверхности же наблюдалось лишь слабое волнение»[16]. Король, казалось, пошел на соглашение с революцией, подписав «Декларацию прав человека и гражданина».

Как известно, немецкая и швейцарская интеллигенция встретила сочувственно известие о революции. Кант с нетерпением ожидал вестей из революционной Франции; Гете отмечал битву при Вальми как начало новой эры,

---

[13] Н. М. Карамзин. Соч., т. II, стр. 439.
[14] Там же, стр. 447.
[15] Там же, стр. 460.
[16] Жан Жорес. История Великой Французской революции, ч. I, М., 1922, стр. 274.

Шиллер и Клопшток получили от французского законодательного собрания звание французских граждан[17]. Даже Лафатер, известный своими консервативными взглядами, приветствовал Французскую революцию. Таким образом Карамзин постоянно находился в обстановке общественно-политического подъема, охватившего передовые слои швейцарской интеллигенции. Не следует забывать того обстоятельства, что такое приподнятое настроение, связанное с началом революции, воспринималось человеком, находившемся в это время под влиянием идей французских просветителей. Можно спорить о степени влияния передовой общественно-политической мысли того времени на взгляды Карамзина, но отрицать его не приходится. Все это вместе взятое объясняет то, что ни в «Московском журнале», ни в последующие годы, включая 1797 год, Карамзин не высказался враждебно в отношении революции.

Характерно, что во время пребывания в Париже, когда Карамзин присутствовал на заседании Национального собрания, на которое его провел Рабо Сент-Этьен, он с интересом следил за прениями.

Итак, в «Письмах русского путешественника», опубликованных в «Московском журнале», Карамзин очень мало написал о революции. Поскольку в «Московском журнале» не было политического отдела, Карамзин мог вообще обойти вопрос о революции. Между тем революция продолжала привлекать его внимание. Уже в первой книжке журнала Карамзин поместил краткую информацию о спектаклях, идущих в Париже. В этом номере он обещал читателям, что информации о парижских спектаклях, переводимых из «Mercure de France», «будут сообщаемы, если не во всякой книжке, то, по крайней мере, через номер». Уже в последующих номерах появились заметки о парижских спектаклях, в которых так или иначе отражены революционные события: «Монастырские жестокости» Февье, комедия Фабра д'Эглантина «Аристократ или выздоровевший от дворянского чванства» и др.

В сентябрьской книжке за 1791 год Карамзин поместил краткое сообщение о пьесе Арни «Завоеванная свобода». «В ней,—писал издатель «Московского журна-

---

[17] См. А. Преснов. Ук. соч.

ла»,—представляется народное смятение, взятие Бастилии и прочее, что может быть интересно для одной парижской публики»[18]. В «Письмах русского путешественника» Карамзин очень подробно рассказал о представлении в Лионе трагедии Шенье «Карл IX». Карамзину пьеса не понравилась, но он рассказал о бурной реакции зрителей на пьесу, отметив, что «автор имел в виду новые происшествия, и всякое слово, относящееся к нынешнему состоянию Франции, было сопровождено плеском зрителей»[19].

Чтобы представить яснее, о какой трагедии рассказал Карамзин русскому читателю, сошлемся на историка французского театра эпохи Французской революции К. Державина. «Эта трагедия, — пишет Державин,— поднимала и своеобразно интерпретировала ряд волнующих вопросов современности... Все ... элементы трагедии, обличавшей деспотизм, тиранию дурных королевских советников и, наконец, королевскую власть, поскольку она ставит себя выше интересов своих подданных, нашли живейший отклик у буржуазной общественности первого периода революции и всполошили лагерь реакции...»[20].

«Чудовищем, которое губит свою родину, которому диктовал сам Плутон, а чернильницу держал сам Сатана», — назвал автора один из контрреволюционных фельетонистов. А Камил Демулен заявил, что «эта пьеса двинет наше дело еще больше, чем октябрьские дни!»[21]. Таким образом, Карамзин информировал читателя не о безобидных пьесах, идущих в Париже, а о пьесах, которые воодушевляли революционный Париж и вызывали ненависть врагов революции. Помимо этого, Карамзин сообщал в «Московском журнале» о «новинках французской литературы, например о книге Вольнея «Руины, или размышления о революциях», о книге Мерсье «Руссо». Это сообщение снабжено примечанием: «Сии две книги можно назвать важнейшими произведениями французской литературы в прошедшем году»[22]. Большего сказать об этих книгах было нельзя. Оба автора — рево-

---

[18] «Московский журнал», 1791, сентябрь, стр. 327.
[19] «Московский журнал», 1792, октябрь — ноябрь, стр. 86.
[20] К. Державин. Театр Французской революции, 1789—99. М., 1937, стр. 67.
[21] Там же, стр. 68—69.
[22] «Московский журнал», 1792, январь, стр. 151.

люционеры доякобинского периода. Хотя политические идеалы Мерсье не шли дальше отделения исполнительной власти (короля) от законодательной и подчинения первой второй, книга Мерсье проникнута революционным пафосом. Автор доказывал, что Руссо своими произведениями предвосхитил и подготовил развитие революции во Франции. Вольней в «Руинах» ставил своей задачей изобразить «революции империй», показать, какие причины содействовали росту великих государств, их внутреннему упадку и крушению. В программу Вольнея входило раскрепощение человека от пережитков средневековья, от национального гнета, от религии и власти духовенства.

То, что Карамзин помещал в своем журнале статьи о таких пьесах и книгах, можно рассматривать только как желание обратить внимание читателей на те события, которые происходили во Франции, хотя своего отношения к ним он не мог высказать.

Информировать русского читателя об этих книгах— значило вызвать интерес с ним, указанные книги можно было достать в книжных лавках. Кроме того, сообщения Карамзина о книгах и пьесах, которыми увлекалась революционная Франция, свидетельствовали и о его личном интересе к революции, а по характеру их можно заключить, что интерес этот не был враждебным.

Все вышесказанное дает нам основание говорить об отсутствии у Карамзина враждебного отношения к революции в первые три года ее развития. Его отношение к ней в это время можно скорее определить как настороженное, выжидательное и в некоторой степени доброжелательное, так как с началом революции он связывал борьбу против деспотизма и тирании, надежды на установление конституционных форм правления, дальнейший прогресс просвещения.

Развитие революции в первые годы не противоречило этим ожиданиям. Вызывали беспокойство только выступления народных масс. Но тревога несколько улеглась после событий 5—6 октября 1789 года. Как известно, эти события повлекли за собой более четкое размежевание классовых сил. Буржуазное большинство Учредительного собрания, движимое страхом перед революционной активностью масс, постепенно отходило от других элементов третьего сословия и начинало принимать

репрессивные меры против народа и его вождей. Расстрел на Марсовом поле 17 июля показал, что крупная буржуазия пошла на компромисс с королевской властью, пытаясь силой оружия подавить выступления своего недавнего союзника—народ. В сентябре 1791 года Учредительное собрание, после принятия конституции, почти полностью восстановило власть Людовика XVI. 30 сентября Учредительное собрание, закончив работу, распустило себя. Король по поводу роспуска Учредительного собрания решился в манифесте заявить, что «наступил конец революции»[23].

Но с середины 1792 года положение во Франции резко меняется. Народное восстание 10 августа в Париже лишило Людовика XVI трона. Началась борьба между Горой и Жирондой. Вооруженные силы европейских монархов вторглись на территорию Франции. 2 сентября пал Верден, последняя крепость на пути к Парижу. В Париже и других городах Франции роялисты и контрреволюционеры всех мастей предрекали быстрое падение революционного режима. В этих условиях революционный народ Парижа взял защиту отечества в свои руки. 20 сентября в битве при Вальми революционная Франция одержала победу над пруссаками. Французские войска перешли в наступление и начали одерживать блистательные победы над контрреволюционной Европой. 21 сентября Конвент декретировал отмену королевской власти, а 21 января 1793 года Людовик XVI был казнен.

События конца 1792 года и казнь короля положили конец увлечению революционными идеями и определили переход части русского дворянства в лагерь реакции. Уже в 1792 году многие, ранее сочувствовавшие революции, осудили ее[24].

Как реагировал Карамзин на эти события? С какого момента он отвернулся от революции и перешел в лагерь ее врагов? Ни «Московский журнал», ни переписка не дают возможности определить его непосредственную реакцию на происходящее во Франции во второй половине 1792 и начале 1793 года.

---

[23] А. З. Манфред. Великая Французская буржуазная революция, стр. 122.

[24] См. М. М. Штранге. Ук. соч., стр. 111.

Первым письмом, в котором можно найти намек на драматические события, развивавшиеся во Франции, было письмо к Дмитриеву от 17 февраля 1793 года, в котором Карамзин писал: «Отовсюду неприятные вести! Везде горизонт так черен и грозен!—Какое время, друг мой!»[25]. Возможно это был отклик на весть о казни Людовика XVI, о которой в русской печати было сообщено в начале февраля. Только в письме от 17 августа 1793 года есть прямой отклик на европейские события: «Поверишь ли,—писал в нем Карамзин,—что ужасные происшествия Европы волнуют всю душу мою? Бегу в густую мрачность лесов,—но мысль о разрушаемых городах и погибели людей везде теснит мое седце. Назови меня Дон-Кихотом; но сей славный рыцарь не мог любить Дульцинею свою так страстно, как я люблю — человечество»[26].

Таким образом, письма Карамзина свидетельствуют только о страхе и беспокойстве за судьбы человечества, за судьбу Франции, охвативших его в 1793 году.

Перелом в отношении Карамзина к революции раскрывают его статьи более позднего времени. Так, в статье 1794 года «Мелодор к Филалету» бросается в глаза, что конец века Карамзин делит на два периода: время надежд на установление царства всеобщего блага и время крушения этих надежд. Еще недавно, писал Мелодор Филалету, он находил доказательство тому, что конец века будет концом главнейших бедствий человечества, что в это время произойдет «соединение теории с практикой», т. е. люди «уверятся в изящности законов чистого разума», начнут их исполнять и наступит царство всеобщего блага. Но радужные надежды не оправдались: «свирепая война опустошает Европу, столицу искусств и наук, хранилище всех драгоценностей ума человеческого...», а «несчастный филантроп меряет двумя шагами могилу свою, чтобы лечь в ней с обманутым, растерзанным сердцем...»[27].

Нам важно установить, когда окончился для Карамзина период «надежд» и наступила пора разочарований, краха этих надежд. Ответ на этот вопрос дает, как нам кажется, одна из статей Карамзина, написанная прав-

---

[25] Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, стр. 34.
[26] Там же, стр. 42.
[27] «Аглая», ч. II, стр. 67, 68.

да, спустя 10 лет после интересующих нас событий. В 1802 году для первого номера «Вестника Европы» Карамзин написал редакционную статью «Всеобщее обозрение», в которой рассмотрел причины и следствия Французской революции. Вот что писал он в начале этой статьи: «Наконец мир в Европе. Исчезли ужасы десятилетней войны, которая потрясла основание многих держав, и, разрушая, угрожала еще *большими* разрушениями: ...которая будет славна в летописях под страшным именем *войны революционной*. Особенным ее характером было всеобщее волнение умов и сердец. Кто не занимался ею с живейшим чувством? Кто не желал ревностно успехов той или другой стороне? И многие ли сохранили до конца сей войны то мнение о вещах и людях, которое имели они при ее начале? Она не только государства, но и самые души приводила в смятение» [28].

Карамзин в 1802 году говорит о конце 10-летней войны, следовательно, начало ее падает на 1792 год. Текст статьи позволяет определить его более точно. Оно совпадает с установлением республики во Франции [29].

Как известно, восстание 10 августа 1792 года в Париже лишило Людовика XVI трона, но официально Франция провозглашена республикой только 21 сентября. Карамзин, очевидно, считал исходным моментом установления республики 10 августа, так как к началу войны он относит наступление австро-прусских войск на Париж и победу французов при Вальми 20 сентября 1792 года [30]. Таким образом, и в этой статье Карамзин различает два периода: с 1789 по август — сентябрь 1792 года и с августа — сентября 1792 по 1801 год. В этой же статье он писал, что в течение этой революционной войны многие переменили свои мнения «о вещах и людях, которые имели они при ее начале», что «опас-

---

[28] Н. М. Карамзин. Соч., т. I, стр. 525—526.

[29] «Подивимся игре неизъяснимого рока: сколько раз в течение сей войны республика по всем вероятностям разума должна была погибнуть? В самом начале она казалась верною жертвою, без искусных генералов, без дисциплины, с толпами людей едва не безоружных...» (там же, стр. 527).

[30] «Вдруг соединенные армии, в исступлении панического, *до сего времени* непонятного страха, бегут назад, а Дюмурье называет себя Ахиллесом, жалует других генералов (Бернонвиля) в Аяксы, и торжествует без победы». Там же, стр. 528.

ные и безрассудные якобинские правила вооружили против республики всю Европу».

Статья из «Вестника Европы», несмотря на то, что она написана спустя 10 лет после интересующего нас времени, дает возможность определить те события в ходе Французской революции, которые обусловили перелом в отношении к ней Карамзина.

Восстание 10 августа 1792 года положило конец идиллическим мечтам Карамзина о мирном пути развития революции, о близком установлении «царства разума» во Франции, которое мыслилось ему в форме просвещенной, вероятно, конституционной монархии. Начавшаяся вслед за тем гражданская война и борьба за власть внутри революционного лагеря и, наконец, установление якобинской диктатуры повергли Карамзина в отчаяние.

Несмотря на то что якобинский период революции разрушил его «утешительную» философию, отношение его к революции в конце 90-х годов нельзя определить как просто враждебное.

В статье для «Spectateur du Nord» он оценил французскую революцию как одно из тех движений, которые определяют судьбы людей на долгие века. «Началась новая эпоха, я ее вижу, а Руссо предвидел... Я слышу много пышных речей за и против, — писал он далее,— но я не собираюсь подражать этим крикунам. Признаюсь, что мои взгляды на сей предмет недостаточно зрелы. Одно событие сменяется другим как волны в бурном море, а люди хотят рассматривать революцию, как нечто совершенное. Нет, нет! Мы увидим множество поразительных явлений — крайнее возбуждение умов говорит за то» [31] (перевод мой. — *Л. К.*).

Говорить о духовном кризисе, который переживал в это время Карамзин, нельзя, не учитывая событий, происходивших в России и коснувшихся его непосредственно.

В 1792 году более напряженным становится положение в России. 1 марта 1792 года умирает австрийский император Леопольд, вдохновитель военной коалиции против Франции. 16 марта на балу в Стокгольме от руки дворцового заговорщика пал другой инициатор похода на Париж — король Швеции Густав III. В Петербурге распространяются слухи, что против всех го-

---

[31] Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, стр. 480.

сударей Европы составлен заговор, в который входят якобы франкмасоны, энциклопедисты, мартинисты, якобинцы [32]. По свидетельству А. М. Тургенева, «в обществе и даже в народе была тогда молва, что якобинцы и франкмасоны, соединясь, умыслили отравить государыню ядом...» [33]. В Москве кн. Прозоровский начал процесс против масонов. На допросах он интересовался ролью Карамзина в масонском обществе. Хотя на следствии было установлено, что Карамзин давно отошел от общества и непричастен к делам Типографической Компании, тем не менее четыре года — вплоть до смерти Екатерины II и вступления Павла I на престол, когда дело масонов было прекращено, о Карамзине говорили как о масоне и ходили слухи о его ссылке. 22 апреля 1792 года был арестован Н. И. Новиков и заключен в Шлиссельбургскую крепость. Арест Новикова и преследования масонов, бывшие только звеном в общей цепи реакционных мер, предпринимаемых правительством Екатерины II, глубоко потрясли Карамзина. Под влиянием просветительской идеологии у него сложилось твердое убеждение, что ценность человека для общества определяется его участием в «ускорении хода всемирного свершения». С точки зрения Карамзина, Новиков и масоны способствовали распространению просвещения и добродетели в русском обществе, а следовательно, прогрессу общества [34].

Одновременно с расправой над Новиковым правительство Екатерины II приняло строгие меры против распространения какого-либо влияния революционной Франции на русское общество: была усилена цензура, запрещено печатание в России трудов Вольтера, Руссо и других французских просветителей, запрещен ввоз книг из-за границы, в портовых и пограничных таможнях установлена цензура для проверки литературы, поступавшей из-за рубежа. В обоих столицах проведены обыски в книжных лавках и по предписанию властей отобраны издания, «клонящиеся к развращению или относящиеся к правлению, а паче к французской революции или кон-

---

[32] М. М. Штранге. Ук. соч., стр. 116.
[33] «Русская старина», 1887, т. 53, стр. 88.
[34] См. статью Карамзина «О книжной торговле и любви к чтению в России». «Вестник Европы», 1802, № 9.

чине покойного короля французского»[35]. Приблизительно в одно и то же время, как установил М. М. Штранге, в Петербурге и в Москве сожжено несколько сот книг, среди которых оказались и такие, которые вовсе не имели отношения к революции.

В русском дворянском обществе в это время под влиянием страха перед революцией распространялись всякие нелепые слухи и усилились настроения против просвещения, особенно против его распространения среди податных сословий. Один из очевидцев, француз Массон, рассказывал, что в эти дни «эпитет якобинца» давали всякому, кто читал газеты, кто рассуждал, и даже тем, кто вообще умел читать[36]. Из записок Второва можно заключить, что большинство тогдашнего общества радовалось катастрофе, постигшей масонов: «она давала повод бранить образование и распространяться о вреде его»[37]. О таких же настроениях говорит в своих записках А. М. Тургенев.

В конце 1792 года Карамзин встал перед фактом, что идеи, которые он разделял, с одной стороны, привели к революции, причем в такой форме, которую он не принимал, а с другой — к репрессиям, арестам и гонениям на просвещение. Оказавшись на перепутье, Карамзин решил прекратить издание «Московского журнала», несмотря на его успех. «Московский журнал», как мы уже говорили, Карамзин начал издавать с целью способствовать успехам просвещения в России. Вокруг журнала сгруппировался кружок последователей и почитателей Карамзина, число его подписчиков в 1792 году увеличилось, Карамзин стал известностью, и вдруг, неожиданно, в декабре обращаясь к читателям, он заявил, что «этой книжкой «Московский журнал» заключается». Причин прекращения журнала в объявлении не было, лишь неясный намек на «личные обстоятельства». Объявление Карамзина о прекращении журнала вызывало недоумение как у современников, так и у биографов Карамзина. Оно было неожиданным. В письмах Карамзина к Дмитриеву и сохранившихся письмах А. А. Петрова к Карамзину конца 1792 года нет даже намека на то, что издание журнала прекратится. Правда, в них

---

[35] См. М. М. Штранге. Ук. сок., стр. 158.
[36] См. там же, стр. 116.
[37] «Русский вестник», 1875, № 4, стр. 512.

нет и планов на будущее. М. П. Погодин пытался объяснить прекращение издания журнала осложнениями в личной жизни Карамзина, тем более, что в «обращении к читателю» намек на это был сделан. «Личные осложнения», по мнению Погодина, связаны с арестом Новикова и преследованиями масонов [38]. Связь несомненно была, но не непосредственная. К концу 1792 года гроза над масонами пронеслась и в общем не задела Карамзина. Очевидно, основную причину закрытия журнала следует искать в том духовном кризисе, который переживал тогда Карамзин. Жизнь опрокинула все прежние мечты и идеалы, а без идеалов, без программы Карамзин не брался просвещать общество, поэтому он отказался от журнала.

Освободившись от работы над журналом, Карамзин большую часть времени живет не в Москве, а в орловском имении Плещеевых селе Знаменском. Он много работает, читает, пишет: «Я живу... в деревне, — писал он Дмитриеву, — с людьми милыми, с книгами и с природою, но часто бываю очень, очень беспокоен в моем сердце» [39]. В этом же году Карамзин пережил тяжелую личную утрату — в марте умер А. А. Петров, с которым Карамзина связывала нежнейшая дружба. «Одному мне известно, чего я в нем лишился», — писал он Дмитриеву [40]. Памяти Петрова Карамзин посвятил статью «Цветок на гроб моего Агатона».

В обращении к читателям «Московского журнала» Карамзин определил круг своих занятий на будущее: «В тишине уединения,—писал он,—я стану разбирать архивы древних литератур... буду пользоваться сокровищами древности, чтобы после приняться за такой труд, который мог бы остаться памятником души и сердца моего... Между тем у меня будут свободные часы отдохновения; может быть вздумается мне написать какую-нибудь безделку..., сии отрывки или целые пиесы намерен я издавать в маленьких тетрадках, под именем..., например Аглаи» [41].

Этим он как бы подчеркнул, что отказывается от поставленной в «Московском журнале» задачи просвеще-

[38] М. П. Погодин. Ук. соч., т. I, стр. 212—214.
[39] Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, стр. 42.
[40] Там же, стр. 34.
[41] «Московский журнал», 1792, декабрь, стр. 335—336.

ния и переходит к сугубо личным занятиям искусством и литературой в целях самообразования.

В конце 1793 года Карамзин подготовил к изданию обещанный читателям сборник «Аглаи». В него в основном вошли произведения Карамзина: «Что нужно автору?» «Нечто о науках, искусствах и просвещении», «Цветок на гроб моего Агатона», повесть «Остров Борнгольм» и отрывок из «Писем русского путешественника» под названием «Путешествие в Лондон».

К октябрю 1794 года готова была и вторая книжка «Аглаи». В нее вошли повести Карамзина «Сиерра-Морена», «Афинская жизнь» и статьи «Мелодор к Филалету» и «Филалет к Мелодору».

Свои литературные занятия Карамзин сочетал с чисто издательской работой. В 1794—95 годах он выпустил сборник своих переводов «Мармонтелевы вечера» (ч. 1) и «Мои безделки», в которые включил все написанное им для «Московского журнала». Одновременно он готовит к изданию сборник стихотворений И. И. Дмитриева «И мои безделки».

Книжки «Аглаи» составляют важную веху в жизни Карамзина. Произведения, вошедшие в них, отразили духовный кризис, который в это время переживал Карамзин.

Одной из ранних по времени написания статей, вошедших в первую книжку «Аглаи», была «Нечто о науках, искусствах и просвещении»[42]. В ней Карамзин критиковал знаменитое рассуждение Руссо. «Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов»[43]. Это рассуждение Руссо написано в 1749 году в связи с темой, предложенной Дижонской академией — насколько вообще науки и искусства или умственное развитие способствуют нравственному совершенствованию человека? Почему же спустя почти полвека Карамзин посчитал необходимым выступить с критикой этой работы Руссо?[44]. Отказавшись от издания журнала, через

---

[42] Статья не датирована, но в ней Карамзин говорит о философе Бонне как о живом. Бонне умер 20 мая 1793 года, следовательно, статья написана до 20 мая.

[43] Жан Жак Руссо. Трактаты. М., «Наука», 1969.

[44] Выступление Карамзина против Руссо в разгар ожесточенной борьбы между Горой и Жирондой Ю. М. Лотман расценивает как стремление Карамзина «отмежеваться от демократических

который он надеялся просвещать, Карамзин не мог остаться равнодушным к усилившимся в России гонениям на просвещение. Эта статья была его ответом тем «невеждам», которые «под эгидою женевского гражданина злословят просвещение»[45] и в нем видят главную причину революции. «Знаю,—писал он,—что распространение некоторых ложных идей наделало много зла в наше время, но разве просвещение тому виною?»[46].

В момент самой разнузданной травли всего просвещенного в России, когда все, что выходило за рамки общепринятых понятий и обычаев, казалось подозрительным властям, когда на все лады твердили, «что Омары, Нероны и Атиллы и все злодеи вкупе не могли произвесть столько зла, сколько произвел один Вольтер»[47], нужно было обладать большим гражданским мужеством, чтобы взять под свою защиту просвещение. Это, несомненно, свидетельствует о независимости взглядов Карамзина от настроений, царивших в обществе и о известной их либеральности.

Статья Карамзина «Нечто о науках, искусствах и просвещении» содержала не только критику взглядов Руссо, в ней излагалась программа просвещения и общественного развития, разработанная Карамзиным.

В своей диссертации Руссо, раскрывая общественное значение наук и искусств в классовом обществе, доказывал, что просвещение в условиях существования классового неравенства является орудием классового угнетения и господства. Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге», отмечая элементы диалектики в учении Руссо, писал: «Руссо видит в возникновении неравенства прогресс. Но этот прогресс был антагонистичен, он в то же время был и регрессом... С каждым новым шагом вперед, который делает цивилизация, делает шаг вперед и неравенство. Все учреждения, которые создает для себя общество, возникшее вместе с цивилизацией, превращаются в уч-

---

воззрений Руссо». «Уч. зап. Тартуского ун-та», 1957, № 51, стр. 133. Автор данной работы разделял это мнение. См. нашу статью «К вопросу о развитии социально-политических взглядов Н. М. Карамзина в 90-х годах XVIII столетия. Н. М. Карамзин и Великая Французская буржуазная революция». «Вестн. Моск. ун-та», сер. история, 1968, № 5.

[45] «Аглая», кн. I, стр. 34.

[46] Там же, стр. 89.

[47] М. М. Штранге. Ук. соч., стр. 161.

рождения, прямо противоположные своему первоначальному назначению»[48].

Главное возражение вызывает у Карамзина тезис Руссо: «науки и искусства портят нравы». В первой части диссертации Руссо доказывалось, что в условиях классового общества науки и искусства пагубно влияют на общественную и моральную жизнь людей. Руссо изобразил общественное лицемерие, испорченность нравов, презрение к строгой морали, власть моды и этикета, убивающих человеческую личность и влекущих забвение «естественной» доброй природы человека. Возражая Руссо, Карамзин писал: «жалуются на разврат, на гибельные пороки наших времен — но много ли философов? Много ли размышляющих людей?..»[49]. Человечество, доказывает Карамзин, проходит путь от нравственного несовершенства к совершенству. При этом духовная природа человека «в течении времен, подобно как злато в горниле, очищается и достигает большего совершенства»[50].

Руссо ставил в своей диссертации нравственность в зависимость от просвещения, но зависимость эта была обратная: чем выше просвещение, тем менее нравственны люди. Он доказывал, что чем ближе человек к природе и своему естественному состоянию, тем он меньше испорчен цивилизацией, тем он добрее и нравственнее. При этом он сравнивал нравственность просвещенных афинян и менее просвещенных жителей Аркадии (Спарты). Карамзин оспорил мнение Руссо о добродетельности спартанцев, отвергнув самую мысль о существовании «Счастливой Аркадии».

«Аркадия Греции не есть та прекрасная Аркадия, которою древние и новые поэты прельщают наше сердце и душу»[51], — писал он. Жители исторически существовавшей Аркадии — спартанцы, не были такими невежественными людьми, какими их представляет Руссо. У них были и науки и искусства, «они имели свою мораль, свою логику, свою риторику, хотя учились им не в академиях, а на площадях...»[52].

---

48 Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., Политиздат, 1970, стр. 139.
49 «Аглая», кн. I, стр. 49.
50 Там же, стр. 45.
51 Там же, стр. 50.
52 Там же, стр. 54.

Были ли спартанцы добродетельнее прочих греков?— ставит вопрос Карамзин и отвечает: «Не думаю. Там, где в забаву убивали бедных невольников как диких зверей; где тирански умерщвляли слабых младенцев..., там, следуя общему человеческому понятию, нельзя искать нравственного совершенства»[53]. Спартанцы, доказывал далее Карамзин, под добродетелью понимали мужество и храбрость, «которая только по своему употреблению бывает добродетелью»[54]. Но это, по его мнению, исторически оправдано. В средние века грабеж и разбой почитались обычным явлением и не рассматривались как преступление против нравственности. А в просвещенный XVIII век порок старается скрываться под личиной добродетели. Почему? Да потому, что «в нынешние времена гнушаются им (пороком) более, нежели прежде»[55]. Свидетельствует ли это о падении нравов? По мнению Карамзина, нет, так как первый шаг к добродетели «есть познание гнусности порока».

Таким образом, мораль и нравственность для Карамзина — понятия исторические, меняющиеся с течением времени, но зависящие не от общественного устройства, а от степени просвещения общества. Морали исторических эпох он противопоставлял какую-то высшую мораль, общечеловеческую, воплощенную в «нравственном законе». Это образец, к которому в своем развитии должна приближаться мораль.

Карамзин придавал морали большое значение, считал ее «альфой и омегой всех наук и искусств», видел в ней путеводную звезду человека. При свободе воли мораль выступает единственным руководителем человека в мире. Именно мораль указывает человеку, что для собственного счастья он должен быть добрым, она представляет ему пользу общежития и необходимость гражданского порядка, согласует его волю с законами и «делает его свободным в самих узах». Но мораль и нравственность, подчеркивал Карамзин, вопреки мнению Руссо, находятся в прямой зависимости от степени просвещения общества.

---

[53] «Аглая», кн. I, стр. 57.
[54] «Аглая», кн. I, стр. 58.
[55] Там же, стр. 51.

Тезису Руссо — «науки и искусства портят нравы»— Карамзин противопоставил свой — «просвещение есть палладиум благонравия»[56].

Как показала статья против Руссо, Карамзин не отказался от веры в силу просвещения, тем не менее прежние убеждения были поколеблены. Необходимо было пересмотреть старые идеалы, опровергнутые жизнью, найти другой ключ к пониманию действительности. Пересмотр социально-политической программы заполняет последние годы XVIII столетия, начиная с середины 1793 до 1797—98 годов.

Что пережил в это время Карамзин, мы узнаем из произведений, написанных им в последние годы века. Не торжество добродетели и «нежной нравственности» принес просвещенный XVIII век, а мятежи, злодеяния, распри, которые, по мнению Карамзина, втягивали в свою орбиту все больший круг людей. Таков итог революции, итог просвещенного века. Жизнь повернулась той стороной, о которой толковали Кутузов и его последователи: зло неискоренимо, его источник — сердце человеческое, которое никогда перемениться не может. На его глазах рушилось здание его философии как «воздушный замок». XVIII век, век просвещения, «тонкости чувств и разума», предстал «в крови и пламени», «среди убийств и разрушений». Настроение полного разочарования в прежних идеалах и убеждениях Карамзин выразил в стихотворном «Послании к Д.» (Дмитриеву):

Но время, опыт разрушают
воздушный замок юных лет,
. . . .
Теперь иной я вижу свет, —
И вижу ясно, что с Платоном
Нам тьмы в умах не озарить,
С Питтаком, Фалесом, Зеноном
Сердец жестоких не смягчить.
Ах! Зло под солнцем бесконечно
И люди будут — люди вечно[57].

Размышляя над судьбами людей, посвятивших свою жизнь служению на благо общества, он приходит теперь к выводу, что «часто яд тому есть плата», кто стремится наставить людей на путь добродетели. В отчаянии он решает, что затея просвещать людей бессмысленна:

[56] «Аглая», кн. I, стр. 71.
[57] «Аглая», кн. II, стр. 21—22.

Гордец не любит наставленья,
Глупец не терпит просвещенья, —
И так лампаду угасим,
Желая доброй ночи им!
Но что же нам, о друг любезный!

— писал он Дмитриеву.

Отказываясь от деятельного участия в жизни, Карамзин провозгласил теперь принцип частной жизни:

Но что же нам, о друг любезный!
Осталось делать в жизни сей,
Когда не можем быть полезны,
Не можем пременить людей?
Оплакать бедных смертных долю,
И мрачный свет предать на волю,
Судьбы и рока: пусть они
Сим миром правя искони,
И впредь творят, что им угодно! [58]

Его программой становится проповедь личного совершенства, уход в мир искусства и природы, личное счастье. Первая книжка «Аглаи» открывалась стихотворением Карамзина «Приношение грациям», под ним стояла дата 3 июня 1793 года. В «Приношении грациям» он объявил о своем новом жизненном принципе: «под мраком черных туч ужасныя грозы, носящейся над нами»,— писал он, только искусство составляет отраду в жизни и проливает «светлый луч» в «чувствительные души» [59]. В следующей за «Приношением грациям» статье «Цветок на гроб моего Агатона» он не призывал уже к борьбе со злом, а просто примирялся с его существованием: «Так, мой друг! везде есть зло; но кто в мире и любви умеет жить с собою, тот радость и любовь во всех странах найдет» [60].

В «Послании к А. А. Плещееву», сыну своих друзей, юноше, вступающему в самостоятельную жизнь, Карамзин дал наставление, как прожить в мире, где царит зло. Поскольку человек не может жить вне общества, заявил он, то он должен примириться с существованием зла, принять мир таким, какой он есть. Но чтобы «ужиться в мире с миром» и остаться самому добродетельным, нужно довольствоваться малым, не гнаться за несбы-

---

[58] «Аглая», кн. II, стр. 22.
[59] «Аглая», кн. I, стр. 3.
[60] Там же, стр. 14.

точными мечтами, чуждаться пороков и не склонять головы перед богатством и чинами. Этого достаточно, чтобы жизнь прожить и «дней своих не прекратить железом острым или ядом» [61].

Быть может, участь Н. И. Новикова толкнула Карамзина на размышления о судьбах тех людей, которые, не довольствуясь личным счастьем, посвящали свою жизнь служению человечеству.

Этому вопросу посвящена повесть «Афинская жизнь», которую он написал в 1793 году. В центре внимания автора повести стоит личность Сократа, с точки зрения Карамзина, одного из величайших смертных. В повести показана жизнь просвещенных Афин, где каждый человек наслаждался искусством, поэзией и счастьем жизни. Но в просвещенных Афинах также торжествовало зло. Жертвой его стал Сократ, человек, посвятивший жизнь «добродетели и мудрости», питавший «пламенную любовь к ближним; ревность к истреблению всех предрассудков, унижающих достоинство человека; усердие к распространению всех благих истин, имеющих влияние на судьбу земнородных...» [62].

Враги добродетели стали врагами Сократа, они настроили против него всех граждан Афин и Сократ должен был выпить чашу с ядом. «О человечество!—восклицает Карамзин после рассказа о смерти Сократа,— ...я стенаю о твоих заблуждениях!» [63]. «Правосудие людей не есть небесное правосудие!... —продолжает он размышлять. — Ослепление не может быть вечно: заблуждения исчезают от света истины...», но «благодетели твои лежат уже во прахе» [64]. Таким образом, Карамзин, вынужденный примириться с тем, что в мире царит зло, все же делает вывод, что не злое начало лежит в основе высших законов, управляющих миром. Сократ погиб, зло временно восторжествовало, но «добродетельный остается всегда победителем», говорит Карамзин словами Сократа [65]. Так автор приходит к выводу, что зло может восторжествовать в какой-то момент, ослепление может завладеть людьми, но сквозь хаос человеческих страс-

---

[61] «Аониды», кн. I, стр. 27.
[62] «Аглая», кн. II, стр. 33.
[63] Там же, стр. 34.
[64] Там же.
[65] Там же, стр. 35—36.

тей с неумолимой последовательностью пробивает себе дорогу закон развития мира к совершенству, начертанный высшей волей. Сократ стал жертвой невежества, но его ученики распространили его учение, семена добродетели, посеянные им, дали всходы.

Повесть Карамзина, рассказывающая о прошлом, вся обращена в настоящее. Автор пробуждается от грез и видит себя сидящим в своем кабинете перед кипой гамбургских газет, которые известят его «об ужасном безумстве наших просвещенных современников» [66]. Повесть содержала два важных для Карамзина вывода: первый — жизнь людей, посвятивших себя служению на благо человечества, по большей части трагична, но она не проходит даром; добро, посеянное ими, дает всходы; и второй — зло не может окончательно восторжествовать, безумие современников не может быть вечным. Таким образом, уже в «Афинской повести» наметился выход из состояния душевного смятения, которое охватило Карамзина с конца 1792 года.

Развитие революции противоречило концепции социального развития, которой придерживался Карамзин до 1793 года. Она разрушила основную идею его философии — идею развития мира и человечества по восходящей линии. Совсем недавно Карамзин находил доказательства тому, что «род человеческий возвышается». Революция же, как ему казалось, привела страну, стоявшую на высокой ступени развития, к краю пропасти. Так была подорвана вера в прогрессивное развитие мира. В 1794 году Карамзин написал своеобразный трактат в виде двух писем приятелей «Мелодор к Филалету» и «Филалет к Мелодору», в котором рассматривались проблема развития мира и человечества, вопрос о добре и зле.

Значение этого произведения для понимания социально-политических взглядов Карамзина велико. В этих письмах сделана попытка найти философское объяснение происходящему в мире, и прежде всего революции. В них он пересмотрел свою прежнюю «утешительную философию», подверг ее проверке действительностью.

Мелодор — это Карамзин, мятущийся, человек, который вынужден признать несостоятельность своей фи-

---

[66] «Аглая», кн. II, стр. 60.

лософии, своего понимания мира. Мелодор оказался перед фактом, что мир, достигший высокой степени нравственного совершенства, охвачен революцией, которая погубила тысячи людей, превратила цветущие страны в пустыню, и, самое главное, привела к падению нравственности. «...Внимательный наблюдатель, — писал Мелодор в своем письме, — видит теперь повсюду отверстые гробы для ... нравственности. Сердца ожесточаются ужасными происшествиями, и привыкая к феноменам злодеяний, теряют чувствительность» [67].

Это наблюдение приводит Мелодора к выводу, что нравственная жизнь людей — «вечное движение в одном кругу; вечное повторение; ...вечное смешание истин с заблуждениями, и добродетелей с пороками...» [68]. «...Неуже ли, — пишет он дальше, — род человеческий доходил в наше время до крайней степени возможного просвещения, и должен, действием какого-нибудь чудного и тайного закона, ниспадать с сей высоты, чтобы снова погрузиться в варварство и снова, мало по малу, выходить из него, подобно Сизифову камню?» [69]. Этот вывод, как ему кажется, подтверждали открытые в конце XVIII века древние цивилизации Египта и Двуречья. «Нам едва известны имена древних азиатских народов и царств, но по некоторым историческим отрывкам, до нас дошедшим, можно думать, что сии народы были не варвары... Может быть... несколько раз сиял день в умах людей, и несколько раз ночь темнила души, прежде нежели воссиял Египет...» [70].

Но если действует закон циклического развития человечества, то революция — это начало падения. «Кровопролитие не может быть вечно; я уверен ... Тишина рано или поздно настанет — но какова будет тишина сия? Если мертвая, хладная, мрачная?» [71].

Письмо Мелодора — это первая попытка осмыслить революцию. Филалет-Карамзин уже много передумал, он «успокоил свое воображение». В своем письме он рассматривает положения, выдвинутые Мелодором, и

---

[67] «Аглая», кн. II, стр. 71.
[68] Там же, стр. 75.
[69] Там же, стр. 71.
[70] Там же, стр. 72.
[71] Там же, стр. 69—70.

дает им оценку. Прежде всего он отверг мысль о цикличности развития человечества. «Сизиф с камнем не может быть образом человечества» [72]. Карамзин-Филалет остается верен идее развития человечества по восходящей линии: «...веки служат разуму лестницею, по которой возвышается он к своему совершенству, иногда быстро, иногда медленно» [73]. Развитие отдельных народов — это ступени одной лестницы, по которой человечество в целом поднимается к своему совершенству. Древние цивилизации, по его мнению, свидетельствуют именно о постепенном возвышении человечества. «...В древней Азии были многочисленные народы; но где следы их просвещения? История застала людей во младенчестве, в начальной простоте, которая не совместна с великими успехами наук. Даже и в Египте видим мы только первые действия ума... Самые греки... — милые дети!» [74]. Варварство средних веков, писал Филалет, наступило в результате нашествия диких народов на Европу, они погасили «светильники разума в Европе, наконец сами просветились...» [75]. Следовательно, средние века также были необходимым этапом в развитии просвещения, периодом распространения просвещения на новые народы, на более широкий круг людей и в целом послужили «дальнейшему распространению света наук».

«...Мы не найдем в истории никаких повторений, — делает вывод Карамзин-Филалет. — Всякий век имеет свой особливый нравственный характер, — погружается в недра вечности, и никогда уже не является на земле в другой раз» [76].

Итак, Карамзин остался верен идее прогрессивного развития мира. Этот процесс он рассматривал как вечную борьбу добра и зла. Мир — это «великое позорище, где добро со злом, где истина с заблуждением ведет кровавую брань... Все неправедное, все ложное гибнет... одна истина не страшится времени; одна истина пребывает во-веки» [77]. Но истина — это и есть бог или вечная премудрость, или творческий разум, по законам кото-

---

72 «Аглая», кн. II, стр. 92.
73 Там же.
74 Там же, стр. 91.
75 Там же, стр. 92.
76 Там же, стр. 93.
77 Там же.

рого идет развитие мира. Мир стремится достигнуть идеала, который воплощен в истине.

Следующий вопрос, который поднимается в этих письмах, — вопрос о добре и зле. Он волновал Карамзина и до революции. Существование зла он объяснял тогда несовершенством нравственной природы человека. Но революция расширила рамки этого вопроса, так как уже казалось невозможным объяснить всю меру зла этого времени только несовершенством человеческой природы, тем более, что конец XVIII века, по мнению Карамзина, свидетельствовал о более высоком уровне просвещения и нравственности. Карамзин мучительно искал ответа на этот вопрос. Филалет в письме пишет Мелодору, что когда им овладевает беспокойство, то он читает «добрых философов-утешителей». «Размышляю— и сравниваю жестокие потрясения в нравственном мире с лиссабонским и мессинским землетрясением» [78].

Эти строки, очевидно, можно объяснить так: Карамзин, оказавшись на перепутье, ищет ответ на волновавшие его вопросы в философии. Упоминание о лиссабонском и мессинском землетрясениях позволяет предположить, что Карамзин размышлял над Вольтером. Вольтер в «Поэме о гибели Лиссабона» ставил под сомнение ранее привлекавшую его доктрину Шефтсбери—Попа—Лейбница о том, что каждое частное страдание оправдывается «общим благом», что жизнь в целом есть радость и счастье. В качестве аргументов против нее Вольтер к злу и жесткостям, чинимым одними людьми другим, присоединяет теперь стихийные бедствия, жестокости природы. Отсюда рождается у него сомнение в благости бога, создавшего мир и установившего законы природы [79].

Карамзин иначе воспринял «Поэму о гибели Лиссабона». Из нее он сделал вывод, что природе свойственно не только медленное эволюционное развитие, но взрывы и потрясения, которые следует объяснять высшей целесообразностью, царящей в мире. Карамзин полностью разделяет доктрину Шефтсбери — Попа о высшем благе, царящем в мире. Сравнение всего написанного в эти годы Карамзиным с концепцией Шефтсбери и Попа

---

[78] «Аглая», кн. II, стр. 86.
[79] «Вольтер. Статьи и материалы», стр. 126.

показывает идейную близость философских взглядов Карамзина с философией английских деистов. Философия компромисса, возникшая в период английской буржуазной революции, сочетавшая в себе элементы передового мировоззрения английской буржуазной мысли с мировоззрением английского дворянства, оказалась ближе и приемлемее для Карамзина в условиях крушения феодализма во Франции, чем философия Вольтера. Карамзин не поставил под сомнение благость бога и в своих выводах о высшей целесообразности, царящей в мире, он смыкается с мыслями, высказанными Шефтсбери в письме к Бейлю, которое он напечатал в «Московском журнале».

Очевидно, Карамзин под философами-утешителями подразумевал не только Вольтера. Очень примечательно, что уже упомянутую переписку Бейля и Шефтсбери Карамзин снова поместил в «Пантеоне иностранной словесности». Возможно, что именно эта переписка двух философов определила форму рассматриваемой работы Карамзина: письмо Бейля все подвергало сомнению, Шефтсбери утверждал свою доктрину; в письме Мелодора оспаривалась истинность прежней философии, письмо Филалета содержало новое обоснование для «утешительной философии» в виде теории «о предустановленной гармонии» и благе, царящем в мире. Карамзин-Филалет, как и Шефтсбери, объясняет зло, царящее в мире, высшей целесообразностью. «Может быть,—писал он,— то, что кажется смертному великим неустройством, есть чудесное согласие для ангелов; может быть то, что кажется нам разрушением, есть для их небесных очей новое, совершеннейшее бытие»[80]. Но человеку не дано проникнуть в тайны божественного плана, это стоит пока вне области человеческого познания. «...Порядок моральный не столь явственен для нас, как порядок физический; но сие затруднение не происходит ли от слабости нашего разума? Может ... от того мы и не постигаем нравственной гармонии, что она есть высочайшая, совершеннейшая гармония»[81].

Таким образом, вопрос о судьбах мира выносился за пределы человеческого знания. Отсутствие знания под-

---

[80] «Аглая», кн. II, стр. 83.
[81] Там же, стр. 82—83.

менялось верой в благость провидения: «не будем требовать от вечной премудрости отчета в темных путях ее... Бог конечно обратит все к цели общего блага» [82],— заключает Филалет свои рассуждения.

Вооружившись такой теорией, Карамзин находит теперь объяснение для всех нарушений нравственного порядка: существование зла вообще обусловлено высшей целесообразностью, царящей в мире и недоступной для понимания человека. Законы высшей целесообразности, согласно такой концепции, допускают в развитии физического и нравственного миров не только медленное эволюционное развитие, но и взрывы. Но эти взрывы не прерывают развитие мира по восходящей линии, а только несколько затрудняют его. Отсюда родилась уверенность, что революция не есть начало конца и что сама она имеет конец. Так Карамзин теоретически осмыслил революционный взрыв, потрясший основание феодальной Европы.

Существование зла вообще объяснялось высшей целесообразностью, оно проявлялось, как он думал, в революционных взрывах, а постоянно выражалось в несовершенстве нравственной природы человека. Таким образом, поступательное развитие человечества зависело, прежде всего, от степени нравственного совершенства людей. Поскольку общество рассматривалось как сумма индивидов, то прогресс общества зависел от степени нравственного совершенства каждого отдельного человека.

Еще до поездки за границу и во время написания «Писем русского путешественника» Карамзин отстаивал в споре с масонами добрую природу человека. В письме «Филалета к Мелодору» Карамзин снова заявил, что в основе природы человека лежит добро: «семя добра есть в человеческом сердце, и не исчезнет вовеки» [83].

Согласно господствовавшему в XVIII веке учению о нравственной природе человека, которое разделял и Карамзин, в основе нравственного начала человека лежат страсти и разум. Страсти, каждая в отдельности, стремятся к безграничному развитию. Предел им ставит

---

[82] «Аглая», кн. II, стр. 84—85.
[83] Там же, стр. 87.

разум: он управляет страстями, как миром управляют законы, данные ему творцом:

Уму лишь править должно
Кормилом жизни сей:
Нас по морю несет
Шумящий ветр страстей,

писал Карамзин в «Послании к женщинам»[84].

Общие законы, управляющие миром, распространялись и на человека. По этим законам мир развивался от несовершенства к совершенству, они же определяли развитие нравственности от несовершенной к совершенной. Но развитие это шло не прямолинейно, а в борьбе добра со злом, и иногда зло одерживало победу над добром. Это в свою очередь объяснялось свободой воли, данной человеку. «Все животные, кроме человека,—писал Карамзин,—подвержены уставу необходимости: для них нет выбора, нет ни добра, ни зла; но мы не имеем сего, так сказать, деспотического чувства, сего инстинкта, управляющего ими; вместо его дан человеку разум, который должен искать истины и добра»[85]. Следовательно, человек не подчинен слепой необходимости, он сам должен определить, где добро и зло. Правильность выбора определялась уровнем развития и просвещения разума. Человечество, убеждал Карамзин-Филалет, так или иначе придет к совершенству, так как это определено высшими законами, но как скоро это произойдет, зависит от уровня развития разума, от его способности руководить страстями. Разум молчит, когда он неразвит и, следовательно, не управляет страстями. Поэтому в интересах человеческого общества разбудить, образовать и воспитать разум всех членов общества, сделать его способным управлять страстями. Воспитать, просветить разум, по мнению Карамзина, значит раскрыть перед ним добро и зло, а когда человек узнает, что есть добро, а что — зло, он в силу доброго начала, лежащего в его природе, охотнее выберет путь добра. Итак, зло будет существовать, пока человечество не просвещено. Из этого следовал вывод, что двигателем прогресса в конечном итоге является просвещение.

---

[84] «Аониды», кн. I, стр. 232.
[85] «Аглая», кн. I, стр. 68.

Раскрывая свое понимание просвещения, Карамзин писал в письме «Филалета к Мелодору»: «Просвещение всегда благотворно; просвещение ведет к добродетели, доказывая нам тесный союз частного блага с общим, и открывая неиссякаемый источник блаженства в собственной груди нашей; просвещение есть лекарство для испорченного сердца и разума: ...в одном просвещении найдем мы спасительный антидот для всех бедствий человечества»[86]. Просвещение рассматривалось не только как средство нравственного совершенства, главное, оно понималось как средство против революций. По мнению Карамзина, тот, кто наслаждается науками и искусствами, «делается лучшим человеком и спокойнейшим гражданином — спокойнейшим, говорю; ибо находя везде и во всем тысячу удовольствий и приятностей, не имеет он причины роптать на судьбу и жаловаться на свою участь»[87]. Это положение обнажает классовый смысл философии Карамзина.

В период крушения феодализма, в условиях развивавшейся буржуазной революции и нараставшего крестьянского движения в России, Карамзин чувствовал, что феодальным порядкам угрожает опасность, что революция положила начало новой эре. «Французская революция есть одно из тех движений, которые определяют судьбы людей на долгие века. Началась новая эпоха...», — писал Карамзин в 1797 году. Эти слова свидетельствуют о том, что Карамзин понимал важность и значение Французской революции и видел, что она угрожает тем порядкам, при которых так уютно жилось русскому дворянству. В этих условиях на первый план выдвигалась задача — оттянуть наступление новой эпохи, сохранить существующий в России порядок, найти пути и способы сохранения этого строя. Этим средством представлялось Карамзину просвещение: наука, литература, искусство по силе воздействия не имели себе равных. Так, идея просвещения, взятая на вооружение передовыми мыслителями того времени для борьбы с феодальным строем, в концепции Карамзина была приспособлена для борьбы с революцией во имя постепенного развития путем нравственного совершенствования челове-

---

[86] «Аглая», кн. II, стр. 90.
[87] «Аглая», кн. I, стр. 72.

ка. Просвещение из средства революционного преобразования мира превращалось у него в средство против революций, в узду для народных масс.

Истоки концепции просвещения Карамзина следует также искать в философии английских моралистов и, прежде всего, в учении Шефтсбери. Именно Шефтсбери полагал, что недовольство людей существующим порядком вещей объясняется простою неправильностью перспективы, в которой они видят жизнь. Стоит только стать на достаточном отдалении, говорил он, чтобы убедиться в совершенстве мироздания, в котором преобладает добро. «Во всем имеется доля неудобств,— писал он, — наслаждение и страдание, красота и уродство, добро и зло... повсюду переплетаются друг с другом и образуют, мне думается, смесь, достаточно приемлемую в целом...» [88].

Строя свою теорию просвещения, Карамзин опирался на это учение Шефтсбери. Подобно последнему он считал, что нужно помочь человеку найти ту точку, с которой он сможет увидеть всю благость творения. Но для этого человека нужно подготовить, воспитать его разум для восприятия истин, сделать его философом. «Истинный философ, — писал он, — или (что все одно) истинно благоразумный человек смотрит на мир с того места, на которое он поставлен судьбою; ...знает, что всякое состояние в гражданском обществе имеет свои приятности и неприятности, и для того покойно остается в своем, не завидуя никому» [89]. Чтобы сделать человека добродетельным и здравомыслящим гражданином, по мысли Карамзина, достаточно «впечатлеть в душу некоторые правила», истины. А «глубоко прочувствованная истина, — как заметил он в своей записной книжке, — всегда действует на характер нашей моральной жизни» [90].

Одной из таких истин была следующая: счастье зависит только от добродетели. Никакие социальные перемены не могут обеспечить общественного блага, если человек недобродетелен. Так как человек живет в об-

---

[88] Цит. по кн.: «История английской литературы», т. I, вып. II. М.—Л., 1945, стр. 296.
[89] Н. М. Карамзин. Соч., т. III, стр. 498.
[90] Н. М. Карамзин. Неизданные сочинения, стр. 199.

ществе себе подобных, и только в обществе он может быть человеком, то из этого вытекало убеждение: «общежитие»[91] — это величайшее достижение человеческого разума[92]. Оно олицетворяет гармонию и порядок.

Стремление просвещенного человека к доброму и прекрасному, по мнению Карамзина, должно неизбежно вызвать стремление к порядку и гармонии, и «следственно ненависть к беспорядку, разногласию и порокам, которые расстраивают прекрасную связь общежития»[93]. Следовательно, чувство прекрасного и доброго должно вызвать любовь и уважение к общественному порядку и ненависть к революции, так как именно революция олицетворяла беспорядок, разногласия и порок.

Недостаточное развитие просвещения привело, как думал Карамзин, к революции. «Соглашаюсь с тобою,— писал Филалет к Мелодору,—что мы некогда излишне величали осьмой-надесять век, и слишком много ожидали от него. Происшествия доказали, каким ужасным заблуждениям подвержен еще разум наших современников»[94].

В свое время афиняне, не разобравшись в добре и зле, выступили против Сократа, в XVIII веке французы позволили увлечь себя «ложными идеями» и пришли к революции. В основе таких заблуждений лежит недостаточное знание нравственного порядка, царящего в мире. С распространением просвещения, с усовершенствованием нравственной природы человека человечеству станет доступным нравственный порядок, придет истинное знание. «...Я надеюсь, — писал Карамзин, — что впереди ожидают нас лучшие времена; что природа человеческая более усовершенствуется — например, в девятом-надесять веке — нравственность более исправится, — разум, оставя все химерические предприятия, об-

---

[91] Имеется в виду гражданское общество.

[92] В поэме Попа «О человеке» так говорится об этих истинах:

Познайте истину сию, о человеки!
И будьте ею все довольны вы вовеки.
Что счастье ни в чем не состоит в другом,
как в общежитии и житии честном.

(А. Поп. Опыт о человеке, господина Попия. Переведен с французского Николаем Поповским. Изд. 2-е. Печатано при Императ. Московском университете, 1763, стр. 74).

[93] Н. М. Карамзин. Соч., т. III, стр. 398.

[94] Там же, стр. 452.

ратится на устроение мирного блага жизни, и зло настоящее послужит к добру будущему»[95].

Но Карамзин сделал и другой вывод. Поскольку историческое развитие осуществляется в процессе борьбы добра и зла, то революция, как наивысшее проявление зла, вполне закономерна, хотя и нежелательна. Но революция не может остановить развитие человечества, так как оно определяется высшими законами, которые ведут мир к благу, она может отбросить общество назад, задержать его развитие. Примером служила Франция, которая накануне революции была просвещенным государством, в котором царил порядок, хотя и не идеальный, как отметил Карамзин, в «Письмах русского путешественника». Но при этом порядке Франция прошла большой исторический путь как могущественное государство.

«Французская монархия, — писал он в полном издании «Писем русского путешественника», — производила великих государей, великих министров, великих людей в разных родах; под ее мирной сенью возрастали науки и художества; жизнь общественная украшалась цветами приятностей, бедный находил себе хлеб, богатый наслаждался своим избытком»[96].

Этот порядок сменился беспорядком революции. Казни, междоусобная война за власть, жестокости, казалось совсем неоправданные, и, как думал Карамзин, человечество на примере Франции убедилось, что *«безначалие хуже всякой власти»*[97].

По-новому Карамзин подошел теперь к оценке государственного строя Англии. В период путешествия по Европе он, вслед за Монтескье и Вольтером, считал Англию совершеннейшим государством в Европе. Совершенство английского государственного строя он объяснял мудрыми законами. Это нашло отражение на страницах «Писем русского путешественника».

Во время подготовки «Писем» к полному изданию (1797) Карамзин перекроил весь прежний текст об Англии и Франции. Оставив прежнюю повествовательную канву, он изменил свои выводы и формулировки. Таким

---

[95] «Аглая», кн. II, стр. 88.
[96] Н. М. Карамзин. Соч., т. II, стр. 462—463.
[97] Там же, стр. 463.

образом на ранний текст лег поздний. Эти два слоя можно проследить по тексту «Писем». Так, например, на стр. 738 (изд. Смирдина 1848 г.) Карамзин рассказывает о музеях Британии и обращает внимание читателя на «Магну Харту», или «славный договор англичан с их королем Иоанном, заключенный в 13 веке и служащий основанием их конституции. Спросите англичанина, — писал Карамзин, — в чем состоят ее (т. е. хартии) главные выгоды? Он скажет: *я живу, где хочу; уверен в том, что имею; не боюсь ничего, кроме законов* (курсив Карамзина. — *Л. К.*). Разгоните же Магну Харту: в ней король утвердил клятвенно сии права для англичан — и в какое время? Когда все другие европейские народы были еще погружены в мрачное варварство». Итак, Карамзин кажется согласен с тем, что именно законы являются основанием благополучия англичан. Так он и думал в начале 90-х годов. Но на стр. 778—779 находим: англичане «горды — и всего более гордятся своею конституцией... Законы хороши; — соглашается он, — *но их надобно еще хорошо исполнять, чтобы люди были счастливы...»* (курсив мой. — *Л. К.*). «Англичане просвещены, знают наизусть свои истинные выгоды, и если бы какой-нибудь Питт вздумал явно действовать против общей пользы, то он непременно бы лишился большинства голосов в парламенте... *И так не конституция, а просвещение англичан есть истинный их палладиум».*

Приведенная выдержка из «Писем» наглядно иллюстрирует редакционную работу, которую проделал Карамзин над текстом. Когда он приступил к подготовке полного издания «Писем русского путешественника», то оказалось, что написанное в начале 90-х годов не укладывалось в новую социальную концепцию. Когда же Карамзин попытался, опираясь на новую теорию, объяснить совершенство английского государственного устройства просвещением, то впал в противоречие: просвещенные англичане, отстаивая «общую пользу», опираются все же на конституцию и свои гражданские права.

Просвещение, по программе Карамзина, должно было охватить все слои общества, так как перед ним стояла задача: без каких-либо социальных и политических реформ построить «царство всеобщего блага». Особое внимание обращалось на крестьян. Объяснение этому сле-

дует искать в росте крестьянских волнений в конце XVIII века, когда выступления крестьян вызывали у царского правительства и русского дворянства чувство страха и беспокойства за свою безопасность. В этих условиях необходима была надежная узда для крестьянства. Карамзин видел эту узду в просвещении. Следовательно, просвещение крестьян определялось не заботой о них, а прежде всего соображениями о сохранении и упрочении существующего строя. Обращаясь в конце статьи «Нечто о науках...» к правителям, Карамзин писал: «...Когда вы, вы, которым вышняя власть поручила судьбу человеков, желаете распространить на земле область добродетели, то любите науки, и не думайте..., чтобы какое-нибудь состояние в гражданском обществе долженствовало пресмыкаться в грубом невежестве! Нет!... сей... кристалл утоляет жажду и властелина и наемника...»[98].

Просвещенный крестьянин, по мысли Карамзина, — это прежде всего «здравомыслящий», спокойнейший гражданин, предпочитающий известное настоящее неизвестному будущему, т. е. человек, который не стремится к новому.

Следует отметить, что просвещение крестьян Карамзин мыслил довольно широко. Возражая противникам их просвещения, он писал, что, конечно, крестьянин должен прежде всего заниматься своим делом — обрабатывать свои поля, — но он всегда может найти свободное время для того, чтобы «узнать премудрость, благость и красоту натуры, ...узнать, любить ее и быть счастливее»[99]. Он считал допустимым, чтобы и русские крестьяне, подобно швейцарским, английским и немецким поселянам, собирали библиотеки, читали Гомера, занимались философией. Эти занятия, писал он, не мешают им заниматься своим делом. Просвещенные крестьяне, по его наблюдению, более трудолюбивы, живут чисто и «прославляют долю свою».

Доказательства правомерности просвещения крестьян Карамзин строил на теории естественного равенства всех людей. Это составляло положительную сторону его теории. Но если у идеологов Просвещения из естествен-

---

[98] «Аглая», кн. I, стр. 71.
[99] Там же, стр. 73.

ного равенства вытекала необходимость обеспечения всем людям политических прав: права свободы, равенства перед законом, право собственности и т. д., то у Карамзина природное равенство сводилось к равному пользованию природой, к одинаковым способностям наслаждения искусством, наукой, т. е. к моральному равенству. «Все люди имеют душу, имеют сердце, — писал он,— следственно все могут наслаждаться плодами искусства и науки»[100].

Равенство в чувствах не влекло за собой равенства в правах. В концепции Карамзина сословный строй и крепостное право сохранились.

Но программа широкого просвещения, предлагаемая Карамзиным, объективно была прогрессивной. Распространение просвещения в широких народных массах, вопреки субъективному стремлению Карамзина, способствовало бы не укреплению и сохранению существующего порядка вещей.

На основе произведений Карамзина, написанных в 1794 году (и прежде всего писем «Мелодора к Филалету» и «Филалета к Мелодору»), можно говорить о том, что к 1794 году Карамзин преодолел духовный кризис, вызванный событиями во Франции и в России.

Выход из кризиса ознаменовался усилением консервативных начал в мировоззрении Карамзина. Консерватизм его новой социальной программы заключался в усилении религиозных идей в его мировоззрении, в категорическом отрицании и осуждении революционных переворотов и необходимости социального переустройства мира. Карамзин остался верен идее нравственного и культурного прогресса человечества. Но в своей социальной программе он стремился идеи Просвещения поставить на службу целям сохранения и упрочения феодально-крепостнических отношений в России.

К концу 1794 года Карамзин воспрянул духом и приступил к практическому проведению своих идей в жизнь — воздействовать на общество через литературу.

Осенью этого года он вернулся из Знаменского в Москву и всю зиму 1794/95 года провел в городе. «Я веду теперь самую рассеянную жизнь... — писал он

---

100 «Аглая», кн. I, стр. 71.

Дмитриеву 8 ноября 1794 года, — а когда я дома, то пишу письма или работаю для Ридигера»[101].

С января 1795 года по предложению содержателя университетской типографии Христиана Ридигера Карамзин начал вести в «Московских ведомостях» отдел «Смесь». Осенью 1795 года у него созрел план издать русский поэтический альманах, в котором должны быть представлены стихотворения известных и начинающих поэтов. О своем плане он сообщил И. И. Дмитриеву: «Начнем — а другие со временем возьмут на себя продолжение, — писал он. — Откроем сцену для русских стихотворцев, где бы могли они без стыда показываться публике. Отгоним прочь всех уродов, но призовем тех, которые имеют какой-нибудь талант!.. Таким образом всякий год могли бы мы выдавать маленькую книжку стихов...»[102].

Весь конец 1795 и начало 1796 года Карамзин занят подготовкой и составлением «Альманаха». Его затея нашла отклик и в Москве и в Петербурге. «Все здешние стихотворцы... радуются мыслью о русском Almanach des Muses, — сообщал он Дмитриеву 20 декабря 1795 года, — все обещают плакать и смеяться в стихах, чтобы занять место в нашей книжке. Содержатели типографии также рады»[103]. Он торопит Дмитриева присылать стихи, сообщает, что получил стихотворения от Державина и Капниста, надеется выпустить альманах к весне. Наконец, альманах, который назван «Аониды, или собрание разных новых стихотворений», у цензора, а в августе выходит первая книжка. В предисловии к «Аонидам» Карамзин писал: «Надеюсь, что публике приятно будет найти здесь вместе почти всех наших известных стихотворцев; под их щитом являются на сцене и некоторые молодые авторы, которых зреющий талант достоин ее внимания... Я с удовольствием беру на себя должность издателя, желая со своей стороны всячески способствовать успехам нашей литературы...»[104]. В первую книжку «Аонид» вошли стихотворения М. М. Хераскова, В. В. Капниста, Ю. А. Нелединского-Мелецкого, В. Л. Пушкина, Г. Р. Державина и молодых поэтов ка-

[101] Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, стр. 51.
[102] Там же, стр. 61.
[103] Там же, стр. 62—63.
[104] «Аониды», кн. I, стр. IV.

рамзинского направления. Из стихотворений Карамзина в ней опубликованы «Послание к женщинам», «К самому себе» и «Послание к А. А. Плещееву».

Не успела выйти первая книжка, как Карамзин начинает готовить вторую; она выходит в августе 1797 года. В предисловии к ней Карамзин, ознакомившись с присланными ему стихотворениями, нашел нужным высказать критические замечания в адрес молодых поэтов. Отмечая важность и пользу литературы, ее влияние на умственное и моральное состояние каждого народа, он указал, как на обязательное для молодых поэтов, совершенствовать свое мастерство, оттачивать талант. «Аониды», — писал он, — должны показать состояние нашей поэзии, красоты и недостатки ее... Не употребляя во зло доверенности моих любезных сотрудников, не употребляя во зло прав издателя, я осмелюсь только заметить два главных порока наших юных муз: излишнюю высокопарность, гром слов не у места и часто притворную слезливость» [105].

Из стихотворений Карамзина в этот сборник вошли «К бедному поэту», «Опытная Соломонова мудрость или мысли, выбранные из Экклезиаста», «Дарования». «Опытная Соломонова мудрость» и «К бедному поэту» написаны им в 1796 году. В них поэт говорил об относительности счастья на земле, о зависимости его от душевного спокойствия и нравственного совершенства человека. Эти стихотворения по своей теме и идеям созвучны написанному в следующем году «Разговору о счастье». В стихотворении «Дарования» (1795) излагалась концепция просвещения Карамзина. Основную мысль его автор подчеркнул в примечании: «Чувство изящного в природе разбудило дикого человека и произвело искусства, которые имели непосредственное влияние на общежитие, на все мудрые законы его, на просвещение и нравственность» [106].

Таким образом, эти сборники Карамзин использовал для пропаганды своих идей.

Третья книжка «Аонид» вышла в 1798 году. В нее вошли также важные для понимания взглядов Карамзина стихотворения «Протей» и «Тацит». В 1795—1796 го-

---

[105] «Аониды», кн. II, стр. IV—V.
[106] Там же, стр. 341—342.

дах Карамзин готовит к печати первое полное издание «Писем русского путешественника». Хотя в предисловии к нему Карамзин написал, что «многое хотел переменить в сих письмах и не переменил почти ничего», на самом деле, как уже говорилось, текст подвергся серьезной переработке. Именно в это время Карамзин посвятил их своим друзьям Плещеевым[107]. Письма были готовы к изданию еще к концу 1796 года, вышли они в 1797 году, но две последние части были задержаны в цензуре и увидели свет только в 1801 году[108].

По мере того как Карамзин выходил из духовного кризиса и обретал веру в нравственный прогресс человечества, он вновь пришел к выводу о необходимости личного участия в «ускорении хода всемирного свершения». Это участие он видел в служении просвещению и искусству. Поэтому во второй половине 90-х годов он выступает с целой программой идеологического воздействия на массы через литературу и искусство, которым в создании «спокойнейшего и здравомыслящего» гражданина отводилась особая роль. По мнению Карамзина, они по силе воздействия на чувства не имели себе равных. Еще в «Московском журнале» он указывал на то, что моральные истины, облеченные в художественную форму, больше влияют на людей, чем ученые трактаты. Особая роль искусства объяснялась опять той же доктриной взаимной связи доброго и прекрасного, которая лежала в основе философии Карамзина.

Вопрос о силе воздействия искусства и литературы на душу человека поднимался Карамзиным не раз. В «Московском журнале» ему посвящены передовая статья «Аполлон», стихотворение Карамзина «Поэзия». Но законченный вид эта тема получила во второй половине 90-х годов. В стихотворении «Дарования» (1796) Карамзин рассматривает вопрос о силе воздействия искусства на нравственное совершенство человека, влиянии его на общественное устройство. Искусство, указывал он, имеет два предмета для изображения: человек и окружающий его мир. Внутренний мир человека, его нравственная основа представляют особый интерес для художника, а изображенные художником или воспе-

[107] Подробно об этом см. В. В. Сиповский. Ук. соч.
[108] С. И. Пономарев. Материалы для библиографии литературы о Н. М. Карамзине. СПб., 1883, стр. 14.

тые поэтом они дают пищу для размышления и образец для подражания. Через художественный образ художник действует на чувства человека, воспитывает его разум, сообщает те идеи и понятия, которые он хочет провести в жизнь. Искусство и, прежде всего, литература помогают человеку лучше понять окружающий мир, они раскрывают перед ним красоту и величие природы[109], красоту человеческих чувств, воспитывают чувствительность, доброту.

В «Дарованиях» Карамзин необычайно ярко раскрыл идейную силу искусства, в частности поэзии. Художник, увлеченный идеей, благодаря своему дарованию может внушить читателям любые чувства: ненависть, мужество, нежность и т. д. «Любимцы Феба», писал он,

...без власти, без короны
Дают умом своим законы;
Их кисть, резец, струна и глас
Играют нежными душами,
Улыбкой, вздохами, слезами,
И чувство возвышают в нас;
Любовь к изящному вливая,
Изящность сообщают нам;
Добро искусством украшая,
Велят его любить сердцам[110].

Признавая за художником право уходить в мечты воображения, Карамзин совсем не допускал свободы проповедовать все, что хотел художник. Искусство он рассматривал как средство идеологического воздействия на массы, как один из рычагов власти. В статье «Нечто о науках...» он прямо указал на подчиненность искусства властям, следовательно интересам господствующего класса. «Законы лакодемонские, — писал он, — не запрещали наслаждаться изящными искусствами, но не терпели их злоупотребления. Для сего-то эфоры не позволили гражданам своим читать соблазнительных творений сатирика Архилоха; для сего-то велели они молчать лире одного музыканта, который нежною, томною игрою вливал яд сладострастия в души воинов; для сего-то выгнали они из Спарты того ритора, который хотел

---

[109] «Ломберта, Томсона читая, С рисунком подлинник сличая, я мир сей лучшим нахожу...» (Н. М. Карамзин. Соч., т. I, стр. 145).

[110] Н. М. Карамзин. Соч., т. I, стр. 143.

говорить о всех предметах с равным искусством и жаром»[111].

Следовательно, не всякое искусство отвечало интересам данного общества. В условиях самодержавно-крепостнической России Карамзин ставил перед искусством главную задачу: воспитание спокойнейшего и здравомыслящего человека. Поэтому те произведения искусства, которые не отвечали этому требованию, рассматривались как вредные для данного общества.

Большое значение Карамзин придавал распространению книги в русском обществе. В статье «О книжной торговле и любви к чтению в России», написанной для «Вестника Европы», он указывал на то, что даже посредственные романы приносят пользу и способствуют нравственному воспитанию и развитию читателя, которому серьезные книги не по плечу.

«И романы, самые посредственные, — даже без всякого таланта писанные, способствуют некоторым образом просвещению. Кто пленяется *Никанором, злощастным дворянином*, тот на лестнице умственного образования стоит еще ниже его автора, и хорошо делает, что читает сей роман: ибо без всякого сомнения чему-нибудь научается в мыслях или в их выражении. Как скоро между автором и читателем велико расстояние, то первый не может сильно действовать на последнего, как бы он умен ни был»[112]. Подобные романы, указывал Карамзин, развивают чувства, воображение, они дают некоторые познания из истории, географии и других наук. Они развивают речь, так как тот, «кто их читает, будет говорить лучше и связнее совершенного невежды»[113].

Завершает оформление социальной концепции Карамзина «Разговор о счастье», написанный в 1797 году.

Концепция Карамзина подчинена основной задаче— сохранению и упрочению самодержавно-крепостнического строя. Наступление «царства всеобщего блага», согласно его концепции, должно произойти в рамках существующих общественных отношений, поэтому Карамзин чувствовал настоятельную потребность разрешить вопрос о возможности счастья в современных ему условиях.

---

[111] «Аглая», кн. I, стр. 56.
[112] Н. М. Карамзин. Соч., т. III, стр. 548—549.
[113] Там же, стр. 549.

Учение о благости творца обещало, что человечество полного блажества достигнет только после длительного развития. Но поскольку в мире разлито благо, так как благ сам творец, то благо проявляется во все времена и эпохи. Оно выражается в общем стремлении человечества к счастью. Стремление к счастью, к благополучию в жизни является пружиной, определяющей и направляющей поступки и действия людей.

В «Разговоре о счастье» читатель опять встречается с двумя друзьями—Филалетом и Мелодором. Здесь решается два вопроса: возможно ли счастье вообще и в чем оно состоит?

Первый вопрос решался положительно, поскольку определялся всей суммой философских представлений Карамзина: в основе мира лежит добрая воля творца, законы, управляющие миром, основаны «на общем добре и противны злу»[114]. Следовательно, в мире есть все для счастья человека. Сам человек так создан природой, что в нем от рождения заложено все, чтобы быть счастливым. Природа «дала нам чувства для того, чтобы услаждать их; дала нам разсудок для того, чтобы выбирать лучшие наслаждения; дала страсти для того, что они нужны, необходимы для деятельности в физическом и нравственном мире»[115]. И тем не менее человек не находит счастья и виноват в этом сам. «Природа не виновата, если мы несчастливы и врожденные склонности, источник верных благ, превращаем в источник зол, вопреки ее доброму намерению»[116].

Зло, по мнению Карамзина, состоит в том, что люди под счастьем понимают удовлетворение всех своих желаний. Все хотят богатства, славы, высокого положения в обществе и т. д., но не всем это дано. Чтобы понять, что такое счастье, Карамзин предлагал сойти с житейской точки зрения и посмотреть на вопрос философски. Природа оделила всех людей одинаково: всем дала сердце, разум, страсти. Все люди — «дети одного отца, рожденные с одинаковыми сердцами, с одинаковыми способностями для наслаждения»[117]. Следовательно, каждый человек, независимо от положения в обществе,

---

[114] Н. М. Карамзин. Соч., т. III, стр. 503.
[115] Там же, стр. 484.
[116] Там же, стр. 491.
[117] Там же, стр. 494.

может наслаждаться, любить, страдать. «Для всякого природа величественна и прекрасна..; всякий может иметь светлую хижину, доброе имя, покойную совесть; всякий может любить, любить своих родных, семейство, друзей — вот истинное благополучие, которое соединяет всех людей...» [118]. В решении вопроса о счастье Карамзин берет за основу не общество, а отдельного человека. Но это не конкретный исторический человек, взятый во всей сложности его психики, общественного положения и сознания, а некий абстрактный, условный человек, представляющий собой отвлеченную единицу, наделенную чувствами и разумом. Само общество рассматривалось как сумма таких абстрактных индивидов.

Итак, человеку даны страсти. Они по своей природе стремятся к безграничному развитию, поэтому желания человека беспредельны: одно желание рождает другое, чувства требуют все новых удовольствий. Полностью желания человека никогда не могут быть удовлетворены. Но природа поставила пределы развитию страстей. Первый предел ставит разум. Сердце «велит искать удовольствий», а разум — «одних невинных удовольствий» [119]. Другой предел поставила сама природа: бесконечное наслаждение приводит к отуплению чувств и с этим теряется чувство счастья. «Кто выходит из черты, обводимой рассудком вокруг природного действия страстей; кто искусственно растравляет в себе их чувство, безумно предается их бурному стремлению, и хочет, так сказать, целый мир потопить в своих живых удовольствиях: тот, гоняясь за призраком блаженства... за минутные восторги платит долговременною мукою — восторги, которые делаются реже и реже, более и более изнуряют душу, и... ослабляют ее *способность наслаждаться*» [120]. Следовательно, по законам природы счастье человека не в беспрестанном удовлетворении всех желаний, ибо это невозможно «по образованию души нашей» [121].

Итак, чтобы достигнуть счастья, нужно привести свои страсти «в счастливое равновесие». Но Карамзин, стремясь в своих рассуждениях отрешиться от действитель-

---

[118] Н. М. Карамзин. Соч., т. III, стр. 494.
[119] Там же, стр. 483.
[120] Там же, стр. 490.
[121] Там же, стр. 480.

ной жизни, предлагая смотреть на жизнь философски, понимал, что жизнь более многогранна, сложна и одним равновесием страстей счастья не достигнуть. Он знал, что не для каждого «работают в золотых минах и плывут корабли из Бразилии», не каждый имеет светлое жилище, что русский крестьянин живет в смрадной избе, а камчадал — в низкой, дымной хижине. От этого нельзя было совсем отрешиться, поэтому и понадобился абстрактный человек, наделенный страстями и разумом, а все удовольствия, получаемые людьми в жизни, разделены на истинные и случайные, искусственные. Истинные удовольствия отпускались всем, они определялись «натурой и сердцем». Искусственные наслаждения определялись общественной жизнью, материальными благами и положением в обществе. Задача состояла в том, чтобы доказать, что искусственные удовольствия противоестественны и не дают счастья. Доказательства не были оригинальными. Карамзин доказывал в духе официальной идеологии, что счастливые и несчастные есть во всяком состоянии. «Не в миртах Альцибиада, не в сокровищах Крезовых заключило небо возможное счастье для смертных» [122]. Самый богатый и знатный человек, замечал он, может быть несчастнее камчадала, живущего среди вечных снегов в дымной хижине. Счастье зависит от умения пользоваться жизнью, от хорошего или дурного расположения духа. «Мы сами составляем тысячу отрав для жизни своей; смотрим в микроскоп на всякую неприятность, и кричим, что свет наполнен бедствиями» [123].

Но тут же возникал вопрос: а возможно ли счастье для крестьянина, который привел свои страсти в равновесие, но не имеет «хорошей пищи» и живет в «темной смрадной избе»?

Да, возможно, отвечал Карамзин, ибо крестьянину дано сердце, разум, он «любит свою жену, своих детей;.. радуется благополучному вёдру, полноте житниц своих и щедрой награде за труды его... Истинные удовольствия равняют людей. Великий могол и последний раб его утоляют голод и жажду с одинаковою приятностью» [124]. В конце концов крестьянин, говорит Карамзин, вообще

122 Н. М. Карамзин. Соч., т. III, стр. 494.
123 Там же, стр. 496.
124 Там же, стр. 492.

ближе к счастью, в силу своей близости к природе и к естественному состоянию и потому больше подчиняется действиям законов природы. Один из них — это закон чередования труда, отдыха, забав. Земледелец и ремесленник, говорит Карамзин, повинуются этому закону, работают и не знают скуки: «*труд, отдых, забава,* как три главные эпохи жизни его непосредственно соединяются между собой и не оставляют в ней никакой пустоты»[125]. Люди же, рожденные в изобилии, живут праздно, живут «против своего назначения, против естественной цели» и потому испытывают скуку, неудовлетворение и дальше от счастья, чем ремесленник и крестьянин.

В общем разделе истинных удовольствий, доказывал Карамзин, натура и провидение никого не обделяют. «Знать их цену есть искусство и венец науки жить»[126]. Это означало, по Карамзину, быть философом, быть благоразумным человеком. Социальный смысл этого определения Карамзина не требует комментария. В пределах нравственности человек даже объявляется творцом своего счастья: «человек должен быть творцом своего благополучия, приводя страсти в счастливое равновесие и образуя вкус для истинных наслаждений...»[127],—говорит он в «Разговоре о счастье». Но это понятие совсем не включает в себя активной творческой деятельности масс, опасной для феодального государства. Это понятие морального порядка — борьбы со своими страстями, подчинение их контролю разума и законам общества. А общество это феодальное, в котором классовый эгоизм господствующего класса определяет жизненные правила всего народа.

В заключение «Разговора о счастье» Карамзин дает окончательное определение понятия счастья. «Быть счастливым, — говорит он, — есть быть верным исполнителем естественных мудрых законов; а как они основаны на общем добре и противны злу, то *быть счастливым есть... быть добрым*»[128]. Если учесть, что у Карамзина зло включает в себя не только понятие нравственного порядка, но и социального — революцию он рассматривает как высшее проявление зла, — то делается

---

[125] Н. М. Карамзин. Соч., т. III, стр. 499.
[126] Там же, стр. 493.
[127] Там же, стр. 491.
[128] Там же, стр. 503.

ясным смысл этого определения. Сделать крестьянина добрым объективно означало сделать покорным, благоразумным, не способным к социальному злу, т. е. на выступление против господствующего класса.

Концепция общественного развития, созданная Карамзиным в конце 90-х годов XVIII века, была реакцией на Французскую революцию, ибо она отвергала тот путь исторического прогресса, который открывала революция. Согласно этой концепции, существующее общество не признавалось совершенным, а рассматривалось как соответствующее степени нравственного совершенства людей XVIII столетия: несовершенны люди — несовершенно и общество. Отрицая революцию, Карамзин не отрицал медленного поступательного движения общества к более совершенному будущему. Идея поступательного развития общества покоилась у Карамзина на вере в благое провидение, определявшее развитие мира от несовершенства к совершенству. Эта вера была несколько поколеблена революцией, но веру в благость провидения он в эти годы сохранил. Карамзин, очевидно, искренне верил в прогресс человечества и надеялся на установление более совершенного общества, в котором должны были найти счастье все люди, независимо от их социального положения. Каким мыслился ему этот «идеальный» строй — сказать трудно. Карамзин часто в эти годы упоминает о республике мудрецов, «платоновой» республике, как о своей мечте.

ГЛАВА IV

ОФОРМЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ Н. М. КАРАМЗИНА

К середине 90-х годов Карамзин был уже известным писателем, произведения которого нашли своего читателя не только в столицах, но и в провинции. «Почитатели» русской литературы, как писал А. Т. Болотов, с нетерпением ожидали появления новых произведений молодого, «но любимого всеми сочинителя». «Мои безделки» и «Детское чтение» дошли до далекой симбирской деревни и стали любимыми книжками маленького С. Т. Аксакова. Книги Карамзина распространились и в купеческой среде, и даже в среде мастеровых. Начинающие писатели считали своим долгом сходить на поклон к «десятнику литературы», как называли тогда Карамзина [1].

При всей умеренности социально-политических взглядов Карамзина, они в последние годы царствования Екатерины II казались либеральными. В московском и петербургском обществе он слыл за человека независимого образа мысли, либерала, «приверженного к вольности». Хотя его «поправение» после 1792 года не осталось незамеченным в обществе, ему все же не могли простить прежнюю «вольность мыслей». Это откровенно высказал А. Т. Болотов в литературных замечаниях на вторую книжку «Аглаи». «Думать надобно, — писал он о Карамзине, — что... в пунктах, относящихся до излишней вольности в мыслях, предостерегаем и оговариваем он был друзьями своими, ибо в сей второй книжке был он... несколько скромнее и воздержаннее, а не явно и грубо обнажал истинные свои мысли; но в пись-

---

[1] «Вчера и сегодня». Литературный сборник, состав. В. А. Соллогубом, кн. I. СПб., 1845, стр. 44—48.

ме от Филалета к Мелодору даже старался умышленно прикрыть себя лучшею личиною; однако, от очей строгого проницания трудно было ему утаить истинные черты настоящих его правил и расположения мыслей. Все оставалось еще великое сомнение в его мыслях в рассуждении религии и закона»[2].

Прошлые связи Карамзина с масонами, пропаганда просвещения, наконец, его произведения давали основание в реакционно настроенных кругах рассматривать его как мартиниста и якобинца. Особенно это проявилось в царствование Павла I. Д. Н. Бантыш-Каменский пишет в своем словаре, что на Карамзина в царствование Павла I были доносы. Об одном из них, П. И. Кутузова, граф Ф. В. Растопчин ему рассказывал. П. И. Кутузов писал на Карамзина и императору Александру I. Он выставлял Карамзина вредным для правительства человеком и безбожником[3].

Поскольку Карамзин в эти годы большую часть времени жил в орловском имении Плещеевых и мало бывал в Москве, то это давало пищу для слухов и о нем говорили, что «удален», сослан и т. п. Об этих слухах Карамзин 2 сентября 1795 года писал с раздражением И. И. Дмитриеву: «И так обо мне говорят, что я удален? За что же? И кому хочется выдумывать на мой счет такие печальные басни!»[4]. «Не правда ли, что я зажился в деревне? Между тем московские мои приятели заклинают меня скорее возвращаться в Москву, чтобы уничтожить разные слухи, рассеянные обо мне злобой и глупостью; одни говорят, что меня уже нет на свете; другие уверяют, что я в ссылке, и проч.», — писал он 17 октября 1795 года[5].

6 декабря 1796 года умерла Екатерина II и на престол вступил ее сын Павел I. Начало нового царствования вселяло надежды у одних на личный успех, у других — на серьезные изменения в жизни государства. По случаю присяги московских жителей новому импе-

---

[2] Н. В. Губерти. Историко-литературные и библиографические материалы. СПб., 1887, стр. 23.

[3] М. Н. Погодин. Материалы..., т. I, стр. 282. См. также Донос Кутузова на Карамзина. Чтения ОИДР, 1858, кн. 2, стр. 185—186.

[4] Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, стр. 59.

[5] Там же, стр. 61—62.

ратору Карамзин написал оду, в которой выразил надежду на то, что новое царствование приблизит Россию к цели всеобщего блага.

Большой радостью для Карамзина было прекращение дела масонов. Сообщая об этом брату Василию Михайловичу, 17 декабря 1796 года он писал: «Трубецкие, И. В. Лопухин, Новиков награждены за претерпение; первые пожалованы сенаторами, Лопухин сделан секретарем при императоре, а Новиков, как слышно, будет университетским директором»[6]. Слухи о Новикове, как известно, не подтвердились. Хотя император и обещал Новикову упорядочить его дела, но обещаний своих не выполнил и тем самым способствовал окончательному разорению Новикова. Но для Карамзина по крайней мере окончились волнения, связанные с делом масонов, и он мог спокойно продолжать свою работу.

В октябре 1797 года по заказу издателя французского журнала «Северный зритель» («Spectateur du Nord») Карамзин написал статью о русской литературе «Lettre sur la litterature russe». «От меня требовали, — сообщал он Дмитриеву, — несколько строк о русской литературе вообще и при том извлечения из моих писем»[7].

В статье давался краткий исторический очерк состояния русской литературы, она начиналась с заявления, что «творческий талант» (le genie) «обитает во всех климатах», что на Руси также есть люди с талантами, но их успехи в литературе пока еще скромны и они не оспаривают пальму первенства у французов, немцев и т. д. В этой статье историю русской литературы Карамзин делил на два периода: до Петра I и после него. В допетровский период, писал он, русская литература развивалась на национальной основе: песни, романсы, рыцарские романы — отражали национальный характер русского народа; они были монотонны, грустны. Русская поэзия, указывал он, достигала порой больших высот, как например, в недавно открытом «Слове о полку Игореве». После Петра I русская поэзия и литература стали развиваться по иностранным образцам, «превратились в копию и эхо немецкой и французской». На протяжении

---

[6] Н. М. Карамзин. Соч., т. III, стр. 711.
[7] Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, стр. 92.

XVIII века, говорилось в статье, русская литература добилась некоторых успехов: «у нас есть комедия, трагедия, драмы, романы, выпускаются сборники стихов». Но все же русским авторам, замечал Карамзин, не всегда хватает умения и вкуса, «алтарь искусства нам не всегда доступен». Заканчивалась статья кратким изложением содержания «Писем русского путешественника» [8].

В 1798 году Карамзин задумал издать «Пантеон иностранной словесности». «Пантеон», как писал он Дмитриеву, решил издавать для «пополнения кошелька», но тем не менее, издавая «Пантеон», преследовал цель просвещения общества. Он так объяснял идею «Пантеона»: «Пантеон издаю не для Университета, а для публики, которая не стала бы его читать, если бы в нем не было ничего, кроме Демосфена, Цицерона и других классических риторов... Пантеон литературы... ничто иное, как собрание всякого рода творений, важных и неважных...». Для «Пантеона» он переводил и древних и новых авторов, «иное для идей, иное для слога» [9].

Но при издании «Пантеона» Карамзин столкнулся с цензурой: цензоры не пропустили ряд его переводов. «Цензоры говорят, — писал он Дмитриеву, — что Демосфен был республиканец, и что таких авторов переводить не должно и Цицерона также — и Салюстия также... Странное дело! У нас есть Академия, Университет, а литература под лавкою!» [10].

Тем не менее три книжки «Пантеона» вышли в конце 1798 года. В них, конечно, не было ни Демосфена, ни Салюстия. Это были небольшие книжки размером в восьмую часть листа. Каждая составлена по принципу, указанному Карамзиным в письмах к Дмитриеву: «иное для идей, иное для слога». Первая часть — статьи «для идей» — переводы из новых и древних философов и мыслителей. Подбор авторов определялся, конечно, интересами переводчика. При чтении «Пантеона» невольно бросается в глаза удивительное созвучие вопросов, поднимаемых в них, с проблемами, которые решал для себя Карамзин: о религии, о роли человека в обществе, о счастье, нравственном совершенстве и др. Решение этих проблем в переведенных статьях отвечало взглядам и

[8] Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, стр. 473 и след.
[9] Там же, стр. 93, 98.
[10] Там же, стр. 97.

настроениям Карамзина. В них утверждались философский идеализм, идея благости и гармонии, царящая в мире («Цицерон о боге», «Восторг Лас-Казаса»).

Вторая часть — «для слога» — заполнялась описаниями путешествий, нравоучительными рассказами и т. д. Второе издание «Пантеона» вышло в 1818 году. В эти более обширные сборники Карамзин включил все переводы, не пропущенные в 1798 году цензурой, переводные статьи из Московского журнала» и «Вестника Европы».

Усиление цензуры, установление в стране полицейского режима сделали практически невозможной деятельность Карамзина. В 1798 году цензура задержала второе издание «Аглаи», не пропустила новое издание «Аонид», «поставив крест» на «Послании к женщинам», не пропустила две последние части «Писем русского путешественника». В марте 1800 года рижская цензура задержала немецкий перевод «Писем русского путешественника». «Цензура как черный медведь стоит на дороге; к самым безделицам придираются, — писал Карамзин Дмитриеву. — Я кажется и сам могу знать, что позволено и чего не должно позволять; досадно, что в безгрешном находят грешное» [11]. Теперь ему кажется, что не только литературная деятельность, но и вся жизнь человека теряет смысл в условиях грубого произвола и бесправия. «Ты не весел, я тоже, — пишет он Дмитриеву 29 октября 1799 года. — Цветы жизни более и более для меня увядают... Не в таком расположении выдают журналы... Талант мой как сибирский плод: не дозрев изсыхает» [12].

Последние два года правления Павла I Карамзин ничего не пишет, а только заканчивает свои издательские дела. В это время он начинает заниматься русской историей.

В 1801 году умолкнул Павла «сиплый рев». На престол вступил Александр I, восторженно встреченный дворянством. Карамзин вновь словно пробудился от сна. Он приветствовал вступление Александра I на русский престол двумя одами. Для него же Карамзин написал «Историческое похвальное слово Екатерине II». В 1802 году он начал издавать журнал «Вестник Европы».

---

[11] Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, стр. 99.
[12] Там же, стр. 113.

Фактическая инициатива издания принадлежала арендаторам Университетской типографии, и в первую очередь И. В. Попову, образованному купцу и книготорговцу, который «упросил Карамзина составить программу совершенно нового, по европейскому образцу, журнала и принять на себя его редакцию» [13]. Карамзин согласился и руководил журналом два года. Журнал выходил два раза в месяц, таким образом, Карамзин выпустил 48 книжек.

Цель издания и его программа изложены в «Письме к издателю», которым открывался первый номер «Вестника Европы». Автор статьи (сам Карамзин), отмечая успехи наук и художеств в умиротворенной Европе, указывал на возросшую роль литературы, на усилившееся влияние ее на нравы, особенно в России; «чувство в нас новее и свежее: изящное тем сильнее действует на сердце и тем более плодов приносит. Сколь благоразумно, сколь утешительно помогать нравственному образованию такого великого и сильного народа, как российский; развивать идеи, указывать новые красоты в жизни...» [14].

Приступив к изданию журнала, Карамзин получил практическую возможность осуществить идею просвещения русского читателя, об этом он заявил в своем «Письме к издателю». Более подробно программа журнала изложена в обращении к читателю, напечатанном в 23-й книжке за 1802 год. «Вестник» будет ... сообразно с его титулом, — писал в нем издатель, — содержать в себе главные европейские новости в литературе и в политике, все, что покажется нам любопытным, хорошо написанным, и что выходит во Франции, Англии, Германии и проч.; небольшие пьесы можем помещать целые, а из важнейших книг делать извлечение. Таким образом лучшие авторы Европы должны быть в некотором смысле нашими сотрудниками..., а нам остается изображать их мысли, как умеем. Не многие получают иностранные журналы, а многие хотят знать, что и как пишут в Европе... Сверх того в «Вестнике» будут и русские сочинения в стихах и прозе...» [15].

---

[13] А. Н. Неустроев. Исторические розыскания о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг. СПб., 1875, стр. 855.

[14] «Вестник Европы», 1802, № 1, стр. 5—6.

[15] «Вестник Европы», 1802, № 23, стр. 227—228.

«Вестник Европы» положил начало новому типу журнала в русской журналистике — литературно-политическому и оказал влияние на все последующее развитие журналистики в XIX столетии.

Редакционный подбор статей в «Вестнике Европы» имел ярко выраженную направленность: все печатаемые в журнале материалы отвечали определенным сторонам программы издателя, а переводной материал служил зачастую лишь основой, на которую издатель накладывал нужный ему узор. Западная журналистика давала материал, а переводчик придавал ему нужную окраску и направление, подчинял своим целям.

Журнал делился на два отдела: литературный и политический. Это было новостью в русской журналистике. Открывался он литературным отделом, который не был им в буквальном смысле слова, так как в нем печатались не только художественная проза и стихи, но и статьи по географии, истории, биографии великих людей и статьи Карамзина по различным вопросам внутренней жизни России. Из художественных произведений Карамзин помещал в журнале переводы сентиментальных повестей Жанлис, Сталь, Коцебу и т. п. Из русских писателей в нем печатались близкие Карамзину люди и его последователи: И. И. Дмитриев, Г. Р. Державин, В. Л. Пушкин, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, К. Шаликов, В. В. Измайлов, В. А. Жуковский и др. В «Вестнике» Карамзин напечатал ряд своих исторических статей и повестей: «Марфа Посадница или покорение Новгорода», «Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице», «О тайной канцелярии», «Путешествие вокруг Москвы»; роман «Рыцарь нашего времени», «Моя исповедь» и др.

Политический отдел при Карамзине занимал равное положение с литературным. Создание его диктовалось запросами дня: русское общество проявляло все больший интерес к международной, экономической и культурной жизни европейских стран, больше интересовалось политическими событиями, происходящими на Западе. Отдел подразделялся на разделы «Общее обозрение» и «Известия и замечания». В «Общих обозрениях» печатались сообщения о событиях в Европе, Азии, Америке, взятые из иностранных журналов. В «Известиях и замечаниях» давался редакционный обзор событий внутренней

и внешней жизни западноевропейских государств и России.

Отдел политики поражает в журнале разнообразием поднимаемых в нем вопросов: здесь сообщения о внутренней политике Англии и Франции, о мероприятиях консула Бонапарта, отчеты министров, выступления депутатов, отчеты заседаний парламента, статьи о конституциях различных государств, о событиях в Америке, Индии, Турции, Китае, биографии политических деятелей и многое другое. Диапазон журнала был необычайно широк для того времени. Он охватывал все стороны жизни России и доносил до читателя огромное количество информации, написанной хорошим литературным языком. «Вестник Европы» Карамзина завоевал большую популярность.

Насколько журнал оказался современным и отвечал запросам читателей, можно судить по его успеху. Уже 14 января 1802 года Карамзин сообщил Дмитриеву, что «пренумерантов немало: около 580; вероятно, что и прибавиться» [16]. Вскоре число подписчиков превзошло 1200 и потребовалось второе издание журнала.

И. И. Дмитриев назвал «Вестник Европы» «лучшим нашим журналом, который удовлетворял читателей обоих полов, молодых и старых» [17]. А. И. Тургенев в письмах из Геттингена не раз упоминает о «Вестнике Европы» Карамзина. В одном из них он писал: «Я получил от Шлёцера «Вестника Европы» первые шесть частей 1803 г. и читаю их с большим удовольствием... Пиесы интереснее прежних; слог у Карамзина стал чище..., право, мало, очень мало немецких журналов, которые бы могли с «Вестником» сравняться» [18]. В письмах к своему другу А. С. Кайсарову Тургенев настоятельно рекомендовал ему учиться переводить у Карамзина: «Читай для образца переводы Карамзина в Вестнике. Там научишься прекрасным оборотам и выражениям таких понятий, которые, казалось, невозможно было выразить в русском» [19].

---

[16] Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, стр. 123.
[17] И. И. Дмитриев. Взгляд на мою жизнь, стр. 83.
[18] Письма и дневники А. И. Тургенева (1802—1804). СПб., 1911, стр. 83.
[19] Там же, стр. 351.

Очень высокую оценку этому журналу дал В. Г. Белинский. «До Карамзина, — писал он, — у нас были периодические издания, но не было ни одного журнала: он первый дал нам его. Его «Московский журнал» и «Вестник Европы» были для своего времени явлением удивительным и огромным, особенно если сравнить их не только с бывшими до них, но и после них на Руси журналами, до самого «Московского Телеграфа»... Какое разнообразие, какая свежесть, какой такт в выборе статей, какое удивительное передавание политических новостей, столь интересных в то время! Какая по тому времени ловкая критика»[20].

В 1803 году закончился журналистский период деятельности Карамзина. 31 октября 1803 года правительственным указом Карамзин назначен придворным историографом и после издания последней книжки «Вестника Европы» начался его многолетний труд над «Историей государства Российского».

В последнюю четверть XVIII века в России стали заметнее черты начавшегося разложения феодально-крепостнической системы хозяйства. Развивающийся в недрах феодальной экономики капиталистический уклад влиял на все стороны экономической и социальной жизни России. Изменения в экономическом и социальном строе России и развитие буржуазных отношений в Европе оказывали влияние на внутреннюю политику самодержавной власти. Время ставило перед господствующим классом России, дворянством и перед самодержавием проблему разработки социально-политических реформ, обеспечивающих сохранение господствующего положения за классом помещиков и власти за самодержавием.

Политика правительства Александра I определялась интересами господствующего класса, который шел лишь на такие уступки, которые не приносили ему сколько-нибудь серьезного ущерба. В целом политика правительства Александра I оставалась самодержавной и крепостнической.

Вступление России в период разложения феодально-крепостнической системы хозяйства ощущалось различными социальными группами. Поэтому в конце XVIII

---

[20] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 135.

века стали настойчивее звучать требования социальных и политических преобразований [21].

К этому времени можно отнести завершение идейных исканий Карамзина. Он становится идеологом консервативной части русского дворянства.

Окончательное оформление его социально-политической программы, объективным содержанием которой было сохранение самодержавно-крепостнического строя, падает на второе десятилетие XIX века, т. е. на время создания «Записки о древней и новой России». В первые годы XIX века эта концепция только обретает свои основные черты, смыкаясь в некоторых вопросах с более прогрессивными программами. Определяющее значение в оформлении консервативной политической программы Карамзина в начале XIX века сыграло послереволюционное развитие Франции. Материалы «Вестника Европы» дают возможность проследить, как под влиянием событий во Франции окончательно оформляются его социально-политические взгляды. Эти материалы помогают понять, как решал теперь Карамзин вопрос об историческом развитии человечества в целом и России, в частности.

Пристально наблюдавшему за развитием событий во Франции Карамзину казалось, что исторически подтверждался его вывод о том, что нравственные взрывы или революции, хотя и не желательные, но закономерные, влияют на судьбы мира, но не прерывают поступательного развития человечества. «Нравственные и политические революции, — писал он в 1803 году в «Вестнике Европы», — свойственны земному шару не менее физических; но одно время бывает гораздо богатее ими, нежели другое» [22].

Прежде всего его интересовали причины и следствия революции. Связь революции с французской просветительской философией была для него установленным и очевидным фактом. В обзорной статье «Вестника Европы» «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени» Карамзин писал:

«С самой половины осьмого-надесять века все необыкновенные умы страстно желали великих перемен

---

[21] См. А. В. Предтеченский. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.—Л., 1957, гл. II.

[22] «Вестник Европы», 1803, № 20, стр. 320.

и новостей в учреждении обществ; все они были, в некотором смысле, врагами настоящего, теряясь в лестных мечтах воображения... Проницательные наблюдатели ожидали бури; Руссо и другие предсказали ее с разительной точностью...»[23]. Это «волнение в умах» захватило множество людей», но «революция объяснила идеи»[24], а «безрассудные якобинские правила» «охладили умы». Якобинская диктатура и десятилетняя «революционная война» способствовали тому, что многие переменили свои взгляды на «вещи и людей». Революция, утверждал он, показала, что без законной власти «народ делается жертвою ужасных бедствий, которые необыкновенно злее всех обыкновенных злоупотреблений власти»[25], что «все смелые теории ума, который из кабинета хочет предписывать новые законы моральному и политическому миру, должны остаться в книгах...»[26]. Французы до революции хотели «мечтательного равенства», а равенство «это сделало их всех равно несчастливыми» и революция, «разорив дворянство, не обогатила народа»[27]. Вместо разумного общества, о котором мечтали и который обещали «лучшие умы XVIII века», установился мир корыстолюбия, междоусобных войн, террора якобинцев, власти денежного мешка. Но революция имела и положительные следствия. Грозившая ниспровергнуть все правительства, она утвердила их. «Если бедствия рода человеческого в каком-нибудь смысле могут называться благодетельными, то сим благодеянием мы конечно обязаны революции». Теперь правительства, указывал он, стали крепки не воинскою силою, а «внутренним убеждением разума... Теперь все лучшие умы стоят под знаменами властителей, и готовы только способствовать успехам настоящего порядка вещей, не думая о новостях»[28].

В статьях и стихотворениях конца 90-х годов Карамзин не раз указывал на то, что «общественность» или «общежитие» есть величайшее достижение человеческого разума, что это достижение нужно беречь. Теперь он

---

[23] «Вестник Европы», 1802, № 12, стр. 315—316.
[24] Там же, стр. 314.
[25] Там же.
[26] Там же, стр. 315.
[27] «Вестник Европы», 1802, № 21—22, стр. 138.
[28] «Вестник Европы», 1802, № 12, стр. 315—316.

обращает внимание на то, что революция открыла многим, что гражданский порядок священен даже в своих недостатках. Исторический путь Франции казался ему поучительным. До революции, указывал он в полном издании «Писем русского путешественника», Франция достигла высокой степени просвещения и нравственности. При монархическом строе во Франции «бедный находил себе хлеб, богатый наслаждался своим избытком...» [29]. Но этот порядок сменился беспорядком революции. С приходом к власти Наполеона «вредная для Франции демократия» была уничтожена и сама Франция, «несмотря на имя и некоторые республиканские формы своего правления» стала ничем иным, «как истинной монархией» [30].

Наблюдая за деятельностью Наполеона на посту консула, Карамзин приветствовал его меры по возобновлению монархических порядков, искоренению республиканских свобод, восстановлению религии и т. п. «Франция, — писал он, — по своему величию и характеру должна быть монархиею» [31]. Подводя итог деятельности Наполеона за 1802 год, Карамзин пришел к выводу, что «французское правление есть истинное монархическое, и гораздо далее от республиканского, нежели английское... Бонапарте остается единственным властелином и правителем Франции. Сан его без всяких новых перемен в конституции, легко может сделаться наследственным» [32].

Итак, Франция процветала как монархия и снова спаслась от беспорядков монархией, только с разницей, что «на место Карлов, Генрихов и Людовиков» судьба поставила Наполеона «со святейшим титулом... великого человека...» [33]. В «Похвальном слове Екатерине II» Карамзин суммировал все сказанное ранее по истории Франции следующим выводом: «Народ многочисленный на развалинах трона хотел повелевать сам собою: прекрасное здание общественного благоустройства разрушилось; неописанные несчастия были жребием Франции и сей гордый народ, осыпав пеплом главу свою, прокли-

---

[29] Н. М. Карамзин. Соч., т. II, стр. 463.
[30] «Вестник Европы», 1802, № 8, стр. 72.
[31] «Вестник Европы», 1802, № 17, стр. 78.
[32] Там же, стр. 77.
[33] «Вестник Европы», 1803, № 15, стр. 228.

ная десятилетнее заблуждение, для спасения бытия своего вручает самовластие счастливому корсиканскому воину»[34].

Титул «великого человека», который Карамзин дал Наполеону, свидетельствовал о большом уважении. Для Карамзина титул «великого человека» значил больше, чем «древняя знаменитость рода», так как «дела и величие, особливо же власть и сила, могут обойтись без них»[35]. Карамзин восхищался Наполеоном за то, что тот «умертвил чудовище революции». Он постоянно отмечал в своих статьях рост популярности Наполеона во Франции, писал, что он нужен для счастья Франции, брал его под защиту: «Не Бонапарте свергнул Бурбонов с трона, не Бонапарте сделал революцию, он только воспользовался ею для славы своей»[36]. Выступления роялистов против Наполеона он расценивал как вредные, могущие привести к новым мятежам и беспорядкам. «...Роялисты, — писал он, — должны безмолвствовать. Они не умели спасти своего доброго короля, не хотели погибнуть с оружием в руках, а хотят только возмущать умы слабых людей гнусными клеветами... Франции не стыдно повиноваться Наполеону Бонапарте, когда она повиновалась госпоже Помпадур и Дю-Барри... Мы не знаем предков консула, но знаем его — и довольно»[37]. Но в отношении Карамзина к Наполеону с самого прихода его к власти чувствуется некоторая настороженность. Она определялась неуверенностью в том, что консул окажется таким же великим («героически-добродетельным»)[38] человеком в управлении государством, каким он показал себя «искусным генералом и хитрым политиком». Со временем эти опасения усиливаются и симпатия к Наполеону у Карамзина пропадает. Но тем не менее, он, преодолевая субъективное недоверие к Бонапарту, отмечал его успехи в восстановлении законного порядка во Франции. «Можно осуждать Бонапарте в системе его правления, — писал он, — однако же надобно согласиться, что он имеет редкий талант повеле-

---

[34] Н. М. Карамзин. Соч., т. I, стр. 342.
[35] «Вестник Европы», 1803, № 15, стр. 228.
[36] «Вестник Европы», 1802, № 15, стр. 248.
[37] «Вестник Европы», 1803, № 17, стр. 79.
[38] «Вестник Европы», 1803, № 1, стр. 79.

вать людьми и государствами»[39]. При этом он отмечал, что консул печется «о мудрой системе законов, о воспитании, об успехах наук, художеств, торговли»[40]. Но разочарование в Наполеоне как в великом человеке росло. Рассказывая читателям «Вестника Европы» об избрании Наполеона пожизненно консулом, Карамзин подчеркнул, что это фарс, разыгранный Бонапартом и Сенатом, и Наполеон «столь явно требовал себе алтарей и храмов», что его поведение выглядело «нескромным»[41]. В связи с принятием Наполеоном титула императора Карамзин писал брату: «Наполеон Бонапарте променял титул великого человека на титул императора: власть показалась ему лучше славы»[42].

Порядок, установившийся во Франции, казался Карамзину прочным, поскольку его поддерживали «новые богачи», «новые владельцы», армия и «все благоразумные люди»[43]. Карамзин отмечал как новое явление, что главной опорой Наполеона являются банкиры, подрядчики и фабриканты. «Мы еще не находили в истории,— писал он, — чтобы какой-нибудь народ был возвеличен фабрикантами». Новому французскому обществу он не симпатизировал, так как видел в нем людей, лишенных «всякого воспитания, без всякого нежного чувства». Но поскольку это общество утверждало монархические порядки, он его принимал и приветствовал.

Карамзину казалось, что события конца XVIII — начала XIX века во Франции исторически подтверждали его теоретические выводы о путях развития человечества: единственно приемлемым и правильным он считал путь постепенного эволюционного развития, без всяких революционных взрывов, и в рамках тех общественных отношений («общественности»), того государственного устройства, которые свойственны данному народу.

Исходя из этого, Карамзин следующим образом подвел итог своим размышлениям о революции в полном издании «Писем русского путешественника»: «Всякое гражданское общество, веками утвержденное, есть святыня для добрых граждан; и в самом несовершенней-

---

39 «Вестник Европы», 1803, № 6, стр. 168.
40 «Вестник Европы», 1802, № 1, стр. 78.
41 «Вестник Европы», 1802, № 17, стр. 72.
42 «Атеней», 1858, ч. III, стр. 255.
43 «Вестник Европы», 1803, № 18, стр. 159.

шем надобно удивляться чудесной гармонии, благоустройству, порядку. «Утопия» (или царство счастия, сочинения Моруса) будет всегда мечтою доброго сердца, или может исполниться неприметным действием времени, посредством медленных, но верных, безопасных успехов разума, просвещения, воспитания, добрых нравов. Когда люди уверятся, что для собственного их счастья добродетель необходима, тогда настанет век златой, и во всяком правлении человек насладится мирным благополучием жизни. Всякие же насильственные потрясения гибельны, и каждый бунтовщик готовит себе эшафот. Предадим, друзья мои, предадим себя во власть провидению: оно конечно имеет свой план... Легкие умы думают, что все легко; мудрые знают опасность всякой перемены и живут тихо»[44]. В этом плане особый интерес представляет одна из статей, помещенных Карамзиным в «Вестнике Европы» — «Политические отрывки г-на Эшассерио» (одного из лучших политических авторов Франции), переведенную Карамзиным для своего журнала. Эшассерио[45] переносил на человеческое общество законы естественного мира. Каждый народ он рассматривал как живой организм, который проходит три стадии развития: рождение и младенчество, зрелость (расцвет), старость и смерть. Жизненная сила народа, по мнению этого автора, определяется силой его учреждений, которые, в свою очередь, зависят от климата, географического положения и воспитания народа. Каждому народу свойственны свои обычаи и национальные особенности, «древние правила» и учреждения. И то и другое имеет огромную силу и власть над людьми. Забвение их приводит народ к падению или свидетельствует, что данный народ клонится к упадку, дряхлеет. «Сильнейшие на земле народы, дерзающие поднимать голову в политических бурях, суть те, которых гражданская свобода зависит не от трактата, союза или чуждого влияния, но от силы их учреждений, — говорится у Эшассерио. — Они всегда отражают завоевателя, пока хранят чистоту нравов, или пока время внутреннего разрушения еще не наступило. Учреждения суть,

---

[44] Н. М. Карамзин. Соч., т. II, стр. 462.

[45] В статье «Всеобщее обозрение» Карамзин говорит об Эшассерио как об одном из «знаменитейших членов Пятисотного Совета» (Н. М. Карамзин. Соч., т. I, стр. 529).

так сказать, гранитные скалы, на которых утверждается состояние гражданственности» [46].

Что принципиально нового в концепции Эшассерио? Прежде всего она практически отвергала теорию общественного договора, так как ставила политическую форму государства в зависимость не от «трактата или союза» и не от разума, а от органически присущих данному народу национальных черт, «правил», обычаев, учреждений. Его концепция вела к увековечиванию «древних учреждений» и «правил», а всякие изменения в них связывала с падением народа, рассматривала как вестник близкой его гибели. Социальная концепция Эшассерио была реакцией на передовые общественные теории XVIII века, которые опрокидывали учения о незыблемости существующего порядка вещей и расчищали путь новым отношениям. Теория Эшассерио подменяла критерий разумности общественного порядка критерием национальной самобытности, прирожденности данного порядка. Она являлась теоретическим обоснованием политики возрождения прежних порядков во Франции и консервации общественных отношений в других государствах Европы.

Сам факт обращения к труду Эшассерио свидетельствует о том, что взгляды его заинтересовали Карамзина. Трудно сказать, пришел ли сам Карамзин к выводам, изложенным в труде Эшассерио, или он позаимствовал их у последнего, но близость их социально-политических воззрений несомненна.

Карамзин в эти годы также рассматривает народ как единый организм, который проходит в своем развитии три ступени: младенчество, расцвет и старение. Так, в одной из обзорных политических статей в «Вестнике Европы», характеризуя положение Оттоманской империи, он писал: «В самом деле, ...империя явно отжила век свой; все связи в ее политическом основании разрушаются; она не имеет сил усмирять мятежников; везде разбои и беспорядки» [47]. «Все имеет век и предел свой», — подвел он итог развитию Оттоманской империи в другой статье. В «Историческом похвальном слове императрице Екатерине II» в числе доказательств закон-

---

[46] «Вестник Европы», 1802, № 19, стр. 226.
[47] «Вестник Европы», 1802, № 14, стр. 159.

ности присоединения Польши к России указывалось и состояние упадка или дряхлости этого государства. «Слабый дух ветхие республики не могут управлять ее пространством» [48].

Оставляя в силе идею договорного происхождения власти, формы ее Карамзин ставит теперь в строгую зависимость от древних традиций и народного характера. Причем учреждения и обычаи возводятся в некий абсолют, который определяет историческую судьбу народа. «...Учреждения древности, — писал он в статье «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени» — имеют магическую силу, которая не может быть заменена никакою силою ума» [49]. Таким образом, революционным преобразованиям противопоставлялась историческая традиция. Общественно-политический строй ставился от нее в прямую зависимость: традиционные древние обычаи и институты определяли в конце концов политическую форму государства. Очень четко это прослеживается в отношении Карамзина к республике.

Оно было противоречивым. Идеолог самодержавия, Карамзин тем не менее заявлял о своих симпатиях республиканскому строю. Известно его письмо к П. А. Вяземскому от 1820 года, в котором он писал: «Я в душе республиканец и таким умру» [50].

Теоретически Карамзин считал, что республика — более совершенная форма правления, чем монархия. Но она может существовать только при наличии целого ряда условий, при их отсутствии республика теряет смысл и право на существование. Посмотрим, как конкретно представлял себе Карамзин возможность и целесообразность существования республики.

Новгородской республике он посвятил историческую повесть «Марфа Посадница или покорение Новгорода». Вот как говорит Карамзин о возникновении государства у ильменских славян. До призвания Рюрика ильменские славяне жили в свободе, занимались земледелием, имели города и села. С течением времени нравы их испортились, «родились в душах новые страсти; обычаи древние спасительные забывались...». Вот тогда славяне и

[48] Н. М. Карамзин. Соч., т. I, стр. 289.
[49] «Вестник Европы», 1802, № 12, стр. 315.
[50] «Старина и новизна», т. I, стр. 60.

пригласили варяжских князей. Став новгородским князем, Рюрик не захотел считаться с древними обычаями славян, а захотел «властвовать самовластно», и новгородцы «ужаснулись своей неосторожности». Смерть Рюрика воскресила вольность Новгорода, а Ярослав утвердил ее законом. С тех пор существовала республика в Новгороде. Древнейшим новгородским учреждением Карамзин считал вече, а обычаем — вольность. Отказ от них привел к падению республики и к установлению самовластия Рюрика. Но затем новгородцы вернулись к своим древним правилам и республика процветала вплоть до похода Ивана III на Новгород. Республика пала, как показал Карамзин в повести, не вследствие того, что она устарела, изжила себя, а в результате того, что была завоевана новым, молодым государством, которое оказалось сильнее ее. Как же Карамзин расценивал сопротивление новгородцев Ивана III? Поскольку республика была исконным, древним учреждением Новгорода, то сопротивление новгородцев Ивану III не было «бунтом каких-нибудь якобинцев», а являлось законной защитой «древних уставов и прав», данных новгородцам великими князьями [51]. Марфу Борецкую Карамзин наделяет в повести чертами «истинно добродетельного человека», он видит в ней «гражданина-героя», способного на подвиг ради своей родины. Марфа умирает «гражданкою новгородскою» [52]. Такими же патриотами выступают в повести и другие новгородцы.

В «Вестнике Европы» и в «Пантеоне иностранной словесности» Карамзин познакомил русского читателя и с другими республиками: республика Сан-Марино в Италии, республика Рагузы, наконец, республика Швейцарии. В статьях об этих республиках подчеркивалось, что для них характерны простота и неиспорченность нравов, «счастливая посредственность» в материальных условиях жизни, близость к природе, природный здравый смысл. Но беда всех этих республик в том, что демократия в них теряет свои позиции и имеет тенденцию превращаться в аристократию или олигархию. Так, в республике Сан-Марино верховная власть сначала принадлежала народному собранию, но с течением

---

[51] Н. М. Карамзин. Соч., т. III, стр. 166.
[52] Там же, стр. 236.

времени аристократические фамилии «умерили дух демократический», ввели олигархию, оставив «одну тень вольности»[53]. Республика Рагузы («она славянского происхождения, следственно не чужая русским», — заметил Карамзин), пока ее учреждения соответствовали нравам и характеру жителей, была сильна своей «умеренностью и нравами». Но дух торговли искоренил прежние порядки, и вместо граждан в республике остались одни купцы, «для которых железный сундук был идолом, контора отечеством, любовь к богатству единственным чувством»[54].

Все эти факты позволяли Карамзину сделать вывод, что век республик недолгий, что развитие цивилизации, торговли, рост богатств и т. д. ведут к падению нравов, и в результате к падению республик. «Мое сердце не менее других воспламеняется добродетелью великих республиканцев, — писал он, — но сколь кратковременны блестящие эпохи ее? Сколь часто именем свободы пользовалось тиранство?»[55].

В «Вестнике Европы» он живо откликался на все события, происходящие в Швейцарии, события, тесно связанные с Французской революцией. Он негодовал по поводу диктата, осуществляемого французскими властями в Швейцарии. В своих политических обзорах он указывал на необходимость восстановить древние правила и учреждения Гельветической республики. Правда, Карамзин отмечал, и неоднократно, что в Швейцарии портятся нравы, причем начало их падения он относил к тому времени, когда «телевы потомки вздумали за деньги служить другим державам» и занесли в республику «дух торговли» и чуждые ей нравы. Но тем не менее, Швейцария, по его мнению, как республика, еще не изжила себя. «Древние гражданские и политические связи Швейцарии могли бы еще долго не разрушаться (ибо древность имеет удивительную силу), если бы злой дух Французской революции не сорвал... республики с ее основания», — писал он в «Вестнике Европы»[56]. Спасение республики он видел в возвращении ее к древним учреждениям и правилам.

---

[53] «Пантеон иностранной словесности», т. III, стр. 303.
[54] «Вестник Европы», 1802, № 17, стр. 60.
[55] Н. М. Карамзин. Соч., т. I, стр. 312.
[56] «Вестник Европы», 1802, № 20, стр. 320.

Карамзин обратил внимание еще на одно явление в жизни Швейцарской республики: на разлад между правительством и народом. В «Вестнике Европы» в 24-м номере за 1802 год он сообщал, что правительство Гельветической республики обвинило народ в том, что он «дерзнул восстать против властей своих». «Но может ли называться народной та власть, которую ненавидит народ?.. — спрашивал он в этом обзоре. — Начальство избранное, унижая народ, ослабляет собственную силу свою, которую оно единственно от него получило»[57]. Замечание это очень любопытно. Из него можно сделать вывод, что теория общественного договора в данном случае принималась полностью без оговорок и ограничений: власть избранная должна выполнять требования народа. Конечно, не следует забывать, что у Карамзина народ выступает как этническое целое.

Все сказанное Карамзиным о республике и республиканском строе позволяет, кажется, сделать следующий вывод: Карамзин признавал республику как политическую организацию общества, но ставил возможность существования республики в зависимость от древних обычаев и традиций, а также от нравственного состояния общества. Поскольку он признавал, что власть в республике принадлежит народу, то власть, избираемая народом, должна обеспечить демократическую форму правления, гражданское равенство и гражданские свободы. Но возникает такой вопрос: если существование республики ставится у Карамзина (впрочем, и у Монтескье) в зависимость от нравственного состояния общества, означает ли это, что право на существование признавалось за республикой только в прошлом? В основном да, так как в современном ему мире Карамзин, за редким исключением, не находил условий для существования республик. В век развития торговли, роста богатств и следовавшего за этим падения нравов не оставалось места для республиканской добродетели. Карамзин был твердо убежден, что в условиях XVIII и наступающего XIX столетия при существующей степени нравственности наиболее рациональной формой правления для больших народов являлась монархия. «...Монархическое правление гораздо счастливее и надежнее

---

[57] «Вестник Европы», 1802, № 24, стр. 334—335.

(республиканского. — *Л. К.*): оно не требует от граждан чрезвычайностей, и может возвышаться на той ступени нравственности, на которой республики падают»[58]. Но республика, как полагал Карамзин, могла возникнуть и в будущем, когда общество достигнет высшей ступени нравственности.

П. А. Вяземский, которому хорошо были известны взгляды Карамзина не только по его произведениям, но и по личному общению, расценивал республиканские симпатии Карамзина не как позу. Карамзин, писал он в замечаниях на «Историческое похвальное слово Екатерине II», «был в самом деле душою республиканец, а головою монархист. Первым был он по чувству своему, горячим преданиям юношества и духовной своей независимости; вторым сделался он вследствие изучения истории и с нею приобретенной опытности»[59]. Карамзин, писал он далее, «шаг за шагом, столетие за столетием, событие за событием следил за возрастанием и беспрерывно мужающим могуществом государства. Не мог же он не придти к тому заключению и убеждению, что несмотря на частые и предосудительные явления, все же находились в этом развитии, в этом устоявшемся складе и порядке, многие зародыши силы и живучести. Без того не удержалась бы Россия. Он полюбил Россию, каковою сложилась она и выросла. И это очень натурально. Вот вдохновение и основы консерватизма его»[60].

Несомненно, доля истины есть в этом наблюдении Вяземского. Карамзин был сложной и противоречивой фигурой. Как отмечали все, знавшие Карамзина, это был человек с большими требованиями к себе и к окружающим. Современники отмечали, что он был искренним в своих поступках и убеждениях, имел независимый образ мыслей. Учитывая эти качества характера Карамзина, противоречивость его мировоззрения можно объяснить тем, что он понимал несовершенство существующих в России порядков, но страх перед революцией, перед крестьянским восстанием заставлял его цепляться за старое, за самодержавную власть, за крепостнический

---

[58] «Вестник Европы», 1802, № 20, стр. 319.
[59] П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., т. VII. СПб., 1882, стр. 357.
[60] Там же, стр. 361.

строй, которые, как он считал, в течение нескольких столетий обеспечивали поступательное развитие России. Этим и объясняется, очевидно, разлад между чувством и разумом, о котором говорил Вяземский.

К концу XVIII века у Карамзина сложилось твердое убеждение, что монархическая форма правления наиболее отвечает существующему уровню развития нравственности и просвещения. Из монархий своего времени он выделял три великих державы: Англию, Францию и Россию. Все три монархии имели свои специфические черты, которые, по его мнению, определялись характером народа и его древними учреждениями. Так, в Англии монархия была конституционной. Конституция там была установлена в те времена, когда Европа «коснела в невежестве». Конституция, как считал теперь Карамзин, была тем древним институтом, который определяет характерные черты английского государственного строя, составляет древнюю английскую традицию и отвечает национальному характеру английского народа. «Всякие гражданские учреждения должны быть соображаемы с характером народа, — писал он в связи с рассуждениями о государственном строе Англии в полном издании «Писем русского путешественника»: — что хорошо в Англии, то будет дурно в иной земле»[61]. «Дурно» прежде всего для России, древним учреждением и традицией которой, по его мнению, было самодержавие, как одна из форм монархической власти. Это убеждение Карамзина, сложившееся в конце XVIII — начале XIX века, нашло яркое выражение в «Истории Государства Российского» и в «Записке о древней и новой России».

«Россия основалась победами и единоначалием, — писал он в «Записке», — гибла от разновластия, а спасалась мудрым самодержавием...». «Самодержавие основало и воскресило Россию: с переменою государственного устава ее она гибла и должна погибнуть...»[62]. Осуждая намерение Александра I дать России конституцию, он писал Вяземскому в 1818 году: «Россия не Англия, даже не царство Польское; имеет свою государственную судьбу, великую, уважительную... Самодержа-

---

[61] Н. М. Карамзин. Соч., т. II, стр. 779.
[62] Н. М. Карамзин. Записка о древней и новой России. СПб., 1914, стр. 10, 47.

вие есть душа, жизнь ее, как республиканское правление было жизнью Рима»[63].

То, что Карамзин в начале XIX века выступил с обоснованием необходимости самодержавия, не удивительно. Историческая обстановка в России в последние годы XVIII и первые годы XIX века, обострение классовых противоречий в стране, растущее в русском обществе сознание необходимости социальных преобразований — все это вызывало у Карамзина стремление противопоставить веяниям нового нечто способное выдержать этот напор. В этих условиях твердая самодержавная власть предоставлялась ему надежной гарантией тишины и безопасности.

В конце XVIII века у Карамзина усиливается интерес к истории России и к политической жизни страны. Вопрос о характере самодержавной власти, о ее взаимоотношениях с народом, и прежде всего, с дворянством, вопрос о личности царя, его долге перед обществом оказались в центре его внимания. Эти вопросы встали перед Карамзиным еще в последние годы правления Екатерины II, и с тех пор интерес к ним возрастал с каждым годом. Последние годы правления Екатерины II ознаменовались усилением реакции во внутренней и внешней политике. Усиление деспотизма и самодержавного произвола сопровождалось беспорядками и злоупотреблениями в области внутреннего управления. Особым злом был фаворитизм, господство временщиков. Все это вызывало недовольство в среде дворянства, в общем довольного характером правления «матери отечества». Эти настроения нашли выражение в мемуарной литературе тех лет[64].

Среди недовольных царствованием Екатерины II был и Карамзин. Поэтому вступление Павла I на престол он встретил с надеждами на искоренение произвола и других отрицательных явлений в современной ему жизни. Свои надежды на новое правление он высказал в оде, написанной по случаю присяги московских жителей Павлу I. Ода не только осуждала предшествующее царствование, но и выдвигала программу-требование к но-

---

[63] «Старина и новизна», т. I, стр. 60.

[64] Об этом см. М. В. Клочков. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. СПб., 1916, стр. 104—108 и др.

вому царю. Укором Екатерине звучали те строки оды, в которых Павел I выступал как блюститель законов: «На троне правда с ним явилась, с законом совесть примирилась, она в России судия»[65]. На Павла возлагалась обязанность восстановления правого суда в стране, умелого выбора начальников, достойного окружения трона.

Акты помилования Павлом I политических заключенных, осужденных при Екатерине II, Карамзин воспринял с радостью и расценил как восстановление правовых норм. В письме к брату от 17 декабря 1796 года он, сообщая радостную весть об освобождении Н. И. Новикова и прощении масонов, писал: «...государь хочет царствовать с правдою и милосердием, и обещает подданным своим благополучие»[66].

Как известно, Павел не оправдал возлагавшихся на него надежд. В его политической программе, отмечает А. В. Предтеченский, «идея неограниченной централизованной власти стала едва ли не господствующей»[67]; в своих теоретических воззрениях и в практике управления» Павел отождествлял самодержавие и деспотизм[68]. Деспотический режим, который установил Павел I, не отвечал ни настроениям общества, ни требованиям времени. Он являлся, как указывает А. В. Предтеченский, историческим анахронизмом. В социально-экономических условиях, в которых находилась тогда Россия — разложение феодально-крепостнической системы, формирование капиталистического уклада, обострение классовой борьбы, — доведенная до крайностей абсолютная власть скорее способствовала обострению противоречий в стране и таким образом не выполняла своей основной функции: сохранения и укрепления феодально-крепостнического строя. Это очень хорошо чувствовали современники Павла I. Хотя идея неограниченной самодержавной власти поддерживалась широкими кругами русского дворянства, деспотический образ правления Павла и полицейский режим вызывали недовольство, особенно среди дворянства в обеих столицах. Среди приближенных к Павлу I лиц, в армии среди

---

[65] Н. М. Карамзин. Ода на случай присяги московских жителей его императорскому величеству Павлу I. М., 1796, стр. 5.
[66] Н. М. Карамзин. Соч., т. III, стр. 711.
[67] А. В. Предтеченский. Ук. соч., стр. 43.
[68] Там же, стр. 53.

офицеров и генералов зрели оппозиционные настроения[69].

Карамзин также был недоволен деспотическим правлением Павла. Это недовольство прорывалось, при всей осторожности Карамзина, в его письмах. Так, в письме к брату Василию Михайловичу в 1797 году он писал: «Нам опять позволено носить фраки; но круглые шляпы остаются под строгим запрещением»[70]. А в январе 1798 года снова: «Новостей у нас немного. С месяц говорили все о банке, а теперь говорят о запрещении фраков. Летом по улице надобно будет ходить во французском кафтане и в кошельке, или в мундире со шпагою»[71]. Конечно, такая строгая мелочная регламентация и деспотизм правительства не могли не вызвать у Карамзина раздражения. Они вообще не вязались с его убеждением, что «подданные вольны по мыслям жизнь располагать» и зависеть только от законов. Особенно произвол павловского правления Карамзин почувствовал в связи со своими издательскими делами.

В одах на вступление Александра I на престол Карамзин, приветствуя молодого царя, высказал осуждение Павлу I. Воспользовавшись тем, что в своем манифесте Александр I провозгласил возвращение к принципам правления Екатерины II, Карамзин осудил правление Павла, противопоставив его теперь уже времени правления Екатерины, «когда премудрые уставы внутри хранили наш покой». Правление Павла он сравнил с мрачными ужасами зимы и приветствовал вступление Александра I, который за короткое время показал, что «уже спокойно можно жить»[72]. В «Записке о древней и новой России» Карамзин дал оценку царствования Павла I в резких обличительных словах: «Что сделали якобинцы в отношении к республике, то Павел сделал в отношении к самодержавию: заставил ненавидеть злоупотребления оного... К неизъяснимому изумлению рос-

---

[69] Об этом см.: А. В. Предтеченский. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в.; А. И. Парусов. Дворцовый переворот 11 марта 1801 г. и вопросы преобразования государственного аппарата России. «Уч. зап. Горьковского ун-та», 1961, вып. 52; В. В. Клочков. Ук. соч.

[70] Н. М. Карамзин. Соч., т. III, стр. 712.

[71] Там же.

[72] Н. М. Карамзин. Соч., т. I, стр. 206.

сиян, он начал господствовать всеобщим ужасом, не следуя никаким уставам, кроме своей прихоти; считал нас не подданными, а рабами...»[73].

В двух одах, написанных Карамзиным по случаю вступления Александра I на престол и по случаю его коронования, он высказал одобрение первым шагам Александра в управлении и изложил желательную программу царствования. Полное изложение своих политических требований к новому самодержцу Карамзин дал в «Историческом похвальном слове Екатерине II». «Слово» написано Карамзиным в 1801 году и через Д. П. Трощинского вручено Александру I[74].

Обращение Карамзина к Екатерине II с похвальным словом выглядит несколько неожиданным, поскольку до «Слова» Карамзин не высказывал восторгов по ее адресу.

Трудно предположить, чтобы Карамзин вдруг резко изменил свое мнение о характере правления Екатерины. «Записка о древней и новой России» показывает, что в общем он его не менял. Признавая блистательность и мудрость ее царствования, Карамзин отмечал наряду с этим и серьезные недостатки в ее правлении: падение нравов «от примеров двора любострастного», упрекал Екатерину за отсутствие твердых правил и нравственности в гражданской жизни, осуждал за роскошь, которая влекла за собой задолженность дворянства; указывал на отсутствие правосудия. «В самых государственных учреждениях Екатерины, — писал он, — видим более блеска, нежели основательности: избиралось не лучшее по состоянию вещей, но красивейшее по формам»[75]. Последние годы ее правления он вообще охарактеризовал как «слабейшие в правилах и исполнении»[76].

Почему же, не меняя в общем своего мнения о царствовании Екатерины II, он именно в нем ищет исторический пример для молодого царя.

Вероятно, объяснение этому нужно искать в политических соображениях Карамзина: Александр I объявил

[73] Н. М. Карамзин. Записка о древней и новой России. СПб., 1914, стр. 42.

[74] «Слово» было напечатано Карамзиным отдельной брошюрой в 1802 г. (см. М. П. Погодин. Материалы, т. I, стр. 337).

[75] Н. М. Карамзин. Записка..., стр. 40.

[76] Там же, стр. 42.

в своем манифесте о намерении царствовать по «законам и сердцу» бабки своей Екатерины II. Поэтому Карамзин и обратился к Екатерине. Но были и другие мотивы, заставившие Карамзина искать исторический пример для Александра в царствовании Екатерины, точнее в первой половине ее царствования, которая проходила под знаменем «просвещения».

Как можно определить по письмам и произведениям последних лет XVIII века и первых XIX (особенно по статьям в «Вестнике Европы» и по «Похвальному слову Екатерине II»), самодержавие он рассматривал в эволюции, которая определялась развитием нравственности и просвещения. Развитие самодержавия шло в направлении уменьшения самовластия царей и установления «просвещенной» формы правления, которая больше отвечала требованиям нравственного и умственного развития русского общества во второй половине XVIII и начале XIX века. Самодержавие, как считал Карамзин, меняло свои формы и законы, приноравливаясь к уровню развития общества.

Так, на ранней стадии возникновения государства отношения между людьми строились на обычном праве, а конфликты разрешались кулаком. Тогда, по мнению Карамзина, законодателю было легко «управлять народом грубым и полудиким, которого нужды, понятия и страсти малочисленны; которого душа недеятельна и разум дремлет»[77]. С развитием гражданской жизни человек узнал новые потребности, новые выгоды. В этих условиях государственная власть и законы выступают как регуляторы отношений в обществе. Их главная цель — обуздывать страсти, поэтому они по большей части носят деспотический характер. Дальнейшие успехи просвещения исцеляют гражданина от «необузданности», «открывая каждому пользу справедливости, честности и мирной жизни». К тому времени человек уже *«осмотрится* в политическом обществе.., уже привыкнет ко власти законов, *отнимающих* и *дающих»*[78]. В этих условиях государственная власть и законы должны принимать более мягкий характер.

В «Похвальном слове» Карамзин, прослеживая развитие русского самодержавия от абсолютизма Петра I

[77] Н. М. Карамзин. Соч., т. I, стр. 331.
[78] Там же.

к более мягкому и просвещенному правлению Екатерины, указывал при этом, что Екатерина II сделала то, что не мог осуществить Петр, потому что она управляла более просвещенным народом.

Очевидно, в конце века Карамзин не совсем еще определил, какой характер должно принять самодержавие в конце XVIII века, после пережитого миром революционного взрыва. Во всяком случае, был момент, когда он склонялся к мысли, что в интересах сохранения и укрепления самодержавно-крепостнического строя и для предотвращения революции России необходима твердая власть, подобная абсолютизму Петра I. Этим объясняется, очевидно, замысел Карамзина написать похвальное слово Петру I.

«Мне хотелось бы, — сообщал он в письме к И. И. Дмитриеву в 1798 году, — ...написать два похвальных слова Петру Великому и Ломоносову... Надлежало бы доказать, что Петр самым лучшим способом просвещал Россию; что изменение народного характера, о котором твердят нам его критики, есть ничто в сравнении с источником многих новых благ, открытым для нас петровою рукою...»[79]. Быть может, за стремлением написать похвальное слово Петру I стояло желание противопоставить революционным преобразованиям во Франции созидательную силу монархии, которая обеспечивала бы прогресс без революционных потрясений. В 1798 году Карамзин приступил к обдумыванию похвального слова Петру I, в его записной книжке появились «мысли для похвального слова Петру I». Но оно написано не было, а появилось похвальное слово Екатерине II. Чем это объяснить?

Можно предполагать, что Карамзин отказался от написания похвального слова Петру I по ряду причин. «Слово» он рассматривал как программу для настоящего и будущих царствований (как это и было с похвальным словом Екатерине II). Очевидно, работая над материалом к похвальному слову Петру, Карамзин понял, что деспотический характер правления Петра I не соответствовал уже духу времени. На глазах был пример правления Павла I. Для преобразований Петра были характерны крутые меры, резкие перемены, а этого

---

[79] Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, стр. 102.

Карамзин теперь боялся, он был сторонником медленных, постепенных реформ. Отсюда появилось сомнение в правильности и нужности резкой ломки, скорых реформ. Впоследствии эти сомнения вылились в «Записке о древней и новой России» в осуждение петровских преобразований, особенно методов, посредством которых Петр I просвещал Россию. В 1798 году Карамзин еще был далек от таких выводов, но понял, что преобразования, подобные петровским, таят в себе опасность для существующего порядка вещей: резкие перемены могли дать толчок народным выступлениям.

В существующих исторических условиях, как думал Карамзин, более приемлемой была тактика медленных, постепенных преобразований, тактика лавирования и сглаживания противоречий.

При ознакомлении с «Мыслями для похвального слова Петру Великому» Карамзина бросается в глаза их идентичность с «Письмами русского путешественника».

Близость этих двух текстов позволяет думать, что или Карамзин использовал материал, собранный для похвального слова Петру I, поместив его в полном издании «Писем русского путешественника»[80], или то, что написано в начале 90-х годов в первом варианте «Писем русского путешественника», использовано им в качестве «мыслей для похвального слова Петру I». И в том и в другом случае можно сделать один вывод: в оценке Карамзиным деятельности Петра I в начале 90-х годов и в конце различия не было. Осуждение Петра I за потерю русскими национальной самобытности, которое есть в «Записке о древней и новой России», он вплоть до начала XIX века не высказывал. Нет его и в «Историческом похвальном слове Екатерине II».

Итак, Карамзин пришел к выводу, что Петр I в качестве исторического примера для самодержца начала XIX века не подходит. В XVIII веке он видел еще только одну личность и одно правление, заслуживающее внимания — это царствование Екатерины II. Политика Екатерины II начала ее царствования представлялась Карамзину наиболее целесообразной в условиях революции во Франции, более соответствовавшей духу вре-

---

[80] Последний 5-й том «Писем русского путешественника» подготовлен Карамзиным для печати в 1799 году.

мени и степени просвещения, которого достигла Россия. Так появилась идея написать похвальное слово Екатерине II. Осуществил Карамзин эту идею сразу же после вступления на престол Александра I.

«Историческое похвальное слово Екатерине II» отнюдь не являлось апологией Екатерине II, как, например, понимал его М. В. Клочков, расценивавший «Слово» как «крайнее выражение восторгов» в адрес Екатерины [81]. М. П. Погодин иначе понял значение «Слова». По его определению, имя Екатерины служило Карамзину «щитом», за которым он мог «безопаснее проводить свои собственные мысли, гораздо успешнее внушать желаемые понятия о царских обязанностях» [82]. Погодин справедливо указывал, что свои мысли «о желаемом правлении» Карамзин изложил «не в умозрительных, отвлеченных рассуждениях», а на историческом примере действий Екатерины [83].

В советской историографии «Историческое похвальное слово Екатерине II» обойдено вниманием. В учебниках историографии его упоминают как документ, в котором Карамзин выступил с защитой крепостничества и самодержавия и восхвалением политики «просвещенного абсолютизма» Екатерины II [84]. Интересные мысли по поводу этого документа высказал Г. П. Макогоненко в статье «Литературная позиция Н. М. Карамзина в XIX веке». В ней автор указал на «фальшивую оценку правления императрицы», данную Карамзиным. «Но сочинение интересно другим, — пишет Г. П. Макогоненко, — в нем изложена программа царствования Александра... Карамзин и свел все содержание «Слова» к популяризации идей «Наказа», объявляя их программой для составляемых Александром новых законов» [85]. С этим нельзя не согласиться.

Изучение «Исторического похвального слова Екатерине II» приводит к следующему выводу: «Карамзин выбрал в обзоре царствования Екатерины то, на что

---

[81] М. В. Клочков. Ук. соч., стр. 93.

[82] М. П. Погодин. Материалы, т. I, стр. 326.

[83] Там же.

[84] «Историография истории СССР» под ред. В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева. М., 1971, стр. 117.

[85] «Русская литература», 1962, № 1, стр. 85—86.

считал нужным обратить внимание ее внука, он умышленно умолчал о всех теневых сторонах ее царствования, которые отметил в «Записке».

В «Слове» правление Екатерины расценивается как новая ступень в развитии самодержавия, как продолжение и развитие политики Петра I в новых условиях. «Екатерина явилась на престоле оживить, возвеличить творение Петра; в ее руке снова расцвел иссохший жезл бессмертного... Екатерина II в силе творческого духа и в деятельной мудрости правления была непосредственною преемницей Великого Петра...»[86]. «Наказ» Екатерины Карамзиным расценивается в «Слове» как самая лучшая основа для политического образования России[87].

Какие же формы должна была принять самодержавная власть в начале XIX века по представлению Н. М. Карамзина?

Самодержавие Карамзин понимал как единоличную власть самодержца, не ограниченную никакими учреждениями. Но самодержавие, в понимании Карамзина, не означает произвола властителя, оно предполагает наличие «твердых уставов» — законов, согласно которым самодержец управляет государством, ибо гражданское общество только там, где есть и исполняются законы, т. е. в полном соответствии с идеями рационализма XVIII в.

«Меч был первым властелином людей, — писал Карамзин в «Похвальном слове», — но одни законы могли быть основанием их гражданского счастья»[88].

Самодержец выступает у Карамзина как законодатель, принятый им закон обязателен не только для подданных, но и для самого самодержца. Означало ли это «примат закона перед властью самодержца»? — как считает А. В. Предтеченский[89]. Очевидно, нет. Как можно судить и по одам, и по «Слову», государь у Карамзина выступает как законодатель, но исполнение им законов зависит только от его воли.

В оде, посвященной восшествию на престол Александра I, Карамзин уподобляет самодержавную власть божественной: «Велик, как бог, законодатель; он мирных

[86] Н. М. Карамзин. Соч., т. I, стр. 277.
[87] Там же, стр. 326.
[88] Там же, стр. 301.
[89] А. В. Предтеченский. Ук. соч., стр. 65.

обществ основатель, и благодетель всех веков»[90]. В понимании характера самодержавной власти он полностью солидарен с «Наказом» Екатерины, а в «Наказе» — монарх рассматривался как создатель законов: он следует своим «благоизволениям, от коих проистекают и проистекли законы»[91].

«Государь есть источник всякой власти в монархии; но сия власть должна действовать через некоторые посредства, некоторым определенным образом: рождаются правительства и законы, которые делают твердым и неподвижным установление всякого государства»[92].

Самодержец, по мнению Карамзина, обязан выполнять законы, иначе его правление превращается в тиранию, а такая власть противна разуму. Опираясь на рационалистические учения об обществе, он утверждал, что где нет законов, там нет гражданского общества. Здесь принципиально важно установить, что понимал Карамзин под «обществом», «гражданами», «народом»? Дело в том, что часто под этими понятиями скрывается этническое целое — русский народ, но иногда они имеют узкосословный смысл, и тогда за ними скрывается только дворянство.

Все оды, адресованные Карамзиным русским самодержцам, содержали в себе требование — напоминание соблюдать существующие в стране законы. В оде «К милости» он напоминал императрице о необходимости соблюдать законы, так как только в этом случае «гражданин довольный без страха может засыпать»[93]. В оде, адресованной Павлу I, он написал, что Павел «хочет счастья миллионов, полезных обществу законов...»[94].

Отлично понимая, что самодержавие только незначительной гранью отделено от деспотии и зависит от личности царя, Карамзин в качестве противовеса деспотизму выдвигал требование обязательного исполнения монархом законов, но никакого учреждения, обеспечивающего подчинение царя закону, он не предусматри-

---

[90] Н. М. Карамзин. Соч., т. I, стр. 201.
[91] «Наказ императрицы Екатерины II». СПб., 1907, статья 511.
[92] Н. М. Карамзин. Соч., т. I, стр. 314. «Наказ», статьи 19—21.
[93] Н. М. Карамзин. Соч., т. I, стр. 14.
[94] Н. М. Карамзин. Ода по случаю присяги московских жителей... Павлу I, стр. 5.

вал. «Сколь трудно править самовластно, и небу лишь отчет давать, — писал он, обращаясь к Александру. — Он может все, но свято чтит его ж премудрости законы» [95]. Таким образом, единственной гарантией от превращения самодержавной власти в деспотическую являлась личная добродетель царя.

В качестве некоторого ограничителя произвола самодержца у Карамзина выступает Сенат, который он в соответствии с «Наказом» рассматривал как «совесть монарха» и как «руку монарха в отношении к народу». В «Похвальном слове» Карамзин неслучайно уделил большое внимание Сенату и его функциям. Это вызвано умалением роли последнего в правление Павла I, которое наметилось еще при Екатерине II, но более ясно проступило именно в конце века, когда его роль свелась к роли высшего судебного учреждения. Карамзин, очевидно, ставил роль Сената в зависимость не только от воли самодержца, но и от поведения его членов. Члены Сената, по его мнению, в первую очередь должны пользоваться правом говорить царям истину, т. е. указывать на ошибки правления.

В «Вестнике Европы», комментируя указ о восстановлении роли Сената, он называл его «блюстителем законов»: «Читая указ о правах и должностях Сената, россиянин благоговеет в душе своей перед сим Верховным местом империи, которое никакому правительству в мире не может завидовать в величии, будучи храмом вышнего правосудия и блюстителем законов, столь священных ныне в России. Сей указ напоминает нам славное начало Сената, когда первый император России... основал его как спасительный колос власти в столице государства...» [96].

Карамзин противоречив в определении роли Сената. В «Слове» и статьях «Вестника Европы» он представляет Сенат как высшее учреждение государства, как правительство и хранилище законов. Но Сенат практически не имеет никаких прав в ограничении деспотической власти царя, он может только апеллировать к совести и добродетели монарха. Это противоречие можно объяснить противоречивостью взглядов Карамзина. При-

---

[95] Н. М. Карамзин. Соч., т. I, стр. 204—205.
[96] «Вестник Европы», 1802, № 19, стр. 235—236.

нимая самодержавие как неограниченную власть царя, он должен был признать и неограниченность прав самодержца. Но он видел необходимость предотвратить возможность превращения самодержца в тирана, как это было на его глазах с Павлом I. В борьбе этих двух тенденций победила идея неограниченной власти. Поняв, насколько мала роль Сената и других «посредствующих властей» в самодержавном государстве, Карамзин всю надежду возложил на личную добродетель монарха. В «Записке о древней и новой России» он выступил против всяких попыток ограничить волю самодержца. «В самом деле, — писал он, — можно ли какими способами ограничить самовластие в России, не ослабив спасительной царской власти? Умы легкие не затрудняются ответом и говорят: «можно, надобно только поставить закон еще выше государя». Но кому дадим право блюсти неприкосновенность этого закона? Сенату ли? Совету ли? Кто будут члены их? Выбираемые государем или государством? В первом случае они — угодники царя, во втором захотят спорить с ним о власти, — вижу аристократию, а не монархию. Далее: что сделают сенаторы, когда монарх нарушит устав? Представят о том его величеству? А если он десять раз посмеется над ними, объявят ли его преступником? Возмутят ли народ?»[97].

Таким образом Карамзин приходит к выводу, что ни один институт в государстве не может ограничить самодержавную власть. И тогда как последнее средство, способное ограничить деспотические притязания самодержца, он называет совесть царя и создавшиеся традиции: «...Государь имеет только один верный способ обуздать своих наследников в злоупотреблениях власти: да царствует добродетельно! Да приучит подданных ко благу! ...Тогда родятся обычаи спасительные; правила, мысли народные, которые лучше всех бренных форм удержат будущих государей в пределах законной власти...»[98].

Самодержавное государство может развиваться только в случае соблюдения его «начальных оснований», говорит Карамзин вслед за Екатериной II. Законы в

[97] Н. М. Карамзин. Записка о древней и новой России, стр. 46—47.

[98] Там же, стр. 47; см. также об этом: А. В. Предтеченский. Ук. соч., стр. 274.

самодержавном государстве должны отвечать характеру самодержавной власти: например, равенство всех перед законом в самодержавном государстве недопустимо, так как «это несогласно с духом повиновения», который определяет характер самодержавной власти[99]. В то же время законодательная воля царя также не определяется «собственными мечтами», а должна идти в русле традиционного «порядка вещей»[100].

Несмотря на то что самодержавная власть рассматривалась Карамзиным как наследственная, истоком ее возникновения все же оставался договор между обществом и властью. А общественный договор предполагал, что основной обязанностью власти является обеспечение процветания данного общества. За неограниченную власть самодержец должен платить обществу трудом на благо государства и заботой о благе подданных. В оде на коронование Александра I Карамзин напоминал об этой обязанности молодому царю: «Но ты священными трудами как будто платишь нам за власть»[101].

В «Похвальном слове Екатерине II» Карамзин перечисляет обязанности монарха перед обществом: монарх должен не только обеспечивать внешнее «благоденствие» державы, поддерживать ее международный престиж, но, прежде всего, должен обеспечить внутреннее процветание страны, благополучие ее граждан. «Слава и власть венценосца должны быть подчинены благу народному..; не подданные существуют для монархов, но монархи для подданных»[102]. Эту истину, как указывал Карамзин, цари забывают и только Екатерина «дерзнула объявить об этом».

Власть на основе общественного договора отнимает у людей естественную свободу, взамен она должна обеспечить свободу гражданскую, которую Карамзин определяет, ссылаясь на «Наказ» как «спокойствие духа, происходящее от безопасности, и право делать все дозволяемое законами»[103]. В данном случае теория общественного договора использовалась не для обоснования

---

[99] Н. М. Карамзин. Соч., т. I, стр. 326.
[100] Там же, стр. 327.
[101] Там же, стр. 205.
[102] Там же, стр. 328.
[103] Там же, стр. 314.

суверенитета всего народа, а для обеспечения политических прав дворянства.

Характер законов, как уже говорилось, по мнению Карамзина, определяется характером власти и сообразуется с духом народа. Законы должны обеспечивать гражданам личную безопасность, правосудие и защиту собственности. «Личная безопасность есть первое для человека благо, — писал Карамзин, — ...без нее жизнь наша, среди всех иных способов счастья и наслаждения, есть вечное мучительное беспокойство»[104]. «Свобода там, где есть уставы, где добрый не боясь живет, там рабство, где законов нет, где гибнет правый и неправый», — писал он в оде на коронование Александра I[105].

Отношения между властителем и подданными должны строиться на основе взаимного уважения и доверия. Сила и прочность власти, указывал Карамзин, обеспечиваются не войском, а поддержкой общества. Для обеспечения прочности своей власти самодержец должен уважать «в подданном сан человека, нравственного существа, созданного для счастья в гражданской жизни»[106]. В лице Петра I и Екатерины II он видит таких самодержцев, которые не требовали «слепого повиновения», в отличие от самовластных владык. «Петр I, — писал Карамзин в «Слове», — хотел возвысить нас на степень просвещенных людей», а Екатерина «хотела обходиться с нами как с людьми просвещенными»[107]. Екатерина, указывал он, вообще смягчила правление, «одни преступники, или явные враги ее, следственно враги общего благоденствия, страшились пустынь сибирских...»[108]. Подданные, как полагал Карамзин, должны обладать правом выражать свое мнение монарху. «Несчастливо то государство, — цитирует он «Наказ», — в котором никто не дерзает представить своего опасения в рассуждении будущего, не дерзает свободно объявить своего мнения»[109]. Под подданными и гражданами в данном случае следует понимать дворян — крестьянам, как известно, указ 1767 года запретил подавать чело-

---

[104] Н. М. Карамзин. Соч., т. I, стр. 303.
[105] Там же, стр. 205.
[106] Там же, стр. 302.
[107] Там же.
[108] Там же, стр. 303.
[109] Там же, стр. 327.

битья «в собственные ее величества руки». То, что Карамзин имел в виду дворян, подтверждается текстом «Оды на восшествие на престол Александра I», в которой Карамзин упоминает о традиции предков говорить царям правду: «У нас Пожарские сияли, и Долгорукие дерзали Петру от сердца говорить»[110].

Карамзин старался возвысить значение подданного-дворянина в самодержавном государстве: подданный, доказывал он, не раб, а гражданин-патриот, которому не безразлична судьба отечества. Заявляя о необходимости законов, о гарантировании гражданской свободы (конечно, в урезанном виде — личная безопасность, обеспечение права собственности и правый суд), об уважении со стороны самодержца к высокому сану человека, Карамзин в то же время, связанный идеей самодержавной власти, не находит никаких гарантий для обеспечения своих требований, кроме совести и сознательности самодержца. Не закон обеспечивает эти права, а воля властителя.

Но поскольку самодержавие, как уже указывалось, по мнению Карамзина, в просвещенном обществе принимает более мягкие формы, то он полагал, что развитие просвещения должно привести к тому, что самодержец начнет советоваться со своими подданными, постепенно вовлекая их таким образом в управление государством. Он отмечал как первую попытку, первый опыт приобщения дворянства к решению вопросов государственной важности созыв Екатериной II Уложенной Комиссии 1767—1768 годов. Тогда, писал он, Екатерина «хотела разделить славу свою с подданными, и признала их достойными быть советниками трона»[111]. Она хотела, «чтобы они предложили свои мысли о полезных уставах для государства»[112]. Карамзин следующим образом рассказывает о работе комиссии: «депутаты сообщали свои мысли о предметах общего уложения».., «Екатерина невидимо внимала каждому слову, и Россия была в ожидании»[113]. Далее Карамзин сообщал, что работу Комиссии прервала Турецкая война, но тут же указывает на истинную, по его мнению, причину рос-

---

[110] Н. М. Карамзин. Соч., т. I, стр. 203.
[111] Там же, стр. 309.
[112] Там же, стр. 309.
[113] Там же, стр. 329.

пуска Комиссии: «Сограждане! принесем жертву искренности и правде; скажем — что великая не нашла, может быть, в умах той зрелости, тех различных сведений, которые нужны для законодательства. Да не оскорбится тем справедливая гордость народа российского! Давно ли еще сияет для нас просвещение Европы?.. Сколько мудрости потребно законодателю? Сколь трудно знать человеческое сердце, предвидеть все возможные действия страстей, обратить к добру их бурное стремление, или остановить твердыми оплотами, согласить частную пользу с общей; наконец — после высочайших умозрений... спуститься в обыкновенную сферу людей и тончайшую метафизику преобразить в устав гражданский, понятный для всякого!»[114].

Хотя затея Екатерины, — отметил Карамзин, — приобщить подданных к решению государственных вопросов провалилась, тем не менее он считал, что «собрание депутатов было полезным», ибо «мысли их открыли монархине источник разных злоупотреблений в государстве»[115]. Возможно, что Карамзин специально остановился на работе Уложенной комиссии и ее результатах, стремясь обратить внимание Александра I на то, что его подданные готовы решать государственные вопросы. Тем более, что уже в первый год правления Александра I мнение о необходимости создания нового Уложения распространилось довольно широко[116]. Интересно отметить, что в «Слове» после текста, в котором рассказывалось о результатах работы Уложенной комиссии, Карамзин поместил следующее рассуждение: «Государства, подобно человеку, имеют разные нравственные возрасты: мудрый законодатель следует взором своим за их изменениями, и от времени до времени обновляет систему свою, прибавляя или иначе располагая части ее»[117]. Итак, в самодержавном государстве Карамзин видел две стороны: с одной — монарха, облеченного всей полнотой власти, но обязанного соблюдать интересы общества и обеспечивать его благо, а с другой — подданных, которые обязаны повиноваться монарху, но в то же время быть гражданами и также нес-

[114] Н. М. Карамзин. Соч., т. I, стр. 329—330.
[115] Там же.
[116] Об этом см.: А. В. Предтеченский. Ук. соч., гл. 2.
[117] Н. М. Карамзин. Соч., т. I, стр. 330.

ти ответственность за судьбы государства. Хотя подданные, по представлениям Карамзина, не могут принимать непосредственного участия в законодательстве и управлении страной, они морально обязаны указывать власти на все имеющиеся недостатки в правлении. Если они не дерзают на этот моральный протест, то это уже не граждане, а рабы.

Следует отметить, что Карамзин прекрасно видел разницу в понимании гражданственности у просветителей и в том, как он ее понимал для самодержавного государства. Прогрессивность теории общественного договора состояла в том, что она признавала право общества на протест против власти. Иногда Карамзин следовал логике этой теории, и тогда он приходил к выводу о праве общества на протест против власти. Так, в стихотворении «Тацит» (1797) он писал:

Тацит велик; но Рим, описанный Тацитом,
Достоин ли пера его?
В сем Риме, некогда геройством знаменитом,
Кроме убийц и жертв не вижу ничего.
Жалеть об нем не должно:
Он стоил лютых бед несчастья своего.
Терпя, чего терпеть без подлости не можно! [118]

П. А. Вяземский, комментируя это стихотворение Карамзина, писал: «На нем основываясь, заключаешь, что есть же мера долготерпению народному» [119]. Но в то же время, замечал Вяземский, Карамзин, гораздо прежде происшествий 14 (декабря) говорил: «честному человеку не должно подвергать себя виселице» [120]. «Был ли Карамзин, — спрашивает Вяземский, — преступен, обнародывая свою мысль (имеется в виду «Тацит») и не совершенно ли она противоречит апофегме, приведенной выше? (о виселице)?... Очевидно, дело в том, «чтобы определить теперь меру того, что *можно* и чего не должно *терпеть»* [121].

В этом «можно и должно» Карамзин кажется очень противоречивым. В Риме времен Тацита он не увидел граждан, так как они терпели то, что не должно было

---

[118] Н. М. Карамзин. Соч., т. I, стр. 178—179.
[119] П. А. Вяземский. Записные книжки, 1813—1848. М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 129.
[120] Там же.
[121] Там же.

терпеть. И в то же время в статье «О московском мятеже в царствование Алексея Михайловича», написанной в 1803 году, т. е. спустя 6 лет после «Тацита», он высказал восхищение «московским народом», который «великодушно терпел все ужасы времен царя Ивана Васильевича, все неистовства его опричных, которые, подобно шайке разбойников, злодействовали в столице как в земле неприятельской. Граждане смиренно приносили жалобу, не находили защиты, безмолвствовали — и только в храмах царя царей молили небо со слезами тронуть, смягчить жестокое сердце Иоанна»[122].

Не выглядят ли здесь москвичи так же, как жертвы и убийцы из стихотворения «Тацит»? Но вывод из их поведения Карамзин делает другой. На наш взгляд, в этих выводах Карамзин не противоречил себе. И дело тут совсем не в мере долготерпения.

Рим для Карамзина был государством с республиканскими традициями («республика была душою Рима»), а за гражданами республики он признавал право протестовать против незаконных действий власти. Россия же была самодержавным государством, самодержавие было его традицией, его исконным институтом, а в самодержавном государстве отношения между властью и народом строились на господстве и подчинении, а не на гражданстве. Поэтому Карамзин осуждал римлян за потерю гражданского достоинства и восхищался покорностью и долготерпением москвичей.

Выше уже говорилось, что Карамзин рассматривал самодержавие не как нечто неизменное, а развивающееся от полного самовластия царя, близкого к деспотизму, к более совершенной форме просвещенной монархии. Исходя из этого, «Тацит» Карамзина можно истолковать и иначе. Он написан в 1797 году, при Павле I, а Карамзин, как мы уже говорили, осуждал деспотический характер его правления. Возможно, в «Таците» Карамзин выразил протест против деспотизма Павла и возмущение долготерпением его подданных. Россия конца XVIII века — это не Россия Ивана Грозного. С точки зрения Карамзина, изменилось не только самодержавие, изменились отношения между государем и подданными, последние стали гражданами, а не рабами, и их граж-

---

[122] Н. М. Карамзин. Соч., т. I, стр. 398.

данским долгом был протест против деспотизма. Эту мысль он последовательно проводит в «Историческом похвальном слове Екатерине II».

Очевидно, Карамзин искренне верил в возможность достижения «царства всеобщего блага» в рамках самодержавного строя. В самодержавии он видел наиболее гибкую и подвижную форму правления, способную использовать все достижения просвещения для своего совершенствования. Государи, писал он в статье «Приятные виды...», «будучи, так сказать, вне обыкновенной гражданской сферы, вознесенные выше всех низких побуждений эгоизма, которые делают людей несправедливыми и даже злыми; наконец, имея все, они должны и могут чувствовать только одну потребность: благотворить...» [123]. К. С. Сербинович писал в своих воспоминаниях о Карамзине, что тот имел «глубокое, искреннее убеждение в превосходстве правления монархического, которое в руках мудрого легче делает полезные преобразования и с успехом подвигает народ к лучшему состоянию» [124].

Карамзин видел в самодержавии то прогрессивное начало, которое подталкивает общество вперед, преобразуя его и направляя его развитие к совершенству: «Великая Екатерина, — писал он, — даровала нам систему политических уставов, определяющих права и отношения состояний к государству». Александр I продвинул общество на новую ступень, даровав «систему гражданских законов, определяющих взаимные отношения граждан между собою» [125]. «Мы спешим к цели, — писал он далее, — и обращая взор на то место, где нашел Россиян Петр, где нашла их Екатерина, смело надеемся, что между сею блестящею целью и нами скоро не будет уже ни одного европейского народа» [126].

В «Похвальном слове» и ряде статей, написанных Карамзиным в 1802—1803 годах, неоднократно проскальзывает мысль, что процесс совершенствования самодержавия опередил развитие общества. Так, в «Похвальном слове» он подчеркивал, что «Наказ», Уложенная комиссия и все законодательство Екатерины указывали

---

[123] Н. М. Карамзин. Соч., т. III, стр. 588.
[124] «Русская старина», 1874, т. XI, октябрь, стр. 260.
[125] Н. М. Карамзин. Соч., т. III, стр. 593.
[126] Там же, стр. 598.

обществу путь развития, но общество оказалось не готовым к пониманию этих задач. Уложенная комиссия не дала результатов потому, писал он, что «Екатерина II не нашла, может быть, в умах той зрелости, тех различных сведений, которые нужны для законодательства»[127]. Законы, изданные Екатериной, по его мнению, были хороши и соответствовали духу народа и форме правления, но они опередили общество, которое еще оставалось невежественным и неспособным следовать этим законам.

Петр I, доказывал он, направил страну на путь просвещения, Екатерина раскрыла перед ней путь в будущее через свое законодательство, Александр I продолжил эту линию, но все усилия монархов упирались в стену невежества. «Не одно народное славолюбие терпит от недостатка в просвещении; — писал Карамзин, — нет, он мешает всякому действию благотворных намерений правителя, на всяком шагу останавливает его, отнимает силу у великих, мудрых законов, рождает злоупотребления, несправедливости и — одним словом — не позволяет государству наслаждаться внутренним общим благоденствием, которое одно достойно быть целью истинно великого, т. е. добродетельного монарха, Александр... желает просветить россиян, чтобы они могли пользоваться его человеколюбивыми уставами, без всяких злоупотреблений и в полноте их спасительного действия»[128].

Таким образом, Карамзин и перед обществом и перед правительством ставил как первоочередную задачу — просвещение всех сословий в целях совершенствования и прогресса русского государства. Возможно, он полагал, что постепенно, через просвещение, все государственные сословия будут подняты до необходимой степени нравственного совершенства. Не меняя самой структуры феодального общества, Карамзин таким образом надеялся достигнуть того, что каждый человек, находясь на своем месте, будет честно и со знанием дела исполнять свою должность.

Если же учесть, что непосредственным следствием просвещения, согласно концепции Карамзина, будет искоренение пороков и утверждение добродетели, то само

[127] Н. М. Карамзин. Соч., т. I, стр. 329.
[128] Н. М. Карамзин. Соч., т. III, стр. 349—350.

это общество должно строиться на гуманистических началах. Но, очевидно, Карамзин допускал, что утверждение добродетели приведет, в конце концов, и к некоторым изменениям в политической структуре общества: развитие самого самодержавия будет в дальнейшем идти по линии все большего привлечения всех сословий в законодательную деятельность. Именно так можно понять следующее место из «Похвального слова». В «Учреждении о губерниях» Карамзин, как «великую мысль» императрицы, отметил ее стремление «ввести в правление все три гражданских состояния, приучить людей к законоведению, утвердить правосудие на собственном их благе. Всякий, — писал он, — может быть судьею для равных ему, и должен знать уставы государственные; всякий для своей безопасности избирает достойнейшего, поручая ему некоторым образом жребий свой; ...всякий боится употребить во зло общую доверенность, ибо через три года возвратится он в состояние частного гражданина, и будет наказан общим презрением, если не исполнит обязанностей чести» [129].

Но опять это не влекло за собой уничтожение сословного строя, а рассматривалось как «счастливое сближение» разных состояний, которое, как ему казалось, «бывает следствием утонченного государственного образования» [130].

Проникновение просвещения в низшие сословия, втягивание крестьянства в торговлю он также расценивал как положительные явления, свидетельствующие о сближении сословий. «Патриот, — писал он в «Вестнике Европы», — с радостью видит, как свет ума более и более стесняет темную область невежества в России... Наше среднее состояние успевает не только в искусстве торговли, но многие из купцов спорят с дворянами и в самых общественных сведениях... Они чувствуют более, нежели когда-нибудь важность прав своих». В то же время крестьяне, как отмечал он далее, «входят в самые торговые предприятия», имеют «доверенность купечества» и свято исполняют «свои коммерческие обязательства» [131]. Он видел в этих явлениях только первые шаги к более совершенному общественному устройству:

---

[129] Н. М. Карамзин. Соч., т. I, стр. 332.
[130] Н. М. Карамзин. Соч., т. III, стр. 337.
[131] Там же, стр. 590—591.

«Глубокомысленный, важный ум, — писал он, — должен обуздать нетерпеливость доброго сердца, которое, пленяясь намерением, хочет немедленных плодов закона благодетельного. Нет, великие государственные творения бывают медленны — так угодно небу — и если Россия в одном смысле удивляет нас своими быстрыми, счастливыми успехами, то с другой стороны она же доказывает, сколь трудны, неровны и нескоры шаги государств к цели гражданского просвещения»[132].

Говоря о теории самодержавия Карамзина, следует обратить внимание на идеализацию им этой формы правления. Теоретически самодержавие выступает у Карамзина как гибкая форма, поскольку власть находится в руках одного человека. Основной целью в жизни монарха-самодержца должно стать стремление к благу подданных. Для этого необходимым условием была добродетель (государственная) монарха. Но в жизни, как он видел, характер самодержавной власти целиком зависел от личности самодержца: придать ли правлению деспотические черты или характер просвещенной монархии. Интересам общества отвечал, несомненно, просвещенный монарх, но из российских самодержцев, пожалуй, никто не отвечал всем требованиям, предъявляемым Карамзиным к ним. И вот здесь-то Карамзин предполагал необходимым воздействие общества на монарха: в обязанность дворянства вменялось говорить монархам правду, указывать на все недостатки правления и таким образом воспитывать их. Нетрудно заметить, что эта мысль имела свои корни в идее союза монархов и философов, распространенной в XVIII веке. Свою теорию, как нам кажется, Карамзин применил к жизни. Чем иным можно объяснить его постоянное стремление поучать Александра I. Поучения эти начались с первых же лет царствования Александра и продолжались до его последних дней. В конце своей жизни Карамзин понял, что все его попытки «воспитать» Александра в соответствии со своими взглядами оказались тщетными. В бумагах, оставленных своим сыновьям, Карамзин признал свое поражение: говоря о встречах с Александром, он писал, что император слушал его советы, но им, большей частью, не следовал... «(Его) ми-

[132] Н. М. Карамзин. Соч., т. III, стр. 357.

лость и доверенность (ко мне) остались бесплодны для любезного отечества... Я не безмолвствовал о налогах в мирное время, о нелепой гурьевской системе финансов, о грозных военных поселениях, о странном выборе некоторых важных сановников, о министерстве просвещения или затмения, о необходимости уменьшить войско, воюющее только Россию, — мнимом исправлении дорог, столь тягостном для народа, наконец, о необходимости иметь твердые законы, гражданские и государственные.

В последней моей беседе с ним 28 августа ... я сказал ему как пророк: Sire, Vos années sont comptées; Vous n'avez plus rien à remettre, et Vous aver encore tant de choses à faire pour que la fin de Votre règne soit digne de son beau commencement. (Государь, Ваши дни кончаются, Вы не можете ничего откладывать, а должны еще столько сделать, чтобы конец Вашего царствования был достоин его прекрасного начала)»[133] (перевод мой. — *Л. К.*).

Признав монархию единственно разумной для России формой правления, Карамзин, естественно, принимал и сословное деление общества, поскольку оно лежит в самом принципе монархического строя. Карамзин считал такое деление общества извечным и закономерным: всякое сословие несло определенные обязанности в отношении государства. Признавая важность и необходимость двух низших сословий, Карамзин в духе дворянской традиции отстаивал право дворян на особые привилегии важностью их службы государству: «главные стражи вне и внутри». Привилегии дворянства он принимал как должное, как плату общества за особые заслуги сословия. Дворянство он рассматривал как главную опору трона.

В России, с точки зрения Карамзина, союз дворянства и трона был прочным. Продворянский характер политики русских царей был для него ясен. Он считал, что самодержавие в России, особенно во второй половине XVIII века, подняло дворянство над другими сословиями, даровав ему «полную меру политического благоденствия». Рассматривая в «Похвальном слове» законодательство Екатерины в отношении дворян, он в востор-

---

[133] Из бумаг Н. М. Карамзина, хранящихся в Государственном Архиве. С предисл. кн. Н. П. Мещерского. СПб., 1898, стр. 18.

ге восклицал: «Чего недостает к совершенству нашего гражданского благоденствия? каких выгод можем еще желать? кому завидовать? Мы свободны! судимы только равными себе! боимся одних законов! имеем голос в империи, и монарх внимает ему! Наша собственность неотъемлема...»[134]. Принимая «великие права» дворянства как должное, Карамзин считал, что они влекут за собой и «великие должности»[135]. В то же время он понимал, что в современном ему мире благородство происхождения и ссылки на заслуги предков не могут гарантировать их сохранение в будущем. «Слава богу! — писал он в «Вестнике Европы», — нигде уже благородные не думают, что пыльный генеалогический свиток есть право быть невеждою и занимать важнейшие места в государственном порядке»[136]. Для того, чтобы дворянство могло удержать свои позиции в государстве, Карамзин полагал необходимым, чтобы оно возвышалось над другими сословиями не только благородством происхождения, но и нравственным совершенством, образованностью и высшей степенью полезности обществу. Только такое дворянство способно, по его мнению, удержать в своих руках ключевые позиции в государстве, подчинить себе управление политической и духовной жизнью общества. Между тем, как он сознавал, русское дворянство в основной своей массе прозябало в невежестве, предавалось бездеятельной праздной жизни, оторвалось от своих народных корней, преклоняясь перед всем иноземным.

В связи с этим в концепции Карамзина на первый план опять выдвигалось воспитание и просвещение. Приветствуя как хорошее начинание чтение публичных лекций в Московском университете, Карамзин писал, что они особенно важны для образования дворянства в век, «когда отличные сведения необходимы для утверждения знаменитых прав дворянских...»[137]. Миссия воспитателя общества была не новой для Карамзина и, снова став издателем журнала «Вестник Европы», он начинает широко пропагандировать необходимость просвещения и образования дворянства. «Вестник Европы» поражает

---

[134] Н. М. Карамзин. Соч., т. I, стр. 343—344.
[135] Там же, стр. 344.
[136] Н. М. Карамзин. Соч., т. III, стр. 343.
[137] Там же, стр. 616.

разнообразием поднятых в нем вопросов, связанных с проблемой просвещения и нравственного образования дворянства. Статьи Карамзина отличаются целенаправленностью и страстным желанием осуществить программу перевоспитания дворянства. В журнале были поставлены вопросы борьбы с праздностью дворянства, вовлечения его в общественно-полезную деятельность, вопросы воспитания и просвещения молодежи, о кадрах преподавателей, проблемы патриотизма, отношений дворянства с другими сословиями и др.

Все более распространявшаяся среди дворянства привычка к праздной жизни вызывала особое беспокойство первого издателя «Вестника Европы». Паразитический образ жизни русских дворян Карамзин не связывал с социально-экономическим строем общества, а одну из причин его видел в несовершенстве законодательства. В современных ему условиях он не признавал особой нужды в обязательной службе дворянства отечеству «до изнеможения сил», как это было при Петре I. Указ Петра III о дворянской вольности он считал своевременным и заслуженным дворянством. Но, отмечая его положительные следствия — оживление жизни в провинции, — он видел и отрицательные. Указ о вольности дворянской, по его мнению, привел к тому, что дворяне стали вести «праздную и для государства малополезную жизнь» [138]. В результате указа ослабла зависимость дворянства от правительства, т. е. нарушилась связь трона и дворянства. Такое положение, писал он, не давало дворянам чувствовать зависимость от правления, «они могли бы некоторым образом забыть отношения гражданина к государству. Такое состояние конечно не благоприятствовало духу общественности и патриотизма» [139].

Екатерина II своим законодательством несколько исправила положение: сохранив принцип добровольности службы дворян, она через «Учреждение о губерниях» открыла дворянам новое поле для деятельности на благо отечества, вывела его «из произвольного заточения», соединила в общество. Одобряя эти меры, Карамзин считал их недостаточными: он полагал, что дворянство должно более активно участвовать в жизни обще-

---

[138] Н. М. Карамзин. Соч., т. I, стр. 337.
[139] Там же.

ства. В середине 90-х годов, в период растерянности, вызванной Французской революцией, Карамзин поднял было на щит идею частной жизни, признав бесполезность борьбы с пороками. Но уже к концу 90-х годов он отказался от мысли жить только для себя, так как увидел, что это опасно для того строя, который он защищал. Уже в 1798 году в стихотворении «Протей» он выступил с призывом действенного вмешательства в жизнь:

Не в поле, не в лесах святая добродетель
Себе воздвигла храм: Сократ в Афинах жил...
Не тот герой добра, кто скрылся от порока...
И прожил век один с полмертвою душой;
Но тот, кто был всегда примером для людей,
Среди бесчисленных опасных преткновений
Как мраморный колосс незыблемо стоял,
Стезею правды шел во мраке заблуждений,
Сражался с каждым злом, сражаясь побеждал [140].

Дворянство, по мысли Карамзина, должно было стать тем героем добра, который поведет за собой общество. Оно должно было взять в свои руки дело будущего страны. В представлении Карамзина решение этой задачи упиралось в нравственное несовершенство и непросвещенность дворян. Но поскольку Карамзин верил в воздействие слова на разум, то он в «Вестнике Европы» стал внушать читателям, что «дворянство никогда не упадало там, где оно любило жертвы для общего блага» [141], что «истинный российский дворянин не только посвящает жизнь отечеству, но готов и смертию доказать беспредельную любовь свою к общему благу» [142].

Расширяя традиционные представления дворянства о государственной службе только как о военной и чиновничьей, он указывал на новые сферы приложения сил дворянства: «Не все могут быть воинами и судьями, — писал он, — но все могут служить отечеству. Герой разит неприятелей или хранит порядок внутренний, судья спасает невинность, отец образует детей, ученый распространяет круг сведений, богатый сооружает монументы благотворения, господин печется о своих подданных, владелец способствует успехам земледелия: все равно полезны государству» [143]. Неограниченное поле

[140] Н. М. Карамзин. Соч., т. I, стр. 188.
[141] Н. М. Карамзин. Соч., т. III, стр. 352.
[142] Н. М. Карамзин. Соч., т. I, стр. 344.
[143] Н. М. Карамзин. Соч., т. III, стр. 597—598.

для деятельности дворянства Карамзин видел на ниве просвещения. Приветствуя указ Александра I о народном просвещении, он писал: «...Человеколюбивая политика удаляет от нас кровопролитие войны, но не для того, чтобы мы в мирной тишине жили только для удовлетворения прихотям безрассудной роскоши, всегда порочной»... «Теперь дворянство российское имеет случай доказать свое усердие к отечеству... Заведение и надежный успех сельских училищ зависят отчасти от патриотической ревности дворян: они без сомнения изъявят ее всеми возможными способами...»[144].

Стремление сосредоточить дело просвещения в руках дворянства отнюдь не было бескорыстным: Карамзин смотрел на просвещение как на средство воспитания спокойных и благомыслящих подданных царя русского. Но жизнь показала, что просвещенный народ может пойти за «ложными идеями», как это было во Франции. Чтобы предупредить возможность этого в России, нужно было направить просвещение народа по такому руслу, которое исключало бы возможность распространения «ложных идей» и вело бы к воспитанию спокойных граждан. Следовательно, все зависело от того, в чьих руках окажется просвещение народа. Понимая это, Карамзин писал: «...Всякий образованный ум, действуя на современников, действует и на потомство, которое не особенным откровением, а нашими мыслями и сведениями должно просветиться»[145].

Карамзин надеялся на то, что дворянство в будущем станет заниматься наукой, литературой, искусством, сделает их своими профессиями. И таким образом оно возьмет в свои руки не только аппарат власти и управления, но и просвещения и тем укрепит свое положение. Если ученый дворянин и в Европе «есть некоторая редкость, — писал он одной из статей «Вестника Европы», — то можем ли в России ждать благородных на профессорскую кафедру? хотя — признаюсь — я душевно бы обрадовался первому феномену в сем роде... Успехи просвещения должны более и более удалять государства от кровопролития, а людей от раздоров и преступления: как же благородно ученое состояние, которого дело

[144] Н. М. Карамзин. Соч., т. III, стр. 352, 353.
[145] Там же, стр. 346.

есть возвышать нас умственно, и приближать счастливую эпоху порядка, мира, благоденствия»[146]. С радостью сообщал он в одной из корреспонденций о дворянине-ученом[147].

Немаловажным был вопрос о нравственном облике русского дворянина. В «Вестнике Европы» он повел борьбу за нравственное совершенство дворянства. Обращаясь через свой журнал к дворянской аудитории, Карамзин пытался разбудить в ней дух патриотизма, дворянской гордости, пробудить чувство любви к отечеству, ко всему национальному. Вопросам воспитания дворянства он посвятил целую серию статей в журнале, а в художественных произведениях он поставил вопрос о положительном герое своего времени. В 1803 году в «Вестнике Европы» появились два произведения Карамзина, связанные между собой проблемой современного героя. Это роман «Рыцарь нашего времени» и «Моя исповедь». В них Карамзин показал путь формирования личности молодого дворянина. Герой романа «Рыцарь нашего времени» и герой «Моей исповеди» воспитывались в разных условиях и по-разному прожили жизнь. Герой «Моей исповеди», по его словам, сын богатых и знатных родителей «вырос шалуном! делал всякие проказы, и не был сечен! Выучился по-французски, и не знал народного языка своего!... В пятнадцать лет не имел идеи о должностях человека и гражданина»[148]. Он продолжил образование за границей под надзором женевца, с которым они вместе провели три года в Лейпциге, затем отправились в путешествие. «...Я наделал много шуму в своем путешествии, — говорил он, — тем, что, прыгая в контрадансах с важными дамами..., нарочно ронял их на землю.., а всего более тем, что с добрыми католиками, целуя туфель папы, укусил ему ногу...»[149]. Он возвратился в отечество, не имея «никакой ясной идеи» и «никакого сильного чувства, кроме скуки»[150]. Но тем не менее, стал законодателем для таких же молодых лоботрясов, как и он. Герой «Исповеди» быстро промотал все отцовские деньги, женился без любви

---

[146] Н. М. Карамзин. Соч., т. III, стр. 344.
[147] «Вестник Европы», 1803, № 11.
[148] Н. М. Карамзин. Соч., т. III, стр. 505—506.
[150] Там же, стр. 509.
[149] Там же, стр. 507—508.

и развелся, а в конце жизни сделался ростовщиком. Свое отношение к герою «Исповеди» Карамзин выразил в заключительных словах повести: «Некоторые люди, — заявляет его герой, — смотрят на меня с презрением, и говорят, что я остыдил род свой; что знатная фамилия есть обязанность быть полезным человеком в государстве и добродетельным гражданином в обществе»[151].

Герой «Исповеди», как указывается в начале ее, — не читатель журнала Карамзина. Этим подчеркивается, что он не входит в ту аудиторию, к которой адресовался журнал. Герой Карамзина и герой времени — Леон, главное действующее лицо романа «Рыцарь нашего времени». Роман не окончен, написанная часть охватывает лишь детские годы Леона. О его будущем можно только догадываться. Но поскольку роман несомненно автобиографичен, то представить дальнейшую судьбу героя нетрудно. Леон был сыном среднепоместного служилого дворянина. Отец его, по словам Карамзина, «русский коренной дворянин, израненный отставной капитан... ни богатой, ни убогой»[152]. Детские годы Леона проходят в деревне. От отца и его друзей, таких же служилых дворян, Леон заимствовал «русское дружелюбие, ...набрался духу русского и благородной дворянской гордости, которой он после не находил даже в знатных боярах»[153]. А «гордость дворянская, — говорит Карамзин, — есть чувство своего достоинства, которое удаляет человека от подлости и презрительных дел»[154].

Здесь очень важно отметить, что среда, из которой вышел Леон, является, по мнению Карамзина, носительницей лучших дворянских и национальных традиций, в отличие от аристократических родов, которые в воспитании и в образе жизни не сохранили ни национальных обычаев, ни понятий. Леон уже в раннем возрасте познал прелесть человеколюбия, узнал об обязанностях человека и гражданина. Книги из «желтого шкапа» его матери, в основном романы, дополнили его воспитание. Несмотря на их художественное несовершенство, говорит Карамзин, они раскрыли все же перед мальчиком

---

151 Н. М. Карамзин. Соч., т. III, стр. 519.
152 Там же, стр. 241.
153 Там же, стр. 264.
154 Там же.

превосходство добра над злом. Таким образом воспитание Леона шло в ином русле, чем героя «Моей исповеди». Мы не знаем, какую пользу принес своему отечеству Леон, но, очевидно, он оказался в той среде, которую Карамзин называет «средним состоянием», имея в виду среднее дворянство, т. е. тот слой, из которого вышел сам Карамзин, кому он адресовал свой журнал и в ком видел главную опору русского самодержавия.

Вопросы воспитания молодого поколения подняты Карамзиным в статьях «Вестника Европы»: «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени», «Странность», «О публичном преподавании наук в Московском университете» и др. Существующую в России систему воспитания дворянских детей Карамзин считал несовершенной, а в некоторых случаях и порочной, не отвечающей задачам, стоящим перед господствующим сословием. Воспитанию, как уже отмечалось, он придавал огромное значение, ибо оно было компасом в житейском океане. Поэтому первыми воспитателями детей должны, по его мнению, стать родители, отец и мать. «Мы знаем первый и святейший закон природы, что мать и отец должны образовывать нравственность детей своих, которая есть главная часть воспитания...»[155]. «Натура дает отцу такие права на юное сердце, — писал он в другой статье, — каких никто другой не имеет»[156]. А между тем в дворянской среде, отмечал он, отец и мать зачастую посвящают свою жизнь свету, а воспитание детей перекладывают на плечи наемных учителей, которые не могут внушить молодому человеку ни понятия о должности сына отечества, ни дворянской гордости, никаких патриотических чувств. В статье «Странность» Карамзин выступил против обыкновения обучать детей в иностранных пансионах. Статья написана в связи с объявлением одного француза, открывшего пансион для детей русских дворян в Париже. Называя эту затею странною, Карамзин писал: «...мы знаем, что всякий должен расти в своем отечестве и заранее привыкать к его климату, обычаям, характеру жителей, образу жизни и правления; мы знаем, что в одной России можно сделаться хорошим русским... Если отец пошлет десятилетнего

---

[155] Н. М. Карамзин. Соч., т. III, стр. 607.
[156] Там же, стр. 594.

сына своего на пять или на шесть лет в чужую землю, то чужая земля будет для сына отечеством...»[157]. Воспитание, поручаемое учителям-иностранцам, давало такие печальные плоды просвещения, как герой «Моей исповеди».

Программа обучения и сроки его также не удовлетворяли Карамзина. Уровень развития просвещения в Европе, развитие самого Русского государства требовали, по его мнению, более широкой и основательной подготовки дворянства, чтобы оно оказалось способным в будущем занять ведущие посты в гражданской, военной и всякой другой службе. Дворяне в России, писал он, учатся дольше всех. Но обучение дворянских детей кончается в 15 лет. Именно в это время формируются взгляды, вкусы, а юноша поступает на службу и начинает вести светский образ жизни. Таким образом, государство не получает образованных чиновников, офицеров, способных осуществить великие задачи, стоящие перед молодым Российским государством.

Карамзин в общих чертах наметил направление развития дворянского образования, попутно решая вопрос и о национальных кадрах преподавателей и воспитателей. Как на положительное явление он указывал на улучшение подготовки офицеров в кадетском, морском и артиллерийском корпусах, в программу которых были включены при Екатерине II «все необходимые для государственного просвещения науки». «...Мы живем уже не в те мрачные, варварские времена, когда от воина требовалось только искусства убивать людей», — писал он. Питомцы корпусов выходят теперь в жизнь «исправными, знающими офицерами, способными для гражданских должностей...»[158]. Считая идеальным для молодого человека дворянского происхождения получение образования в Университете, Карамзин, учитывая неосуществимость своего желания, пропагандировал самообразование через общение с книгой, посещение публичных лекций. Для просвещенного человека своего времени он считал необходимым знание естественной истории и истории народов, основ «опытной физики», знание системы торговли, финансов и т. д.

---

[157] Н. М. Карамзин. Соч., т. III, стр. 607—608.
[158] Н. М. Карамзин. Соч., т. I, стр. 354—355.

Полупросвещенность, неразвитость ума и чувства отрицательно сказывались, как он считал, на нравственном облике русских дворян. Через распространение просвещения и образования в дворянской среде Карамзин надеялся поднять дворянство до необходимого нравственного уровня, искоренить пороки, разлагавшие господствующий класс, и тем самым укрепить его положение. Именно непросвещенностью или полупросвещенностью (что еще хуже) Карамзин объяснял праздный образ жизни дворянства, стремление к роскоши, неумение вести хозяйство и, наконец, жестокость в отношении с крестьянами. Просвещенный человек, указывал он, «ценит удовольствия и выбирает лучшие». Многие русские дворяне, писал он с возмущением, «живут в нужде от беспорядка в хозяйстве и непозволительного мотовства». «Ввечеру великолепное освещение, огромная музыка, живописные терпсихирины группы, и на столе произведения всех частей мира; а на другой день низкие поклоны заимодавцам! Хотят удивить иностранцев; хотят дать им выгодную идею о нашем вкусе, уме, просвещении... Усердные любители отечественной славы! Россия увольняет вас от таких патриотических усилий..., она требует от вас одной разсудительности, честности, одних гражданских и семейственных добродетелей; требует, чтобы вы заставляли иностранцев удивляться не мотовству своему, а порядку в ваших идеях и домах»[159].

Привилегированное положение дворянства, согласно социальной концепции Карамзина, обеспечивалось трудом двух низших сословий: торгово-ремесленного и земледельческого.

Вопрос о положении мещан и купечества затрагивался Карамзиным только в связи с общей проблемой развития самодержавия. Отмечая важность и нужность этого сословия для государства, он мало интересовался его положением, хотя при случае считал необходимым отметить успехи в торговле и промышленности, а также успехи в распространении просвещения и книги среди городского населения. Большее внимание он, естественно, уделял крестьянскому вопросу, что обусловлено было исторической обстановкой конца XVIII — начала XIX века.

---

[159] Н. М. Карамзин. Соч., т. III, стр. 596.

В царствование Павла I в положении крестьян ничего не изменилось. Указ о трехдневной барщине и запрещении помещикам заставлять крестьян работать в воскресные и праздничные дни имел рекомендательный характер и не улучшал положения крестьян. При вступлении Александра I на престол крестьянский вопрос оставался одним из важнейших во внутренней политике правительства. В первые годы правления Александра I он обсуждался и в Негласном Комитете и в Непременном Совете. Но сопротивление крепостников, ссылавшихся на опасность освобождения крестьян, нерешительность или скорее нежелание Александра I сделать какие-то шаги к ограничению власти помещиков над крестьянами привели к очень незначительным результатам, не оказавшим влияния на положение крестьян в целом: были приняты указ «О вольных хлебопашцах» и «Положение для селян Лифляндской губернии». Таким образом, правительство Александра I не решило вопроса о крепостных крестьянах, а между тем он становился все более злободневным. Даже в дворянской среде все больше начинали понимать опасность чрезмерного угнетения крестьян. В первые годы правления Александра I из дворянской среды поступило немало проектов по крестьянскому вопросу.

Конечно же, в тот момент, когда общество проявило повышенный интерес к крестьянскому вопросу, Карамзин не мог оставаться в стороне и не высказать своего мнения, хотя понимание им этого вопроса было весьма узким и ограниченным и не выходило за рамки екатерининского «Наказа». В «Историческом похвальном слове Екатерине II» Карамзин посвятил крестьянству всего одну страницу, начав ее с заявления, что «земледельческое состояние является необходимым и труднейшим и нуждается в ободрении». Он просто повторил 297-ю статью «Наказа», а дальше прокомментировал текст Екатерины II следующим образом: «Главное же ободрение сельского трудолюбия, — писал он, — есть, по словам ее, право собственности: всякий печется о своем более, нежели о том, что другому принадлежит, или что другие могут отнять у него (ст. 295, 296). Ее человеколюбивое намерение ясно (ст. 261), ее желание так же (ст. 260)»[160].

[160] Н. М. Карамзин. Соч., т. I, стр. 321.

Текст последних двух статей «Наказа» Карамзин не раскрывает. Обратимся к «Наказу». Статья 260-я гласит: «Не должно вдруг и через узаконение общее делать великого числа освобожденных». Статья 261 «Наказа» гласит: «Законы могут учредить нечто полезное для собственного рабов имущества»[161]. Несколькими строками ниже, рассматривая вопрос об «Учреждении о губерниях», Карамзин подчеркнул как важную сторону этого закона введение надзора наместников «для пресечения злоупотреблений господской власти над рабами», который, как известно, не имел никакого практического значения. «Сии гнусные, но к утешению доброго сердца малочисленные тираны, которые забывают, что быть господином есть, для истинного дворянина, быть отцом своих подданных, не могли уже тиранствовать во мраке; луч мудрого правительства осветил их дела, страх был для них красноречивее совести, и судьба подвластных земледельцев смягчилась»[162].

В сущности этими мерами Карамзин считал крестьянский вопрос исчерпанным. Но поскольку вопрос о крестьянстве в первый же год правления Александра I оказался в центре внимания не только правительства, но и общественности, Карамзин нашел нужным высказаться более определенно. В статье «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени», написанной в 1802 году и опубликованной в «Вестнике Европы», он указал на то, что все проекты освобождения крестьян являются нарушением не только прав дворянства, в основе которых лежит их право собственности на землю, но и сложившегося исторически союза между дворянством и крестьянством: «Российский дворянин, — писал он, — дает нужную землю крестьянам своим, бывает их защитником в гражданских отношениях, помощником в бедствиях случая и натуры: вот его обязанности. За то он требует от них половины рабочих дней в неделе: вот его право!»[163]. Он высказывался также против каких-либо ограничений власти помещика над крестьянами, поскольку она «по самым нашим законам не есть тиранская и неограниченная»[164].

---

161 «Наказ...», стр. 76.
162 Н. М. Карамзин. Соч., т. I, стр. 339.
163 Н. М. Карамзин. Соч., т. III, стр. 591.
164 Там же.

Высказывая свое отрицательное отношение к проектам по крестьянскому вопросу, Карамзин тем не менее не считал, что все обстоит благополучно и ничего предпринимать не нужно. Вслед за заявлением о том, что господская власть не тиранская, он говорит: «Патриотизм не должен ослеплять нас: любовь к отечеству есть действие ясного рассудка, а не слепая страсть; и жалея о тех людях, которые смотрят на вещи только с дурной стороны, не видят никогда хорошего, и вечно жалуются, мы не хотим впасть и в другую крайность, не хотим уверять себя, что Россия находится уже на высочайшей ступени блага и совершенства. Нет, мудрое правление наше тем счастливее, что оно может сделать еще много добра отечеству»[165]. А дальше он заявлял, что перед правительством стоит неотложная и назревшая задача: составление нового законодательства, которое более соответствовало бы современному уровню общества и обеспечивало продвижение общества вперед. Предшествующим развитием государства такое законодательство, доказывал он, уже подготовлено, нужно только привести в систему то, что издано Петром, Анной, Елизаветой и Екатериной.

Что ожидал Карамзин от нового законодательства, он высказал определенно: «Великая Екатерина даровала нам *систему политических уставов, определяющих права и отношения состояний к государству*. Александр дарует нам *систему гражданских законов, определяющих взаимные отношения граждан между собой* (курсив мой. — *Л. К.*). Тогда законоведение будет наукою всех россиян и войдет в систему общего воспитания»[166].

Чтобы понять смысл выступления Карамзина в данной статье, следует вспомнить, что Карамзин рассматривал самодержавие как прогрессивную силу, обеспечивающую движение общества вперед. Самодержавие, принимая более мягкую и совершенную форму, вследствие совершенствования нравственности, в свою очередь расчищало путь для дальнейшего совершенствования нравственности в народе, что способствовало в конечном итоге установлению более совершенного гражданского

---

[165] Н. М. Карамзин, Соч., т. III.
[166] Там же, стр. 593.

общества. Преобразующая функция самодержавия осуществлялась через законодательство. Согласно выработанной Карамзиным схеме развития государства, самодержавная власть должна постепенно изменить положение всех сословий государства. Пока что, как считал он, самодержавие дало политические права только дворянству. В дальнейшем, полагал он, произойдут изменения и в положении двух низших сословий. В статье «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени» Карамзин, руководствуясь своей схемой, указывал правительству Александра I на необходимость действовать именно в этом направлении, а не заниматься решением частного крестьянского вопроса; не опережать развития общества, а приступить к осуществлению более общих и назревших задач. Создав новое законодательство, правительство, по его мнению, решило бы и крестьянский вопрос, руководствуясь при этом общим государственным интересом и учитывая уровень нравственного развития общества в целом и отдельных сословий.

В то же время, указывал он, правительство и дальше должно способствовать развитию просвещения в стране, т. к. только при условии нравственного совершенства можно прийти к совершенному гражданскому обществу.

Выступая против освобождения крестьян, Карамзин обосновывал это и тем, что крестьянство в России недостаточно просвещено и не подготовлено к переходу на положение независимых земледельцев. Это он показал, не жалея красок, в «Письме сельского жителя». Статья написана Карамзиным в 1803 году. Возможно, В. И. Семевский прав, связывая ее появление с указом «о вольных хлебопашцах»[167]. Главная мысль карамзинского письма — доказать, насколько воля пагубна для самих крестьян. Он как бы предостерегал правительство от опасности поспешного проведения этого указа в жизнь. Русский крестьянин, доказывал Карамзин в своем письме, невежественен, «ленив от природы, от навыка, от незнания выгод трудолюбия». Поэтому воля, данная крестьянам, может обернуться бедой и для государства

---

[167] В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России, т. I, стр. 352.

и для самих крестьян. Это он и проиллюстрировал в своем письме. Крестьяне, отпущенные на легкий оброк и предоставленные самим себе, обеднели, предались пьянству и лени. «Воля, мною им данная, — пишет «сельский житель», — обратилась для них в величайшее зло: то есть, в волю лениться и предаваться гнусному пороку пьянства...»[168]. Поэтому крестьян нужно не освобождать, заключает он, а просвещать. В интересах самих крестьян и государства, доказывал Карамзин, чтобы над крестьянами стоял помещик, на которого возлагалась обязанность просвещения крестьян и надзора над ними. Под просвещением в данном случае понималось воспитание нравственности крестьян. «Заставьте ленивого работать; он скоро удивится своей прежней ненависти к трудам, — писал Карамзин. — Сократ называл добродетель знанием: всякий порок можно назвать *невежеством* — ибо он есть слепота ума...»[169].

Помещик в воспитании крестьян должен идти рука об руку со священником. Религия, а вернее набожность, по мнению Карамзина, заменяет непросвещенным людям разум, наставляя их к добру и добродетельной жизни. «Человек с умом образованным имеет тысячу побуждений быть добрым: набожность заменяет их для грубого земледельца, и смягчает его душу»[170]. Карамзин был твердо убежден, что крепостной крестьянин по своей психологии раб. Его поведение не определяется как поведение патриархального свободного крестьянина природной добродетелью. У крепостного крестьянина ее нет, а разум его не просвещен. Душа такого человека наиболее подвержена порокам. В «Записке о древней и новой России» Карамзин так заявил об этом: крестьяне (до Годунова, который закрепостил крестьян), «имели навык людей вольных, — ныне имеют навык рабов»[171]. Поэтому единственный выход из создавшегося положения он видел в том, чтобы крестьяне «имели добрых господ и средство просвещения, которое одно, одно сделает все хорошее возможным»[172].

---

[168] Н. М. Карамзин. Соч., т. III, стр. 570.
[169] Там же, стр. 575.
[170] Там же, стр. 577.
[171] Н. М. Карамзин. Записка.., стр. 83.
[172] Н. М. Карамзин. Соч., т. III, стр. 575.

Взгляды Карамзина по крестьянскому вопросу как нельзя более полно отвечали настроениям основной массы крепостников, далеких от всяких идейных соображений. Под «Письмом сельского жителя» с радостью мог подписаться любой крепостник-помещик. Но Карамзин прекрасно понимал тяжесть положения крепостного крестьянина и даже в «Записке о древней и новой России» он называет неволю крестьян «решительным злом»[173]. Несмотря на стремление показать процветание русских крестьян «под отеческой» властью помещиков, он знал, насколько отличается положение русского крепостного от положения свободного западноевропейского крестьянина. На это он указывал, и неоднократно, в своих ранних произведениях и в статьях «Вестника Европы». Так, в статье «О новом образовании просвещения в России» он писал: «Мы с изумлением видели в разных государствах Европы земледельцев трудолюбивых, но просвещенных, живущих с приятностью, вкусом, мирно и счастливо — тем счастливее, чем они просвещеннее; мы видели заведенные в деревнях школы, ...видели в хижинах (не отвратительных, но опрятных и чистых) книги и добрые нравы; говорили с земледельцами и слышали, что они благословляют скромную долю свою в гражданском обществе, считают себя не жертвами его, а благополучными подобно другим состояниям, которые все должны трудиться, хотя разным образом, для пользы отечества и собственной. Русские патриоты, убежденные очевидно истиною, что человек и в хижине и за плугом может... быть в самом деле человеком, верили тогда, что отечество наше имеет право ожидать новых, еще великих благодеяний от трона в рассуждении государственного просвещения...»[174].

С успехами просвещения в стране он связывал замечаемые им улучшения в благосостоянии крестьян. Возражая «иностранным писателям», «которые беспрестанно кричат, что земледельцы у нас несчастливы», он указывал на торговые и промышленные предприятия, принадлежащие крестьянам, как свидетельство улучшающегося положения крестьян[175]. «...Многие крестьяне

173 Н. М. Карамзин. Записка.., стр. 83.
174 Н. М. Карамзин. Соч., т. III, стр. 351.
175 «Вестник Европы», 1802, № 12, стр. 321.

села Пушкина, — писал он в статье «Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице», — живут не в избах, а в красивых домиках, не хуже самых богатых поселян в Англии и в других европейских землях»[176]. Также могли жить и другие, добавляет он, «если бы не гибельная страсть к вину». В статье «Путешествие вокруг Москвы» он писал о крестьянских мастерских и фабриках, появление которых он также связывал с успехами просвещения. «В самых маленьких деревеньках женщины в избах своих вьют шелк, а мужья ткут платки, и проч. Мудрено ли, что многие крестьяне начинают жить господами, опрятно, со вкусом и даже роскошно? Иностранные путешественники могли бы удивиться их избытку...»[177].

Подобными примерами Карамзин стремился доказать, что крестьяне могут благоденствовать и под властью господ, и что улучшение их жизни зависит в основном от их нравственности и трудолюбия. В будущем, с распространением просвещения, Карамзин надеялся, что русские крестьяне будут жить подобно западноевропейским, при этом он не затрагивал вопроса о крепостной зависимости. Но все это были «прекраснодушные мечты», которые на деле выглядели как заурядное стремление сохранить крепостное право.

Итак, на основании изучения материалов «Вестника Европы», издаваемого Карамзиным в 1802—1803 годах, а также его статей и других произведений, написанных в последние годы XVIII и первые годы XIX века, можно сделать вывод, что в это время в основном оформились общественно-политические взгляды Н. М. Карамзина. В условиях начавшегося разложения феодально-крепостнической системы хозяйства Карамзин выступил с программой укрепления и сохранения самодержавно-крепостнического строя в России. Испытывая страх перед революцией, стремясь закрыть ей вход в Россию, Карамзин в качестве противовеса революционному пути преобразования общества, выдвинул свою идею эволюционного развития русского государства в рамках самодержавия и крепостничества. Его социально-полити-

---

[176] «Вестник Европы», 1802, № 15, стр. 217.
[177] «Вестник Европы», 1802, № 4, стр. 285—286.

ческая программа преследовала основную цель — обеспечить дальнейшее развитие России в русле самодержавно-крепостнического строя и социального неравенства.

В концепции Карамзина самодержавие выступает как самостоятельная, надклассовая сила, стоящая над обществом, обеспечивающая прогрессивное развитие государства. Карамзин рассматривал самодержавие как гибкую, меняющуюся в зависимости от уровня развития нравственности и просвещения, государственную форму, которая проходит эволюцию от грубого самовластия до «просвещенной монархии». По мнению Карамзина, «просвещенный абсолютизм», получивший выражение в «Наказе» Екатерины II, был именно той формой правления, которая больше всего соответствовала уровню развития русского общества в конце XVIII — начале XIX века. Поэтому в начале царствования Александра I он звал его вернуться к осуществлению программы, намеченной в «Наказе» Екатериной II. Обращение Карамзина к нормам «Наказа» в начале XIX века определялось тем, что после деспотического и сумбурного правления Павла I сама идея абсолютной власти была дискредитирована и в глазах русского общества и самого Карамзина. Более гибкие и мягкие формы «просвещенного абсолютизма», с точки зрения Карамзина, больше отвечали нравственному состоянию общества в начале XIX века.

Объективно социально-политическая программа Карамзина идеологически укрепляла царизм. Он закрывал глаза на деспотическую сущность самодержавного строя и рисовал картину идеальных государственных порядков, которые, по его словам, возможны при таком строе.

В русском дворянстве Карамзин видел главную социальную опору самодержавия. Поэтому он выступил с широко разработанной программой вовлечения дворянства в общественно-политическую и культурную жизнь страны, стремясь, таким образом, обеспечить за дворянством ключевые позиции в государственном аппарате и руководящую роль в общественной жизни. Особое внимание он уделял вопросу вовлечения дворянства в сферу просвещения, надеясь сосредоточить дело просвещения народа в его руках, что должно быть спо-

собствовать воспитанию в народных массах повиновения царю и отечеству помещиков-крепостников.

Стремясь сохранить в неприкосновенности самодержавно-крепостнический строй, Карамзин выступил против каких-либо реформ по крестьянскому вопросу, доказывая опасность и преждевременность освобождения крестьян их невежеством и непросвещенностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На рубеже XVIII и XIX веков Н. М. Карамзин был одним из выдающихся представителей дворянской общественной мысли в России. Деятельность его широка и многогранна: поэт и прозаик, талантливый публицист и критик, известный журналист, он был в то же время крупным общественным деятелем.

Начало его сознательной жизни, литературной и общественной деятельности, формирование мировоззрения проходили в сложных и противоречивых условиях конца XVIII века: начавшегося разложения феодальной системы хозяйства и развития капиталистических отношений, обострения классовых противоречий в стране, усиления реакционной политики самодержавного правления, углубления консервативных настроений дворянского общества в России. Вместе с тем это был период, когда во Франции развертывались колоссальные события, вылившиеся в революцию, которая оказала влияние на жизнь и настроения различных слоев русского общества. В своем мировоззрении Карамзин отразил сложность этой эпохи.

В начальный период своей деятельности Карамзин находился на умеренно-либеральных позициях и отражал настроения тех кругов русского дворянства, которые искали путей для прогрессивного развития страны, не ломая основ существующего строя. Мысль Карамзина до середины 90-х годов XVIII века развивалась главным образом в сфере философии, морали, вопросов нравственности и воспитания. В этот период он наиболее полно испытывает влияние передовых идей своей эпохи.

Крутым переломом в развитии его мировоззрения была Французская буржуазная революция. Она не изменила в основном его философских и морально-этических взглядов, но он стал больше и острее заниматься социальными и политическими вопросами, а дворянская сущность его мировоззрения проступает теперь гораздо резче и полнее. Именно к этому времени относится формирование его взглядов на самодержавие как «палладиума России».

Страх перед революцией и грядущим миром, установление которого Карамзин наблюдал во Франции, обострение социальных противоречий в стране заставили его искать средство против революции, искать силу, способную противостоять новому миру. Такую силу он увидел в самодержавии. Этому способствовало и то, что в конце XVIII и начале XIX века Россия выступает как мощное государство, достигшее крупных внешнеполитических успехов, которые укрепляли авторитет самодержавия, а дворянство достигло вершины экономического и политического могущества и сохраняло еще ведущую роль в феодальном обществе. Доказательства необходимости и разумности самодержавной власти для России Карамзин черпал и в ее прошлом, в ее традициях, опираясь при этом на авторитет политического учения просветителей XVIII века, используя их идеи в интересах укрепления самодержавного государства.

Однако и для этого периода его жизни, когда его консервативная программа достаточно четко определилась, для нее все же была характерна известная противоречивость — отгородиться от «духа времени», от новых прогрессивных идей, которые неизбежно зарождались в русском обществе, Карамзин окончательно не смог. Широта кругозора позволила ему избегнуть крайних и реакционных выводов. Поэтому он выступает за широкое распространение просвещения, за культурное общение с Западом, о чем свидетельствует его журнал «Вестник Европы». Этим объясняются его лояльное отношение к различным течениям общественной мысли и его личные контакты со многими передовыми представителями своей эпохи. Однако сам он был чужд революционным выводам даже на заре общественной и литературной деятельности.

Карамзин сыграл большую роль в развитии русской

культуры. Сложность и противоречивость его идеологии отражали сложность самой эпохи, сложность положения дворянского класса в тот период, когда феодальный строй уже терял свои потенциальные возможности, а дворянство как класс становилось консервативной и реакционной силой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЛОЯ ГЕОРГИЕВНА КИСЛЯГИНА

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ Н. М. КАРАМЗИНА (1785—1803)

Редактор Л. В. Кутукова
Младший редактор Е. А. Капустина
Переплет художника Н. Ф. Зыкова
Технический редактор
З. С. Кондрашова

Тематический план 1975 г. № 68

Сдано в набор 27/VIII—75 г. Подписано к печати 5/II—76 г. Л-53485 Формат 84×108 1/32 Бумага тип. № 1. Физ. печ. л. 6,25 Усл. печ. л. 10,5 Уч.-изд. л. 10,70 Изд. № 2446 Заказ 306 Тираж 5830 экз. Цена 78 коп.

Издательство Московского университета.
Москва, К-9, ул. Герцена, 5/7.
Типография Изд-ва МГУ. Москва, Ленинские горы